

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
КУРГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
ИМЕНИ ПРОФ. В.А. ЛЕБЕДИНСКОЙ

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

ПАМЯТИ

проф. Валентины Андреевны ЛЕБЕДИНСКОЙ

ВЫПУСК 2

Курган 2005

Ш 141.2 – 3
УДК 415.61
ББК 81.2 –3
Ф – 32

Фразеологические чтения памяти профессора Валентины Андреевны Лебединской. Выпуск 2 / Отв. ред. Н.Б. Усачева.- Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005.- 223 с.

Сборник материалов Всероссийской научной конференции «Фразеологические чтения» посвящается памяти д.ф.н. профессора Валентины Андреевны Лебединской, создавшей научные основы исследования процессуальных фразеологизмов. Второй выпуск сборника научных работ содержит статьи ученых-фразеологов, исследующих структурные, семантические, функциональные, прагматические свойства фразеологических единиц.

Книга адресуется преподавателям, аспирантам, учителям русского языка, студентам филологических специальностей.

Рецензенты:

Д.ф.н., профессор Челябинского государственного педагогического университета Чепасова А.М.

К.ф.н., доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Челябинского государственного педагогического университета Чепуренко А.А.

Редколлегия:

кандидат филологических наук, доцент Н.Б. Усачева (отв. ред.),
кандидаты филологических наук, доценты А.А. Соколова, Н.В. Шведова,
студентка М.И. Лебединская

ISBN 5 – 86328 – 662 – 8

Курганский
государственный
университет, 2005

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

Перед вами второй выпуск сборника научных статей «Фразеологические чтения», посвященный светлой памяти доктора филологических наук, профессора Валентины Андреевны Лебединской. 2 года назад ушла она из жизни, но не ушла из наших умов, сердец, научных исследований.

Валентина Андреевна опубликовала более 100 работ, которые мы перечитываем снова и снова, учимся по ним, ищем новые идеи и понимаем, что лучше о фразеологии не скажешь. Последовательница Челябинской фразеологической школы, Валентина Андреевна глубоко вникла в проблемы процессуальных фразеологизмов, но никогда не останавливалась на достигнутом. Она была в постоянном научном поиске, неустанно собирала массовый фактический материал, осваивала новые компьютерные методы исследования. Ей был интересен как отдельно взятый фразеологизм, так и основные тенденции развития фразеологии в целом. В последние годы Валентина Андреевна проявляла большой интерес к поэтической фразеологии.

Валентина Андреевна обладала поистине энциклопедическим складом ума. Прекрасное владение фактическим материалом и острое лингвистическое чутье сочетались у В.А. Лебединской с фундаментальными знаниями в области истории языка и всех разделов современного языкознания. Валентина Андреевна не любила вариться в собственном соку, ей необходимо было общение с учеными-фразеологами, поэтому она старалась участвовать во всех конференциях, с удовольствием ездила по городам России и за границу. Валентина Андреевна не замыкалась на собственных исследованиях. Ее интересовал мир во всем его многообразии, со всеми его красками.

Валентина Андреевна была первым руководителем аспирантуры при кафедре русского языка Курганского государственного университета. Фразеология была огромной любовью Валентины Андреевны. Огнем своей любви она делилась со всеми, кто ее окружал. Вдохновенно и неустанно работала Валентина Андреевна со студентами и аспирантами. Молодые специалисты брали с В.А. Лебединской пример, как надо работать, какие огромные картотеки надо собирать, чтобы выводы были достоверными, как внимательно надо относиться к языковому материалу.

В.А. Лебединская оказала огромное влияние на становление фразеологии как отдельного раздела языкознания. Ее научные труды войдут в историю общей и русской фразеологической науки и будут служить образцом глубокого проникновения в сложную и многообразную природу объектов фразеологии, способствуя дальнейшему ее развитию.

Ученики и последователи

Функционирование фразеологических единиц в телевизионной речи

Абдрахманова И.Э.
Казань

Обучение иностранных студентов восприятию русской телевизионной речи дает им возможность органично войти в русскую социальную и речевую культуру, на примере живой звучащей литературной речи познакомиться со всеми структурными уровнями языка, его выразительно-образительными средствами, а также особенностями национальных паралингвистических факторов.

Язык телеречи синкретичен и практически включает в себя элементы всех функциональных стилей, использует все возможные выразительно-образительные средства, в том числе фразеологические обороты.

В телевизионных монологах используются два типа фразеологических оборотов, считает исследователь М.В. Вартанян:

- фразеологические обороты, образность которых понятна, привычна без телевизионного контекста:

«Наш оператор снимал среди бела дня»

«Другая головная боль для Центра избиркома: кого считать кандидатом из блока...» (Вести недели 25.01. 04)

«Кто-то здесь же играет в карты, кто-то в домино, но «резать в дурака» или «забивать козла» – таких понятий у китайцев не существует» (Вести 17. 10. 04).

- фразеологические обороты, образность которых не выражена во всех видах контекста, кроме телевизионного:

«Опасно! Высокое напряжение!» - гласит эта надпись. Сейчас сюда пришла другая опасность – полнейшее отсутствие напряжения жизни».

«Последнюю проблему решили действительно по-братски: не дали разгореться газовому скандалу» (Вести недели 25.01.04). Восприятие фразеологизма «разгореться скандалу» визуально поддержано видеокдрами газового факела.

«Одна из причин сегодняшних тревог американцев – беспокойство, вызванное тем, что экономическая почва уходит из-под ног» (В.Зорин, 1975) Состояние дискомфорта, материализованное в кадрах картины нервных спешащих по своим делам людей, конкретизирует стертый фразеологизм, придавая ему новое звучание, новые оттенки значения на двух уровнях.

В контексте, в сочетании с определением «экономическая», обновляется метафорическое значение фразеологизма «почва уходит из-под ног»; в экранном контексте в сочетании с кадрами спешащих озабоченных людей значение фразеологизма материализуется в зрительном ряде, также создавая новый, образный смысловой план.

«Подводное шоу выстроено по всем законам театра. Не дыша работают под водой актеры, а дыхание от зрелища перехватывает у зрителей» (Вести Москва Январь. 2004). В данном примере образность фразеологизма «перехватить дыхание» усиливается за счет столкновения прямого и

переносного значения сочетаний («работать не дыша под водой» – буквальное значение; «работать не дыша» – осторожно, напряженно – переносное значение). Красивое зрелище на экране усиливает эмоциональное восприятие комментария.

Таким образом, в комбинированных публицистических передачах, где собственно-вербальные средства ТВ-выступлений актуализуются в сочетании с закадровым комментарием, образительно-выразительные средства языка, в том числе фразеологизмы, приобретают новые выразительные возможности в сочетании с понятийно-значимым изображением.

При обучении восприятию студентов-иностранцев русской телевизионной речи такое явление как фразеологические обороты требует специального комментария. Письменный или устный комментарий – это первый этап работы с телетекстом, конечной целью обучения наряду с другими является умение студентов самостоятельно узнавать в тексте выразительные единицы языка и понимать их значение.

Литература

Вартанян М.В. Коммуникативные основы телевизионного монолога М., 1986.

**К проблеме создания словаря фразеологизмов-союзов,
связывающих семантически и грамматически
относительно независимые конструкции**

Аверина М.А.
Озёрск

Создание частных фразеологических словарей актуально для современной фразеологии. Единицы, входящие в такие словари, вычленены на основании различных критериев: общности семантики, структуры, грамматических признаков, компонентного состава и т.п.

Мы представляем словарь, в котором содержится фрагмент фразеологической системы языка, представленный грамматическими фразеологизмами - классом фразеологизмов-союзов (по классификации А.М. Чепасовой), подклассом фразеологизмов-союзов, связывающих семантически и грамматически относительно независимые конструкции, - по своим семантическим и грамматическим свойствам соотносимыми с лексическими сочинительными союзами. Нам представляется целесообразным создание автономного словаря, включающего названные единицы, так как фразеологизмы-союзы не нашли достаточно полного отражения в лексикографии, не выработан единый принцип их обозначения и толкования в высшей и средней школе: «частицы речи» (В.В. Виноградов), «составные союзы» (в академических грамматиках, в вузовских учебниках), «сложные союзы» (Н.Ю. Шведова), «эквиваленты слова» (Р.П. Рогожникова). На наш взгляд, наиболее точным обозначением единиц данного класса будет термин «фразеологизм-союз». Называя единицы этим термином, мы указываем на их характерные признаки: раздельнооформленность, цельность значения, соотносительность с лексическими союзами.

Класс фразеологизмов-союзов предметом специального исследования не был, хотя об отдельных фразеологических единицах можно встретить замечания в работах В.В. Виноградова, Н.Ю. Шведовой, Р.П. Рогожниковой и других. В работах членов Челябинской фразеологической лаборатории А.Д. Соловьёвой, Л.Д. Игнатъевой, Н.А. Павловой, Т.Е. Помыкаловой, Т.Г. Голощаповой, Е.Ф. Габрик структурные и семантические свойства некоторых фразеологизмов-союзов характеризуются наряду со структурными и семантическими свойствами единиц других семантико-грамматических классов.

Данный словарь будет предназначен для широкого круга читателей: для учащихся школ и учителей русского языка, для студентов-филологов, аспирантов, преподавателей, а также для тех, кто интересуется русским языком и русской фразеологией.

Цель словаря – дать представление читателям о структурных и семантических особенностях класса фразеологизмов – союзов, постоянно развивающегося и пополняющегося в русском языке.

Словарь призван решить следующие **задачи**: представить фразеологизмы-союзы, связывающие семантически и грамматически относительно независимые конструкции; дать толкование каждого фразеологизма, выявив его синтаксическую структуру, компонентный состав, тип варьирования, значение, омонимию, синонимию; показать особенности их широкого употребления в речи.

Материалом для предполагаемого словаря послужила оригинальная картотека фразеологизмов-союзов, связывающих семантически и грамматически относительно независимые конструкции, состоящая из 120 единиц в 10 000 употреблений, собранных методом сплошной выборки из произведений художественной, научной, научно-популярной литературы русских писателей, публицистики. При составлении картотеки мы также использовали данные фразеологического фонда русского языка при Челябинской фразеологической лаборатории.

Научная новизна данной работы состоит в том, что впервые структурному и семантическому описанию подвергнут класс фразеологических единиц, до настоящего времени не отражённый в лексикографии и фразеографии.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что впервые фразеологизмы-союзы, связывающие семантически и грамматически относительно независимые конструкции, подвергаются самостоятельному фразеографическому структурно-семантическому описанию, выявляются и описываются омонимические и синонимические пары и ряды названных единиц.

Результаты и материалы исследования могут быть использованы в речи широким кругом читателей (в том числе учащимися школ, преподавателями, работниками радио и телевидения, публицистами), а также в системных исследованиях по проблемам фразеологии и фразеографии, в лекционных и практических курсах «Фразеология», «Лексика», «Морфология»,

«Синтаксис» современного русского языка в вузе и в школе, при чтении спецкурсов и спецсеминаров по фразеологии.

Структура предполагаемого словаря:

- Предисловие
- Словарь
- Список фразеологизмов-союзов, связывающих семантически и грамматически относительно независимые конструкции
 - Омонимические пары и цепочки названных единиц
 - Синонимические ряды фразеологизмов-союзов

Словарная статья включает следующие параметры:

1. Заголовок.
2. Структура.
3. Значение.
4. Синонимия.
5. Омонимия.
6. Функционирование

Пробная статья словаря

НО НЕ

Структура. Два компонента: компонент лексический союз **но**, компонент-частица **не**. Расположение компонентов контактное.

Структурная модель – сочетание слов: «лексический союз + частица».

Значение. Фразеологизм – союз **но не** указывает на то, что при противоречащем отрицании переход действия возможен только на один объект’.

Философия в инженерии полезна, **но не** всегда продуктивна... (Про Маяк. 29.06.2001). Белинский был (...) исключительно преданный правде, раздражительный, **но не** самолюбивый, умевший любить и ненавидеть бескорыстно (И.Тургенев).

Синонимия. *А то (во 2 значении) - но не - да не - а не.*

Функционирование. Фразеологизм – союз **но не** соединяет члены синтаксического ряда:

- дополнения:

...зайцы и лисы предпочитают немного поголодать, **но не** выдавать себя (Наука и жизнь. 1997. №11).

- определения:

Достижение определённой стадии умственного развития – необходимое, **но не** достаточное условие перехода в следующую фазу морального развития (И.Кон).

- обстоятельства:

Сам Эйнштейн в своё время в шутку, **но не** без серьёзной нотки, заметил: новую физическую теорию делает человек, который (...) не знает, что так нельзя, что он идёт против общественного (Наука и жизнь. 1993. №9).

- части сложносочинённого предложения:

...пока ещё малы песочные «пограничники», **но не** так-то уж много утечёт воды в быстром Урале, в величавой Волге и в тихом Доне, пройдут считанные годы - и подымутся в коренастый солдатский рост молодые сосны (М.Шолохов).

Литература

1. Рогожникова Р.П. Словарь эквивалентов слов: наречные, служебные, модальные единства. – М.: Русский язык, 1991. – 254 с.
2. Словарь русского языка в четырёх томах – М.: Русский язык, 1988.
3. Чепасова А.М. Фразеологизмы в нашей речи. – Челябинск: Издательство ЧГПУ, 2000. – 292 с.
4. Чепасова А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: Учебное пособие. – Челябинск, 1974.

Предлог под² с винительным падежом как компонент фразеологического предлога и фразеологического союза

Аверина М.А.
Озёрск
Захарова Л.А.
Челябинск

В современном русском языке велика роль предлогов. Они служат не только для организации текста, но и выполняют строевую функцию, являясь компонентами фразеологических единиц.

Лексические предлоги входят в состав фразеологических предлогов и фразеологизмов-союзов не сами по себе, а как части предложно-падежных конструкций, сохраняющих функциональные падежные значения.

Материал нашей картотеки показал, что исследуемая единица является компонентом 37 фразеологических предлогов, что составляет 8% от общего количества выявленных фразеологических единиц релятивной семантики. Вслед за Шигановой Г.А., под компонентом фразеологизма мы понимаем слово, знаменательное или служебное, с претерпевшим качественные изменения значением как системы сем и сохраняющее внешнюю, формальную отдельность слова, которое не может выступать самостоятельно в качестве обозначения или члена предложения [1]. Продуктивной структурой фразеологических предлогов является **под² + существительное в творительном падеже: *под боком* (кого, чего), *под видом* (кого, чего), *под властью* (кого, чего), *под влиянием* (кого, чего), *под воздействием* (кого, чего).**

Лексический предлог **под²**, становясь компонентом релятивного фразеологизма, привносит категориальную сему и элементы своего лексического значения.

Лексический предлог **под²** вносит в семантическую структуру фразеологических единиц ***под влиянием*** (кого, чего), ***под тяжестью*** (кого, чего), ***под воздействием*** (кого, чего), ***под давлением*** (кого, чего) сему 'причина действия', актуализирующуюся в его третьем значении [3, т.3, с.171].

...пока девушка растёт, она должна находиться *под влиянием* одной только матери (А.Чехов). ...и вся земля дрогнет *под тяжестью* беспощадной истины (Л.Андреев). Она (...) плакала так, как плачет жалкая старость, у которой слёзы льются точно *под тяжестью* кошмара (М.Салтыков-Щедрин).

В семантическую структуру фразеологических единиц *под боком* (кого, чего), *под ногами* (кого, чего), *под носом* (кого, чего), *под рукой* (кого, чего) лексический предлог *под*² вносит сему 'непосредственная близость к кому-, чему-либо', актуализирующуюся в его первом значении [3, т.3, с.171].

Под рукой Павлика лежала большая книга (Из разговорной речи). *По ногами* толпы мешались дети (Из разговорной речи).

Лексический предлог *под*² вносит в семантическую структуру фразеологических единиц *под видом* (кого, чего), *под личиной* (кого, чего), *под маской* (кого, чего), *под вывеской* (чего) сему 'условия совершения какого-либо действия', актуализирующуюся в его четвёртом значении [3, т.3, с.171].

Идеи идеями, но ведь сколько, повторяю, было у этих юных революционеров и просто жажды весёлого безделья *под видом* кипучей деятельности... (И. Бунин). Здесь был Себех, чтимый в Фаюмэ *под видом* крокодила... (А. Куприн).

В семантическую структуру фразеологических единиц *под крылом* (кого, чего), *под крышей* (кого, чего), *под знаменем* (чего), *под облаками* (чего) лексический предлог *под*² вносит сему 'указание на предмет, имеющийся при другом предмете', актуализирующуюся в его восьмом значении [3, т.3, с.171].

В этом было что-то поразительно естественное и трогательное, какой-то отзвук далёкого прошлого, погребённого *под облаками* времени. (Советская Россия. 14.08.2004).

Материал нашей картотеки показал, что исследуемая единица является компонентом фразеологизмов-союзов, связывающих семантически и грамматически зависимые конструкции. Лексический предлог *под*², входящий в состав фразеологического предлога, являющегося компонентом фразеологизма-союза, вносит в семантическую структуру фразеологических единиц *под видом того что, под предлогом того что, под видом того чтобы* сему 'причина действия', актуализирующуюся в его третьем значении [3, т.3, с.171].

Фразеологизм-союз *под предлогом того что* указывают на вымышленную или предполагаемую причину.

Под предлогом того, что у Мишина не были готовы все документы, директор отправил его в отпуск. (Советская Россия. 11.05.2000).

Фразеологизм-союз *под видом того что* указывает на дополнительное основание «ложного» уподобления.

Он (дядя – М.А.) то и дело оставлял меня одного *под видом того, что* ему нужно то в умывальник, то в буфет, то в киоск, то к старику Якову (А.Гайдар).

Фразеологизм-союз *под видом того чтобы* указывает на вымышленную причину цели какого-либо действия.

Плюшкин заглянул в кухню, где *под видом того, чтобы* попробовать, хорошо ли едят люди, наелся препорядочно щей с кашею (Н.Гоголь).

Связь между фразеологизмами-союзами и фразеологическими и лексическими предлогами свидетельствует о стремлении современного человека чётко, логически верно выразить мысль, о развитии аналитизма в выражении синтаксических отношений.

Литература

1. Шиганова Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке: Монография. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2001. – 454 с.
2. Шиганова Г.А. Релятивные фразеологизмы русского языка. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2003. – 306 с.
3. Русская грамматика: В 2 т. – М.: Наука, 1980. – Т. 1-2.
4. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

Фразеологизмы-титулования человека в произведениях И.А. Бунина

Анохина С.В.

Курган

И.А. Бунин – представитель литературы конца XIX – начала XX века. В то время в обществе были широко распространены формулы речевого этикета. К человеку обращались согласно его титулу, званию, чину. Это нашло яркое отражение в творчестве И.А. Бунина.

Материалом нашего исследования послужили фразеологизмы-официальные почетные наименования лиц в следующих произведениях писателя: «Деревня», «Суходол», «Ночной разговор», «Холодная осень», «Темные аллеи» и некоторые другие. В состав данной группы входят единицы, называющие лицо, соответственно его титулу, чину, званию. Титулование – это «называние кого-либо сообразно титулу, чину, званию, а также словесная формула, которой титулуют кого-либо» [4, 368]. Под титулом понимается почетное владетельное или родовое название, а также наименование человека (обычно высокое, почетное) по роду занятий, общественному положению или название какой-либо должности, чина [4].

Наименование человека по титулу, по положению в обществе уже были предметом исследования. Например, Е.П. Карнович изучал историю титулов в России. В своей монографии «Родовые прозвания и титулы в России» он писал о титулах великих князей, о различных царских титулованиях (*царь всея Руси, великий государь, императорское высочество*), о дворянских титулах (*князь, граф, барон* и синонимичные им титулования *светлость и сиятельство*).

Официальные титулования – это почетные владетельные или родовые звания. Характерным свойством таких единиц является наличие в их составе

местоименного компонента – бывшего притяжательного местоимения *ваше*, *его*, *ее*, *их*. Второй компонент указывает на титул человека: *ваше (его, ее, их) сиятельство*, *ваше (его, ее, их) светлость* и другие [3].

В произведениях И.А. Бунина нами выявлены фразеологизмы, являющиеся наименованиями лиц, стоящих на высшей ступени общественной иерархии – монархов (*ваше (императорское) величество*); фразеологизмы – титулования князей, графов в царской России (*ваше (его, их) сиятельство*); титулования лиц, имевших чин генерал-майора, генерал-лейтенанта и соответствующих гражданских чинов (*ваше (его, их) (высоко) превосходительство*); титулования, присвоенные офицерам и чиновникам с 14 по 9 класс, согласно существовавшей тогда таблицы о рангах (*ваше (его, их) (высоко) благородие*; *ваше (его, их) милость*), – почтительное обращение человека нижестоящего к вышестоящему; религиозные титулования (*ваше (его, их) (высоко) преосвященство*) – титулование епископа; (*ваше (его, их) (высоко) преподобие*) – титулование священника. Фразеологизмы-титулования отличаются очень высокой частотностью употребления в рассказах И.А.Бунина. В десяти проанализированных нами рассказах и двух повестях было обнаружено более 400 употреблений данных фразеологических единиц. Наиболее частотным оказывается фразеологизм *ваше благородие* (40% от всех употреблений). Причина этого явления, по-видимому, в том, что названный фразеологизм в XIX – начале XX века мог употребляться для обозначения очень широкого круга чиновников (с 14 по 9 класс). Следующими по частотности являются фразеологизмы *ваше превосходительство* и *ваша милость* (45 % от всех употреблений). Меньшей частотностью обладают единицы, которые обозначают человека по определенному сану, званию, титулу: *ваше преосвященство*, *ваше величество*, *ваше преподобие* (15%). Например:

А Емеля подымается и кланяется ему, государю своему: Так точно, мол, *ваше императорское величество*. Это я самый и есть. Я, – говорит, – затем сюда приехал, государь – батюшка, что вы меня звали пряником кормить, а я любитель их есть. – Я тебя не пряниками кормить, – говорит ему государь с гневом, – я тебя велю сейчас в тюрьму забрать!.. – А за что же, *ваше императорское величество*, заберете вы меня? (О дураке Емеле, какой вышел всех умнее) ...носильщик поклат вещи в сетку над диваном, на котором я только что сидел, сказал барину, сунувшему в руку ему бумажный рубль, «счастливого пути, *ваше сиятельство!* И уже на ходу выбежал из вагона... (Начало). [Старичок-сенатор]: ... Вся земля покрыта нашими подписями, надписями и записями. Вы думаете, что Гомером, Толстым, Нестором руководили не те же самые побуждения, что и седьмым Ивановым? Те же самые, уверяю вас. Ох, сколь вы привержены к парадоксам, *ваше высокопревосходительство*, – сказала дама (Надписи). Базар уже разъезжался. Он [поручик] зачем-то походил... среди возов с огурцами, ... мужики оглушали его, кричали ему: «Вот первый сорт огурчики, *ваше благородие!*» (Солнечный удар) ... пошел поскорей на барский двор... Подхожу, вижу, едет на лошадке с подрубленным хвостом

мальчик в атласном картузике, с голыми руками-ногами, жокей называется... «Здравия желаем, мол, дозволейте спросить: у *вашей милости* моя коза?» – «А вы кто такой?» – «Хозяин этой козе» (Ночной разговор). Тот было – на грудь, а батенька пересадил ее пополам [палку], отшвырнул куда подале и кричит: – Не подходите, за ради бога, *ваше священство!* Вы, – кричит, – черный, жуковатый, а я еще жуковатей! Да и схвати его за руки! (Хорошая жизнь). Правой, приостановясь, он [о. Кир] благословлял – широко и властно. А благословив, совал руку к губам, покорно искавшим ее. – Откуда? – громко спрашивал он. – Липецкий, – бормотал мещанин. – Надень картуз. Как у вас нынче сады? – Цвети дивно, *ваше преподобие*, но ветер, господь с ним... Всю завязь обил (Чаша жизни).

В исследуемых произведениях И.А. Бунина фразеологизмы-титолования функционируют, как правило, в форме единственного числа; они используются для наименования отдельного конкретного человека, для того чтобы передать уважительное к нему отношение и одновременно обозначить его титул.

Данные фразеологизмы в силу своей семантики активно употребляются в функции официального обращения к человеку, занимающему соответствующее социальное положение. Субстантивные компоненты, входящие в состав исследуемых единиц, как правило, самостоятельно не функционируют, являются семантически неполнозначными и для своей реализации требуют обязательного присутствия определяемого компонента-местоимения. Этот компонент вносит в семантическую структуру фразеологизма сему, указывающую на лицо, к которому обращена речь. Эта сема согласуется с семой «признак лица», актуализируемой из лексического значения субстантивного компонента [3]. В произведениях И.А. Бунина данные фразеологизмы употребляются в основном в функции обращения (88% от общего числа употреблений), например:

Когда лошади стали, он выкинул из тарантаса ногу в военном сапоге... и, придерживая руками в замшевых перчатках полы шинели, взбежал на крыльцо избы. – Налево, *ваше превосходительство*, – грубо крикнул с козел кучер... (Темные аллеи). Тотчас вслед за тем в горницу вошла темноволосая... женщина ... – Добро пожаловать, *ваше превосходительство*, – сказала она. – Покушать изволите или самовар прикажете. (Темные аллеи)... Потом приказал привести извозчика, вынести вещи и, садясь в пролетку, дал лакею целых пять рублей. – А похоже, *ваше благородие*, что это я привез вас ночью! – весело сказал извозчик, берясь за вожжи. (Солнечный удар)... Вспомнил бы кто-нибудь, – да хоть та же Полканиха со зла, – вот мол, *ваше благородие*, на кого мы думаем, кто всему причиной, извольте ее опросить... (Хорошая жизнь).

Наряду с функцией обращения фразеологизмы-титолования способны выступать в роли дополнения, употребляясь в форме родительного или дательного падежа с объектным значением. Например:

...Рассказываю ему [барину], какая у меня коза яд, как меня съездили по уху за нее, – смеется, подобрел. «Сколько, говорю, ни преследую, никак не поймаю, и так хотел у *вашей милости* порошку попросить да у огородника ружье взять, из ружья ее пристрелить» (Ночной разговор). [Цыган]: – Добрый вечер, пану! А що *милости его* завгодно будэ? (Костер). Когда он [Павел] выскочил в свою комнату, она не спеша повернула ключ в замке. – *Его превосходительству* что-то нехорошо, надо, думаю пикюр сделать, – зашептала, входя, Марья Ильинишна. – Слава богу, генеральша еще спит, идите скорее... (Антигона).

Как правило, фразеологизмы-титулования, выступая в роли обращения, передают уважительное отношение к человеку (см. приведенные выше примеры). В некоторых случаях анализируемые единицы могут приобретать иронический оттенок. Например:

...Я жила в Москве, в подвале у торговки на Смоленском рынке, которая издевалась надо мной: «Ну, *ваше сиятельство*, как ваши обстоятельства? (Холодная осень).

Изменение коннотативной окрашенности связано с тем, что после революции 1917 года многие дворяне утратили свое привилегированное положение, титулы были отменены.

В произведениях Бунина может наблюдаться переадресация фразеологизмов. Например, фразеологизм *ваше благородие*, который изначально является «обращением к представителям власти, военным чинам, крупным чиновникам», в контексте выступает как наименование простого сторожа-солдата [5, 27]. Например:

[Кастрюк]: «Здравия желаем, *ваше благородие!*» – прибавил он, чтобы подделаться к солдату и поболтать немного (Кастрюк).

Субъект речи может употреблять фразеологизмы-титулования лица с различными целями. Если человек не заискивает в своем собеседнике, то фразеологизм просто несет уважительное отношение к лицу, указывает на его титул. В некоторых случаях присутствует сема подобострастия, и фразеологизм используется говорящим для того, чтобы расположить к себе человека, польстить ему и тем самым получить какую-нибудь выгоду для себя. Специфика употребления фразеологизмов-титулований прослеживается в произведениях Бунина в зависимости от социального положения лица и его принадлежности к определенному сословию. По данным нашей картотеки фразеологизм *ваша милость* активно используется низшими слоями общества, в частности крестьянами или мещанами, при обращении к вышестоящим лицам, к дворянам, богатым людям. Однако фразеологизм *ваша милость* не употребляется высшими слоями общества, так как им незачем перед кем-то заискивать. В целом фразеологизм *ваша милость* достаточно употребителен в произведениях И.А. Бунина (15 % от всех употреблений), поскольку он обладает широким значением и в его семантической структуре отсутствуют семы, конкретизирующие социальное положение человека. Он служит обращением к знатым богатым людям.

Таким образом, фразеологизмы-титулования широко используются в произведениях И.А. Бунина, так как его творчество относится к концу XIX – началу XX века, когда очень активно функционировала иерархическая система. Для данных фразеологических единиц наиболее характерна функция обращения, которая отмечена в подавляющем большинстве употреблений. Это связано с тем, что они почти всегда предназначены обозначать уважительное отношение к человеку. Большинство из них указывают на конкретный титул лица (*ваше величество, ваше сиятельство, ваше превосходительство*), и это отражается в словарях. Есть фразеологические единицы с более размытой семантикой. Например, фразеологизмы *ваша милость* и *ваше благородие* служат для наименования офицеров и чиновников с 14 по 9 класс.

Литература

1. Карнович Е.П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. – М.: Бимпа, 1991. – 252 с.
2. Ратушная Е.Р. Семантическая структура фразеологизмов в процессе ее формирования и функционирования (на материале наименований человека в современном русском языке). – Курган: Курганский государственный университет, 2000. – 223 с.
3. Ратушная Е.Р. Фразеологизмы-титулования человека в русском языке // Семантика и форма фразеологических знаков языка: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции / Отв. ред. Н.Б. Усачева. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2003. – С. 101-104.
4. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР. Ин-т русского языка; Под ред. А.П. Евгеньевой. Изд.-3-е. – М.: Русский язык, 1985-1988. –Т. 4. С-Я. – 794 с.
5. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII-нач. XX в. / Под ред. А.И. Федорова. – М.: АСТ Астрель, 2001. – 604 с.

Русско-немецко-английские параллели во фразеосемантическом поле «характер человека»

Белозёрова Ф.М.

Курган

ФЕ, относящиеся к ФСП «Характер человека», составляют довольно многочисленную, часто употребительную и типичную для этих трех языков серию фразеологизмов и отличаются развитой системой значений, образов и средств выражения. В данной группе нами выявлено 106 ФЕ английского, 81 ФЕ немецкого и 68 ФЕ русского языка. В силу многочисленности этого разряда фразеологизмов нами выделены, в зависимости от оценочного компонента фразеологического значения, три основные группы ФЕ в сопоставляемых языках – положительной оценки, отрицательной оценки и нейтрального оценочного значения. Количественное распределение ФЕ по выделенным группам свидетельствует о наличии общей закономерности, сходства между фразеологическими микросистемами ФЕ, выражающих характер человека, в английском, немецком и русском языках.

ФЕ, выражающие отрицательные черты характера человека в 3-х языках.

К этой группе относятся ФЕ с отрицательным субъективно-оценочным компонентом фразеологического значения, т.е. ФЕ со значением, вызывающим осуждение как констатацию социально устоявшейся оценки определенных черт характера человека.

Распределение ФЕ по фразео-семантическим подгруппам (ФСП) проводилось на основе их идентификации отдельными лексемами, словосочетаниями или развернутыми описаниями в лексикографических источниках, наличия общих интегральных сем в их семантике. Данные приведены в таблице №1.

Таблица №1

ФСП	Англ.яз.	Нем.яз.	Русск.яз.
«подлость»	<i>Hit a man when down</i>	<i>vorn lecken, hinten kratzen</i>	<i>В ложке воды утопить</i>
«высокомерие, зазнайство»	<i>Cock one`s nose</i>	<i>eine bunte Kuh</i>	<i>Ходить гоголем</i>
«жестокость, безжалостность»	<i>To out-Herod Herod</i>	<i>j-n zum Kruppel schlagen</i>	<i>Загибать салазки кому-либо</i>
«болтливость»	<i>Swap lies</i>	<i>leere Worte</i>	<i>Точить язык</i>
«любовь к безделью»	<i>Sit like a bump on a log</i>	<i>im Joche sein</i>	<i>Сиднем сидеть</i>

Далее рассмотрим каждую фразео-семантическую группу отрицательной оценки характера человека.

Наиболее многочисленную группу в 3-х языках составляют фразеологизмы с общим значением «подлость»:

(англ.) *a bad actor; fiddle while Rome is burning; swear black is white; hit a man when down; sell a person; shoot the sitting pheasant; crowd the mourners; paint somebody black;*

(русск.) *напиться (насосаться) крови чьей-то; как (только) земля носит (терпит) кого-либо; в ложке воды утопить; змея подколодная;*

(немецк.) *mit verdeckten Karten spielen; j-m ein Kuckucksei ins Nest legen; vorn lecken, hinten kratzen.*

В английском языке значение «подлость» во ФЕ выражается с помощью образов людей, поступающих неоправданно плохо по отношению к другим: бить лежачего, предавать кого-либо, добиваться чего-либо нечестным путем и так далее. В русском же языке ситуация немного другая. Здесь идет упор на поступки людей, намеренно желающих причинить вред другим или отношение окружающих к таким людям, так называемая, дурная слава: как только земля носит кого-либо, змея подколодная. В немецком языке совершенно другие образы: «подлость» здесь ассоциируется с действиями исподтишка, преподнесением неприятного сюрприза и тому подобное.

Как видно, общее значение «подлости» во фразеологизмах русского, немецкого и английского языков основано на различных образах. Все эти ФЕ относятся к разговорному стилю, что их объединяет.

К следующей фразео-семантической подгруппе со значением «высокомерие, зазнайство» относятся следующие фразеологизмы:

(англ.) *cock one`s nose; come captain Stiff over smb; throw one`s weight about; strut (swell) like a turkey-cock; be unwilling to call the king one`s cousin;*

(русск.) *ходить гоголем; распускать (пышный, павлиний) хвост; распушить хвост; держать фасон перед кем-либо;*

(немецк.) *wie die Perle in der Krone sein; eine bunte Kuh; sich an den Laden legen; die Nase hoch tragen; ein vergnugter Mops; eine Stange angeben; seinem Leibe keine Stiefmutter sein.*

Образность данной фразео-семантической подгруппы часто одинакова в 3-х языках. Хотя здесь и наблюдаются сразу несколько образов, они характерны как для русского языка, так и для английского и немецкого. Высокомерных и зазнающихся людей сравнивают с павлинами и другими животными (распускать павлиний хвост, расфуфыренная как пава; отмечают, что они часто ходят гордо подняв нос): задирать, поднимать нос, ходить гоголем. Не остается незамеченным и тот факт, что такие люди считают себя достойными положения в обществе, красуются собой: держаться чопорно, холодно в отношении кого-либо, зазнаваться, возгордиться, упиваться своим положением, держать фасон перед кем-либо, блистать своим положением в обществе, выставлять себя на показ, самодовольный тип, хвастаться, задаваться, быть очень внимательным к своей собственной персоне. Вследствие схожести образов, выявились полные или частичные эквиваленты ФЕ в 3-х языках.

Довольно многочисленную подгруппу образуют ФЕ с общим значением «жестокость, безжалостность»:

(англ.) *King Stork; drop (weep) millstones (one`s eyes drop millstones); to out-Herod Herod; have the heart to do (to say) smth;*

(русск.) *загибать салазки кому-либо; задавать баню кому-либо; перегрызть горло кому-либо; гнуть в три погибели кого-либо; стереть в (мелкий) порошок кого-либо; стереть с лица земли; в ложке воды утопить;*

(немецк.) *j-m den Kopf warm machen; j-m den Kitzel nach etw austreiben; j-n beim Kittel kriegen; das du die Nase im Gesicht behaltst; j-m das Leben zur Holle machen; j-m den Kragen umdrehen; j-n in den Kot zerren; j-n krumm und lahm schlagen; j-n zum Kruppel schlagen.*

В русском и немецком языках наблюдается очень большое количество ФЕ с общим значением «жестокость, безжалостность». Практически все они связаны с причинением физического вреда: искалечить кого-либо, свернуть шею кому-либо, задать жару кому-либо, перегрызть горло кому-либо, стереть в мелкий порошок кого-либо и так далее. В английском же языке фразеологизмы со значением «жестокость и безжалостность» связаны не с физической расправой, а с образом человека способного причинить боль кому-либо: деспот, тиран, быть жестокосердным, равнодушным к чужому

горю.

Русские и немецкие ФЕ с общим значением «жестокость, безжалостность» имеют аналогичную образность, что и обуславливает наличие полных или частичных эквивалентов. Данные приведены в таблице №2.

Таблица №2

№	Русск. ФЕ	Немецк. ФЕ
1.	<i>Задавать баню кому-либо</i>	<i>j-m den Kopf warm machen</i>
2.	<i>Загибать салазки кому-либо</i>	<i>j-m den Kitzel nach etw austreiben</i>

К фразео-семантической подгруппе со значением «болтливость» относятся:

(англ.) *be a lot of noise; swap lies; shoot (throw) the bull; spend (waste) breath; a man (a person) of many words;*

(русск.) *слаб на язык; разводить антимонии; точить язык; распускать язык; выносить сор из избы; звонить (трезвонить) во все колокола;*

(немецк.) *Kohl reden; Kreise ziehen; Larm schlagen; leere Worte; sein Mund geht wie ein Muhlwerk; sich den Mund fusselig redder; vergnugt sein wie Kantors Star; viel Larm und nichts; vom Stappel lassen.*

В данной фразео-семантической подгруппе также просматривается аналогичная образность во всех 3-х языках. Сюда включены образы людей, склонных очень много говорить: слаб на язык, болтать (трепать) языком, разводить антимонии, разразиться речью, сморозить глупость и так далее. Так же в 3-х языках видны образы людей, которые разносят слухи, сплетничают: сплетничать, выносить сор из избы, звонить во все колокола, быстро распространять слухи. Ввиду очень большого сходства образности, выявлены полные или частичные эквиваленты ФЕ русского, немецкого и английского языков со значением «болтливость». Данные об эквивалентах приведены в таблице №3.

Таблица №3

№	Англ. ФЕ	Немецк. ФЕ	Русск. ФЕ
1.	<i>Shoot the bull</i>	<i>Sich den Mund fusselig redder</i>	<i>Точить язык</i>
2.	<i>Be a lot of noise</i>	<i>Kohl redder</i>	_____
3.	<i>Swap lies</i>	<i>Kreise ziehen</i>	<i>Звонить во все колокола</i>

Далее в количественном отношении следует фразео-семантическая подгруппа с общим значением «любовь к безделью»:

(англ.) *eat the bread of idleness; a man of nothing to do; sit like a bump on a log;*

(русск.) *сиднем сидеть; ворон считать; ждать у моря погоды; и в ус себе не дуть;*

(немецк.) *Klinkerlitzchen machen; das Maul zu brauchen wissen; im Joche sein.*

В данной фразео-семантической подгруппе также наблюдается сходство в образности в 3-х языках. Здесь отмечаются образы людей, склонных к беззаботности, бездействию, праздному проведению времени: сиднем сидеть, ждать у моря погоды, валять дурака, вести праздную жизнь, лодырничать. Полные эквиваленты в этой фразео-семантической подгруппе не выявлены.

Обобщая наш синхронно-сопоставительный структурно-семантический анализ русских, английских и немецких ФЕ, выражающих отрицательные черты характера человека, можно обрисовать портрет отрицательного типажа. Сюда включены такие характеристики, как подлость, когда бьют лежащего, зазнайство, когда кто-либо задирает нос, важничает, жестокость и безжалостность, когда перегрызают горло кому-либо, болтливость, когда разводят антимионии и любовь к безделью, когда ворон считают.

ФЕ со значением недоброго пожелания в говоре д. Труфаново Орловского р-на Орловской области как отражение фрагмента языковой картины мира

Бессонова Ю.А.

Орел

Человек живет в мире вещей и явлений не обособленно, напротив вступает в различные отношения с объектами этого мира, людьми, участвуя в трудовой деятельности, общественной жизни.

Диалектоноситель в еще большей степени, чем житель города, носитель литературного языка, является частью мира природы, живет в единстве с ней и непосредственной близости, следовательно, способен различать многообразные и разнообразные ее звуки. И это не случайно, поскольку они – важнейший носитель информации о мире, позволяющий жить и выживать.

Участвуя в процессе коммуникации, диалектоноситель отражает в речи взаимосвязь с миром природы: в словах и выражениях появляются образы, заимствованные оттуда. В этом случае употребление тех или иных образных средств языка, сама ситуация общения, стиль общения не только передают информацию о коммуникантах, но и об их отношении друг к другу, мировосприятию и мироощущению носителей диалекта.

Употребление субъектом речи недобрых пожеланий, проклятий, зачастую содержащих указания на природные явления, могущественные силы, мифические существа – прежде всего яркое свидетельство неприятия личности собеседника, манеры его поведения, способов взаимодействия.

В говоре д. Труфаново Орловского района Орловской области в речи диалектоносителей были отмечены ФЕ, значение которых аккумулирует в себе разнообразные знания носителей говора о мире природы, зачастую его жестоких проявлениях по отношению к человеку, о тех неведомых силах, которые существуют в нем и перед которыми человек оказывается беззащитным, о демонических «духах» природы.

По своей семантике ФЕ со значением недоброго пожелания можно разделить на несколько групп: 1) ФЕ со значением пожелания болезни; 2) ФЕ со значением пожелания смерти; 3) ФЕ со значением пожелания попасть в зависимость от темных, демонических сил. Рассмотрим каждую из групп.

К первой группе относятся ФЕ *болевой тебя возьми, чтоб тебя лихоманка взяла*: «Глянь, тока вышла из дома, а он заскачил, руп украл, балявой тебе вазьми»; «Шоп тибя лихаманка взила! Што и ты карову ни вирнул – ана патаптала весь агарот».

Интересно, что представления носителя диалекта о болезни, которую он желает собеседнику, наглядно образны, персонифицированы: «лихая» болезнь или боль предстают в образе живых существ *лихоманки* или *болевого*, способных *взять*, увести за собой, сделать человеку *лихо*, причинить физические страдания.

Ко второй группе относится ФЕ *чтоб тебя грозой расшибло*: «Колька, сабачий ты сын, штоп тибя гразой рашибла». Природное явление (гроза) предстает в качестве злой силы, способной причинить непоправимый вред человеку, лишить его жизни. ФЕ отражает незащищенность человека перед неведомыми и неподвластными силами природы.

К третьей группе образных устойчивых выражений со значением пожелания попасть в зависимость от темных, демонических сил относятся ФЕ *Ихман тебя возьми, чтоб тебя леший абратал*: «Ихман тибя вазьми, паслофскии рибята весь сат абарвали, вот галодня-та», «Штоп тибя леший абратал – эта значить: штоп тибя ничистая взила. Так са зла гаварили, бабы большы, када чилавек што-та плахое зделал этому дому, навридил». Фразеологизмы содержат указание на демонов, злых духов природы (Ихман, леший), способных подчинить себе разум человека, завладеть его душой. Интересно, что леший, дух леса, не просто берет и уводит за собой, а *обратает*, как бы превращая человека в оборотня, такое же природное существо, лишая его индивидуальности, человеческого облика.

Таким образом, ФЕ со значением недоброго пожелания в говоре д.Труфаново Орловского р-на Орловской области отражают в большой степени языческое представление диалектоносителя об окружающем мире, существах и духах, его населяющих, явлениях природы, способных нанести непоправимый вред здоровью и жизни человека.

**Образование и функционирование
отфразеологических символов в художественном тексте
(на материале повести В. Токаревой “Старая собака”)**

Блинова Е.В.

Каждый автор, создавая произведение, моделирует в своем сознании образ предполагаемого читателя. Любой текст обладает “сигналами адресованности, которые позволяют адекватно интерпретировать авторский замысел, более точно декодировать глубинный смысл художественного текста” [3, с. 124]. Важнейшим средством создания образности являются фразеологические единицы (ФЕ).

Писатели часто трансформируют фразеологизмы, вычлняя ключевые компоненты. Окказиональное слово или сочетание, выделенное из ФЕ, может активно воздействовать на контекст в силу своей образности, экспрессивности и оценочности. Актуализированные компоненты ФЕ могут становиться смысловой доминантой текста, концентрировать в себе главную мысль высказывания. В этом плане особый интерес представляют отфразеологические (созданные в тексте на основе ФЕ языка) образы-символы. При исследовании природы фразеологических и отфразеологических символов важно учитывать трактовку языковых символов как образных единиц языка, в структуре которых образ предмета и глубинный смысл тесно взаимосвязаны.

Отфразеологическими символами могут быть как сочетания компонентов, являющиеся окказиональными ФЕ, дериватами ФЕ языка (*воздушные замки, разбитое корыто, ложка дегтя*), так и отдельные слова, вычлененные из ФЕ и переосмысленные на основе их значения или образованные на базе ФЕ (*мед и деготь, тюрьма и сума, бельмесость*). Окказиональные дериваты ФЕ получают определенное осмысление лишь в тексте, вне которого не могут существовать. Их вычленение в художественном тексте связано со спонтанным семантическим анализом ФЕ, из которой они выделены, производимым употребившим их автором. Текст, в который они включены, рассчитан на “узнавание” читателем фразеологизма в целом и понимание вычлененного из ФЕ компонента, несущего наиболее актуальный в конкретной ситуации смысл.

Наиболее часто образуются номинативные отфразеологические символы. Субстантивные компоненты, которые вычлняются из фразеологизма, уже в составе ФЕ воспринимаются и актуализируются в тексте как особые внутрифразовые символы, семантика которых мотивирована структурой и семантикой производящей ФЕ и содержанием включающего их текста.

Рассмотрим семантику и структуру отфразеологических фразеологизмов-символов, образованных на базе ФЕ **смотреть со своей колокольни** (‘судить о ком-либо или о чем-либо со своих позиций; односторонне, соответственно своим ограниченным взглядам, узкому кругозору’) в повести В. Токаревой “Старая собака”.

Пример: *“Адам решил не продолжать разговор. Они с Райкой существовали каждый на своей колокольне и не понимали друг друга”*. Автор на основе вычлененного сочетания компонентов *своя колокольня* образует окказиональную ФЕ, передающую состояние героев и

конкретизируемую контекстным актуализатором *не понимали друг друга*. Отфразеологический оборот получает осмысление: ‘придерживаться своей особой точки зрения, не принимая, не понимая другой’. Оба супруга, друг друга не понимая, испытывают удивление и недоумение.

Другой пример: “Светлана тоже **стояла на Райкиной колокольне** и думала не о своих ногах, а о ее туфлях”. В данном случае автор на базе субстантивного компонента *колокольня* образует окказиональный фразеологизм со значением ‘быть солидарным в чем-либо с кем-либо’.

Ощущение взаимного непонимания персонажей передается с помощью отфразеологической ФЕ *колокольня самая неудобная и прошита сквозняками*: “Адам подумал вдруг, что его **колокольня**, наверное, **самая неудобная и прошита сквозняками**, потому что никто не хочет лезть на нее вместе с ним”. Образ *колокольни*, возникающий в сознании героя, ассоциируется с чувством одиночества в кругу близких ему людей, с замкнутым кругом его забот и тревог, не разделяемых окружающими. *Колокольня* в образовавшемся фразеологизме становится символом отчужденности, одиночества человека в его проблемах и заботах.

И лишь в конце повести герой осознает, что он не одинок, что есть человек, который понимает его с одного взгляда, что это его совесть, от которой не уйдешь, - его жена: “Они **существовали с ней на одной колокольне**, и как бы там не было скучно, а иногда и безнадежно, все-таки это была **одна колокольня**”. В контексте повторяется ключевой компонент *колокольня*, распространенный словами *существовать* и *одна*. Образованная окказиональная ФЕ вбирает в себя значение производящей ФЕ, приобретая символический смысл: ‘жить по одним принципам, согласно одним (одинаковым) взглядам, убеждениям’. В данной ситуации образ *колокольни* создает другие ассоциации, являясь символом единения.

В “Словаре символов” Тресиддера *колокол* – символ хода времени, воплощает пассивное женское начало, способен отвести зло. *Башня* – символ подъема, силы, недоступности, самонадеянная попытка человека достичь небесных высот [2, с. 22, 157].

В повести В. Токаревой образ *колокольни* объединяет символику этих двух образов, выражая смысл: ‘меняющиеся взгляды, убеждения, то совпадающие со взглядами других, то резко от них отличающиеся’.

Окказиональные фразеологизмы, образованные на базе символа *колокольни*, являются ключевыми образами-символами, пронизывающими весь текст произведения. На них базируется развитие сюжета и кольцевая композиция (уход – возвращение главного героя к жене), они служат раскрытию внутреннего мира, мыслей героев, выполняют текстообразующую и концептообразующую функции.

Литература

1. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: Словарь. – М., 1997.
2. Тресиддер Дж. Словарь символов. – М., 1999.

3. Фокина М.А. Фразеологические единицы в коммуникативном пространстве художественного текста. // Проблемы фразеологической и лексической семантике: Материалы Международной научной конференции (Кострома, 18-20 марта 2004г.) – М., 2004.

**Выражение модальности возможности
в повестях А.И. Куприна «Олеся» и «Гранатовый браслет»**

Бобылева Т.В.

Курган

В малом академическом словаре под *возможностью* понимают осуществимость, допустимость чего-либо при наличии необходимых условий, то есть – это средство, условие, обстоятельство необходимое для осуществления чего-либо; то что может произойти, то, что мыслимо, осуществимо, допустимо [1].

В художественных текстах модальность возможности может быть реализована по-разному. На лексико-фразеологическом уровне модальность возможности может быть выражена существительными, прилагательными, наречиями, словами категории состояния, а так же модальными словами:

Вот, может быть, она и при вас разговорится, когда побольше привыкнет... Она во многом, незаметно для него, отказывала себе и, насколько возможно, сэкономила в домашнем хозяйстве. Разве можно запомнить слова, произносимые в первые моменты встречи матерью и сыном, мужем и женой или двумя влюбленными? Сначала она лишь изредка представлялась мне как возможный, на крайний случай, честный исход из наших отношений.

На грамматическом уровне выражение возможности осуществляется посредством условных придаточных, форм условного наклонения, частиц, глагольных связок и др.

Размеры неприятности оказались гораздо значительнее, чем я мог предположить из слов гордой Олеси. То хорошо было бы для всех, если бы кто умел расписаться.- Послушай, скажи мне, - продолжала она, - ты бы очень был доволен, если бы я когда-нибудь пошла в церковь? Если можно, посидим немного на скамеечке над обрывом.

Предметом исследования являются глагольные связки, выражающие модальность возможности в повестях Куприна А.И. «Олеся» и «Гранатовый браслет». Глаголы-связки, не обладая самостоятельной номинативностью, имеют разнообразные индивидуальные значения, позволяющие им образовывать группы, семантические ряды.

Одной из самых многочисленных групп, анализируемых нами, является группа связок, обозначающих **возможность** совершения действия. Всего мы нашли 72 случая употребления, что составило 21% от всех найденных связок, это такие связки, как: **мочь, удаваться, сметь, успевать, суметь, посметь, успеть, догадываться, вздумать, затрудняться**, например:

Так вот исполните мою просьбу: вы можете этот браслет повесить на икону? "Видишь ли... Я не сумею тебе этого рассказать... Ты не

поймешь меня". Полковника Понамарева едва удалось заставить сестру играть в покер. Одно лишь обстоятельство пугало и останавливало меня: я не смел даже вообразить себе, какова будет Олеся, одетая в модное платье, разговаривающая в гостиной с женами моих сослуживцев, исторгнутая из этой очаровательной рамки старого леса, полного легенд и таинственных сил.

Анализируя употребление связок, принадлежащих группе, обозначающей возможность совершения действия, можно сказать, что чаще всего глаголы-связки встречаются в монологической и диалогической речи автора (43 случая употребления). В речи, принадлежащей героям повествования, глагольных связок встречается меньше – 29 случаев употребления, причем это количество относится ко всем героям, в обоих произведениях. Такую пропорцию употребления связок можно объяснить тем, что чаще автор становился одновременно и рассказчиком и действующим героем, но немаловажным нам представляется и то, что Куприн стремился оставить финал своего повествования незавершенным, открытым, оставляя читателю возможность самому «закончить», додумать возможные пути развития ситуации.

На наш взгляд, именно открытость, недосказанность произведения обуславливает активное употребление связки **мочь** (49 случаев употребления), не отягощенной никакими дополнительными модальными оттенками. Отметим, что в монологической и диалогической речи автора насчитывается 26 случаев употребления модального глагола **мочь**, из них 20 характеризующих невозможность совершения действия.

Неужели и ты думаешь, что я могу уехать, бросив тебя? Я не знаю и не могу сказать, обладала ли Олеся и половиной тех секретов, о которых говорила с такой наивной верой... Я не мог более удерживать слез, давно давивших мне горло и жегших глаза. Пробираясь осторожно между людьми и с трудом удерживая мотавшего головой Таранчика, я не мог не заметить, что со всех сторон меня провожали бесцеремонные, любопытные и враждебные взгляды.

В диалогической речи героев обоих произведений только 6 случаев употребления связок со значением невозможности осуществления действия. Интересно то, что те действия, которые автор признает, как невозможные, действительно далее не находят воплощения в произведении. Действия, признаваемые героями произведения как невозможные, в большинстве случаев оказываются реализованными. Например, когда Олеся раскладывает карты барину на судьбу, она видит темноволосую девушку, уже догадываясь, что это она сама, а далее и совсем убеждаясь в том, что речь идет именно о ней самой, вслух выражает лишь предположение: *Вот только не могу догадаться, замужняя она или девушка, а знаю, что с темными волосами...*

Смотри также:

Если спросишь родителей, не порочное ли дитя, - так не можете представить - они даже оскорбляются! Ничем вы тут нам не можете пособить. Княгиня Вера Николаевна никогда не читала газет, потому что,

во-первых, они ей пачкали руки, а во-вторых, она никогда не могла разобратся в том языке, которым нынче пишут.

Связки удаваться и сметь являются менее продуктивными – по 5 случаев употребления. Эти связки указывают на дополнительную возможность субъекта производить то или иное действие, и эта возможность зависит не от внутренней потребности субъекта, а от внешних факторов, таких как, обстановка в которой находится герой, дружеские или рабочие отношения персонажей, характер их деятельности и др., что и обуславливает гораздо меньшую продуктивность этих связок.

Но Олесе прямо каким-то чудом удалось выскользнуть из этого клубка, и она опрометью побежала по дороге... Я не смею мешать твоему счастью, но, умоляю, не делай сразу решительного шага.

Употребление большого количества связок, характеризующих возможность совершения действия, говорит о том, что модальность возможности является ведущей в творчестве Куприна, она может характеризовать различные процессы: деятельность, состояние и отношение. Самую большую группу образовали связки, выражающие активную деятельность (62 употребления), реже характеризуется возможность каких-либо состояний и самой малочисленной является группа связок, дающих модальную характеристику возможности всякого рода отношений, например:

Изредка он быстро вскидывал на меня равнодушные, мутные, до смешного маленькие и голубые глаза, но на его красной огромной физиономии я не мог ничего прочесть (деятельность): ни сочувствия, ни сопротивления. Так раздумывала княгиня Вера и не могла отвести (деятельность) глаз от пяти алых кровавых огней, дрожавших внутри пяти гранатов. Я ведь много раз говорил тебе, что мужчина может не верить (состояние), сомневаться, даже смеяться, наконец. На котором, смею надеяться (состояние), вы не откажете мне в мазурке? - вставил Бахтинский и, слегка наклонившись, щелкнул под креслом шпорами. Но какой-то идиот вздумал его удерживать и отталкивать (отношение).

Использование большого количества связок, характеризующих активную деятельность, говорит о том, что Куприн, таким образом, отражал динамику своего повествования. Связки деятельности можно разделить на 3 группы, характеризующие: движение, речемыслительную деятельность и сенсорную деятельность. В самую большую группу объединились связки со значением движения – 30 употреблений, дальше идет группа представляющая речемыслительную деятельность – 27 связок и сенсорную деятельность – 5.

Канарейка в воде! - это меня удивило, но, осмотрев, увидел, что в бутылке дно широко и вдавлено глубоко в середину, так что канарейка свободно могла влетать (движение) туда и сидеть. Вы можете сейчас же выбросить (движение) эту смешную игрушку или подарить ее кому-нибудь, но я буду счастлив и тем, что к ней прикасались Ваши руки. У меня в эту минуту совсем вылетело из головы отданное мною два дня тому назад приказание уведомить меня в случае приезда урядника, и я никак не мог сразу

сообразить (мыслительная деят.), какое отношение имеет в настоящую минуту ко мне этот представитель власти. Я долго не мог ничего ответить (речевая деят.), и мы молча стояли друг против друга, держась за руки, прямо, глубоко и радостно смотря друг другу в глаза. Наконец я перебрался через это болото, взобрался на маленький пригорок и теперь мог хорошо рассмотреть (сенсорная деят.) хату.

В повестях Куприна А.И. среди многообразных видов деятельности мы наблюдаем выражение возможности очень конкретных, активных физических действий: движение, перемещение в пространстве персонажей повествования, возможность их речевой и мыслительной деятельности. Именно эти виды деятельности отличаются высокой степенью антропоцентричности.

Таким образом, связки с модальностью возможности являются самыми многочисленными (если сравнивать со связками, обладающими модальностью желанья, необходимости и др.) в произведениях А.И. Куприна и наиболее часто встречаются в монологической и диалогической речи автора. Мы выявили активное употребление связки *мочь*, это обусловлено тем, что писатель оставляет возможность читателю самому додумать развитие ситуации. Модальность возможности характеризует такие процессы, как деятельность, состояние и отношение. Самую большую группу образовали связки, характеризующие физическую деятельность человека, и это связано с активным развитием сюжетной линии. Возможности движения и рече-мыслительной деятельности характеризуются большим количеством связок, так как эти действия направлены на человека и осуществляются человеком, то есть антропоцентричны. Возможность сенсорной деятельности раскрыта небольшой группой связок, что говорит о предпочтении героев совершать конкретные поступки, а не тратить время на метафизические чувства и ощущения.

Литература

1. Куприн А.И. Мировая классика: Гранатовый браслет, Олеся. – М.: Издательство АСТ, 2001; - 359 с.
2. Словарь русского языка в 4-х т./Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981.

Антитеза и оксюморон в русской паремике

Бочина Т.Г.

Казань

По признанию многих исследователей провербиального пространства, одним из основных свойств паремии является контраст. Универсальность принципа контраста в пословичных изречениях прямо связана с особенностью логико-семиотического устройства пословицы, которая является знаком стереотипной ситуации или отношений между явлениями. Согласно авторитетному мнению Г.Л. Пермякова, "подлинной темой какой-либо пословицы или поговорки является не то или иное слово, не та или иная мысль и даже не та или иная область человеческой деятельности, а некоторая

инвариантная пара противопоставленных сущностей, к которой сводится смысл употребляемых в данной пословице образов" [7: 107].

Контраст как резкая противоположность по своему определению тесным образом связан с важнейшим законом развития бытия, познания и мышления – законом единства и борьбы противоположностей. Эти разнонаправленные способы существования противоположностей получили свое стилистическое выражение в приемах антитезы и оксюморона: абсолютизация борьбы, взаимоисключение полярных сторон составляют содержательный инвариант антитезы, а внутреннее единство и взаимопроникновение противоположностей находятся в основе оксюморона.

Итак, антитеза и оксюморон являются прототипическими приемами выражения отношений противоположности и противоречия и в этом смысле представляют полярные проявления речемыслительного контраста. Тем не менее, в теоретической и справочной литературе данные приемы нередко смешиваются. В.П. Москвин в заметке на эту тему справедливо критикует хрестоматийные примеры антитез, которые на самом деле являются оксюморонами (*Я – царь, я – раб, я – червь, я – Бог*), и предлагает смысловой, трансформационный и подстановочный критерии их разграничения [3]. Наше внимание будет сосредоточено на семантико-стилистическом своеобразии антитезы и оксюморона.

Формой наиболее явного, демонстративно выделенного контраста, своего рода эталоном синтагматической аранжировки данного вида отношений, бесспорно, является **антитеза** (греч. antithesis – противоположение) – "прием противопоставления контрастных по своему характеру словесных образов, раскрывающих противоречивую сущность обозначаемого, несовместимость различных сторон предмета, явления или самих предметов и явлений" [4: 24].

Основная цель антитезы – намеренная демонстрация контраста – достигается взаимодействием нескольких симметрично расположенных оппозиций, диапазон парадигматических характеристик которых чрезвычайно велик. Контрастная сущность сопоставляемых предметов речи подчеркивается и взаимной актуализацией отношений противоположности 2-3 пар лексических антонимов: *Сходись - бранись, расходись – мирись; Незванный гость легок, а званный тяжел; Черен мак, да сладок; бела редька, да горька* - и углублением простых различий неантонимичных слов до существенных, строго дизъюнктивных: *Чужбина – калина, родина – малина; В недруге стрела, что во мне, а в друге, что во мне; Мелева много, да помолу нет*. Благодаря симметричной конструкции в коммуникативный фокус попадают противоположные денотативные семы (как основные, так и потенциальные), полярные коннотативные и грамматические значения, тем самым несхожесть превращается в противоположность.

Немаловажно отметить связь параллелизма с комплексным, диффузным "первобытным" мышлением и с подсознанием С.М. Эйзенштейн, напоминая: "Все то, что в нас происходит *помимо сознания* и воли, – происходит *ритмически*", - подчеркивал: "Монотонность повторного ритма приближает нас к тем состояниям "рядом с сознанием", где с полной силой

способны действовать одни черты чувственного мышления" [8: 198]. Симметричность, правильная топологическая конфигурация обеспечивают наиболее эффективное – резонансное – воздействие на психику и мозг [1: 239]. Данное обстоятельство весьма существенно для перлокутивной (воздействующей) силы пословицы. Видимо, неслучайно в результате многовекового совершенствования в живой разговорной речи значительная часть пословиц закрепились в форме синтаксически (и морфологически) симметричных предложений [2: 152]: *Друг другу терем ставит, недруг недругу гроб ладит*. Думается, именно в пословицах антитеза выкристаллизовалась как стилистический прием.

Стилистическим приемом синтеза противоположностей, осуществляемого путем сочетания полярных по своему значению слов, является оксюморон: *Веселое горе – солдатская жизнь; Нужда и горюет припеваючи; Порой и смехом плачут; Больному и мед горько; Здоровьем болен*. Противоречивость оксюморонного сочетания слов проявляется в том, что "одному и тому же объекту действительности приписываются одновременно свойства "быть а" и "быть не а" [6: 238].

Будучи наиболее явной и концентрированной формой словесной оппозиции, оксюморон близок антитезе; с другой стороны, в оксюмороне контрастные сущности объединены в единое целое. Как сказал Л. Селлье, "трагически открытое противоречие антитезы противопоставляется естественному, обтекаемому противоречию оксюморона" [цит. по: 5: 219]. В этом смысле антитеза и оксюморон находятся на разных полюсах контраста: в антитезе несколько оппозиций взаимно подчеркивают контрастность друг друга, а в оксюмороне явный контраст служит усилению неявного тождества, объединяющего противоположности.

Оксюморон выполняет в паремиях разнообразные функции: с его помощью отражается диалектика жизни, отмечаются условия нейтрализации и синтезирования противоположностей: *В кривом глазу и прямое криво; Слепому и свет – темнота, Скупой богач беднее нищего*, фиксируется выход за рамки нормы: *В споре и белая ворона черна, и черная бела*, создается фольклорный антимир: *Немой караул закричал, безногий на пожар побежал* - инвертируются сравнительные суждения о предпочтительности: *Худой мир лучше доброй драки*. Оксюморон осложняет приём антитезы: *Здоровому и нездоровое здорово, а нездоровому и здоровое нездорово*. Главное же его назначение – неожиданным объединением полюсов создать эффект отстранения, вызвать эстетическую реакцию противочувствия.

Таким образом, антитеза и оксюморон являются своеобразными полюсами обобщенно-типизированных способов выражения контраста. С одной стороны, оба приема характеризуются максимальной степенью концентрации языковых средств, выражающих противоположные отношения, с другой – противопоставлены по целому ряду характеристик. Во-первых, в антитезе эффект высокого напряжения создается взаимодействием и взаимоусилением двух и более оппозиций, т.е.

количественным подчеркиванием противоположных отношений, а в оксюморе намеренная демонстрация контраста достигается объединением взаимоисключающих сторон. Во-вторых, эти приемы отражают разные формы существования противоположностей: антитеза специализируется на отражении борьбы противоположностей, а оксюморон – нацелен на фиксацию их единства, соответственно логической основой антитезы является противоположность, а оксюморона – противоречие. В-третьих, в антитезе принцип контраста является и целью, и главным средством приема, а в оксюморе – только средством, так как контрастные отношения используются либо в качестве фона для выражения неконтрастных, либо с целью привлечения внимания к относительно характеру противоположностей, абсолютизируемых узусом. И, наконец, в антитезе контраст актуализируется, а в оксюморе – нейтрализуется, ибо явный контраст служит усилению неявного тождества, объединяющего противоположности.

Литература

1. Князева Е.Н. Топология когнитивной деятельности: синергетический подход // Эволюция. Язык. Познание. - М., 2000. – С. 221-244.
2. Крикманн А.А. Опыт объяснения некоторых семантических механизмов пословицы // Паремнологические исследования.- М., 1984. – С. 149-179.
3. Москвин В.П. Антитеза или оксюморон? // Русский язык в школе. – 2000. - №2. – С. 92-93.
4. Новиков Л.А. Русская антонимия и ее лексикографическое описание// Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. – 4-е изд., стер.- М.: Рус. яз., 1988. – С.5-31.
5. Общая риторика / Ж.Дюбуа, Ф.Пир, А. Триноп и др. Пер. с фр.- М.: Прогресс, 1986. – 391 с.
6. Павлович Н.В. Семантика оксюморона // Лингвистика и поэтика. - М., 1979. – С. 238 -247.
7. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремнологии.-М.: Наука, 1988. – 235 с.
8. Эйзенштейн С.М. Психология искусства (неопубликованные конспекты статьи и курса лекций) // Психология процессов художественного творчества. - Л., 1980. – С. 177-203.

«Дух худ», или палиндромные устойчивые словесные комплексы и их особенности

Бубнов А.В.

Курск

В фольклористике уже несколько десятилетий существует понятие устойчивого словесного комплекса как вида фразеологизма: «Языковой материал, стабильно употребляемый в русских летописях, следует, по нашему мнению, именовать термином *устойчивые словесные комплексы (УСК)*. Данный термин представляется нам удачным при характеристике тех

словесных комплексов (словосочетаний, предложений), которые в летописном тексте имеют или переносное значение, или стабильно употребляются» [Ломов, 1969: 75].

В современном поэтическом языке есть область, фразеологизмы которой нельзя описать ничем иным, как УСК. Эта область – *палиндромия*, которая представляет собой специфическую поэтическую речь, основанную на *палиндроме*. УСК в палиндромии преобразовывается в ПУСК – палиндромный устойчивый словесный комплекс.

Палиндромия в русской поэтической речи начинается с известной “волшебной фразы” из “Золотого ключика” А.Н. Толстого: “А роза упала на лапу Азора”.

В отличие от развёрнутой фразы из «Золотого ключика», большинство палиндромов на русском языке представляют собой устойчивые сочетания из 2-3 слов, часто как бы «отражённых» друг в друге: «хорош шорох» (впервые – у Валерия Брюсова), «голод долог» (впервые – у Велимира Хлебникова) и т.п.

Естественно предположить, что компактность ПУСКов подразумевает участие кратких грамматических структур. Особенно это показательно для кратких прилагательных, которые в палиндромии функционируют как предикаты и как эпитеты. Таковы ПУСКи «гол лог», «лай ал», «худ дух» и т.п. Частотность кратких прилагательных (статистические данные это подтверждают [Бубнов, 2002: 389]) в числе прочего приближает палиндромию к фольклору и архаике. В отношении прилагательных в фольклоре, в частности, давно известно, что «для общей массы постоянных эпитетов (в палиндромии – ПУСКов. – А.Б.) характерно преобладание краткой формы над полной» [Артеменко, 1958: 107].

Характерно появление краткого прилагательного в значении сказуемого в постпозиции: ПУСК «Несун гнусен» встречается, например, как одностишие у Ильи Фоякова и Ольги Волковой, ср. «Ненец ценен, // Коряк ярок // И манси с нами!» (И.Фояков). То же – в препозиции: «Ала зола» (Валерий Брюсов), «Тс... и червив, речист // бед гудец, еду. Где б?» (Игорь Лошилов).

Итак, объективные законы палиндромической симметрии универсальны. «Дух» в ПУСКах обязательно «худ». Ср. библейский УСК «нищие духом».

Многие ПУСКи представляют собой генитивные метафоры: «корт строк» (название циклов у многих авторов), «порт троп» (название одного из текстов Петра Румянцева); ПУСК «Дева вед» – название стихотворения Евгения Даенина из книги “Возведение в степень” (2000, с. 68-70) и “Дева Вед” – название книги палиндромов Татьяны Лапко (2001); брюсовское одностишие “Атака заката” стала названием книги палиндромов Михаила Медведева (2001), судя по объёмному авторскому вступлению, Брюсова не читавшего...

Архаизация в палиндромии на сегментном уровне сопряжена с тенденцией к упорядоченной структуре слога, когда за согласным звуком

следует гласный и наоборот (...СГСГС...). На лексическом уровне такова частотная в палиндромии архаическая форма *судия*. К примеру, для финального двустишия поэмы «Я мал, пишу, что вижу...» Дмитрий Авалиани сочетает два ПУСКА: «Я иду, судия, // ревизор роз и вер». ПУСК «я иду, судия», видимо, еще предшествовал известному державинскому стиху «я иду с мечем судия», построенному на инициальной продуктивности ПУСКА.

У авторов, активно использующих палиндромию в своих сочинениях, происходит влияние ПУСКов не только на палиндромические сочинения, но и на «обычные» стихи. В частности, в ПУСКАх наблюдается лексическая компактность, выраженная в увеличении количества нулевых окончаний существительных.

Приведем характерный фрагмент (строфа, предложение) из непалиндромного стихотворения Д.Авалиани «Ненависть – опора...» (из книги «Улитка на склоне», М., 1997), где ни у одного существительного нет нулевого окончания: «Разовьется дерево доверия // розой раскрываясь над // раздорами // переполнит взорами // бездонными // бедноту безоконья бездверия». Из 8 существительных всего 4 могут применяться с нулевым окончанием, и все они частотны в палиндромии: ср. ПУСКи «веред дерев», «род за раздор», «роз взор». Оба слова из последнего палиндромного словосочетания присутствуют в цитируемом выше фрагменте стихотворения (влияние палиндромного мышления). Два существительных, заканчивающих предложение (безоконье, бездверие), окказиональны; они структурно идентичны и образованы префиксно-аффиксным способом под явным влиянием звукописной тенденции в композиции строфы; ср. ПУСКи: «окон око», «и рев двери».

Относительный объём текстовых сегментов с упорядоченной структурой слога в общем объёме текста определяется делением объёма (количества слогов) текста со структурой слога типа ...СГСГС... на общий объём исследуемого текста (в слогах) и составляет, например:

в прозе Велимира Хлебникова («Разин напротив») $376 / 2090 = 17,9\%$;

в стихах Дмитрия Авалиани (из книги «Улитка на склоне») $154 / 1834 = 8,4\%$;

в эссе Андрея Вознесенского («Христианство стекла» из книги «Гадание по книге», М., 1994) $166 / 1086 = 15,3\%$;

и, наконец, в ПУСКАх (представленных в «Первом палиндромическом словаре») $550 / 1527 = 36,0\%$.

«Взяты» те авторы, которые активно работали (работают) в палиндромии. «Преимущество» ПУСКов в данном параметре очевидно.

Итак, упорядоченная структура слога типа ...СГСГС... явно преобладает в ПУСКАх. Число согласных звуков уменьшается и приближается к числу гласных, что, в числе прочего, указывает на тенденции к фоноструктурной архаизации палиндромии как специфической области поэтического текста.

неупорядоченная структура слога		количество слогов в текстовом сегменте (ПУСКе)	упорядоченная структура -СГСГС-			сумма текстовых сегментов	объем в слогах	примечания
общее количество слогов	количество текстовых сегментов		количество текстовых сегментов	общее количество слогов				
-	-	<u>1</u>	-	-		-	-	
22	11	<u>2</u>	3	6		14	28	
6	2	<u>3</u>	4	12		6	18	
224	56	<u>4</u>	47	188		103	412	
50	10	<u>5</u>	2	10		12	60	
390	65	<u>6</u>	35	210		100	600	
42	6	<u>7</u>	4	28		10	70	
128	16	<u>8</u>	7	56		23	184	
9	1	<u>9</u>	-	-		1	9	
60	6	<u>10</u>	4	40		10	100	
22	2	<u>11</u>	-	-		2	22	
24	2	<u>12</u>	-	-		2	24	
-	-	<u>13</u>	-	-		-	-	
-	-	<u>14</u>	-	-		-	-	
977	177		106	550		283	1527	сумма
			32	476				открытый слог

Таблица 1. Исследование структуры слога в ПУСКах, содержащихся в “Первом палиндромическом словаре” (М., 1999)

Литература

1. Артеменко Е.Б. Синтаксические функции полных и кратких прилагательных в русской народной лирической песне: Дис. ... канд. филол. наук. - Воронеж, 1958. - 379 с.
2. Бубнов А.В. Лингвопоэтические и лексикографические аспекты палиндромии: Дис. ... доктора филол. наук. - Орёл, 2002.
3. Ломов А.Г. Устойчивые словесные комплексы древнейших русских летописей: Дис. ... канд. филол. наук. - Самарканд, 1969. - Т.1.
4. Первый палиндромический словарь современного русского языка / Сост. Е. Кацюба. - М., 1999.

Разговор о фразеологизмах может быть каким угодно, но только не противоречивым

Бурмистрович Ю.Я.

Абакан

Как известно, существуют разные понимания, разные концепции фразеологизма и фразеологии, а потому и разные описания тех языковых фактов, которые признаются фразеологизмами, начиная от выявления состава этих фактов и кончая их классификациями.

Естественно, что любой автор книги, которая или целиком, или одним из своих разделов посвящена фразеологии, должен аргументировать, почему он выбирает именно такую-то концепцию, а не другую. После этого он может описывать фразеологизмы и, в частности, классифицировать их – в духе избранной концепции, уже не оглядываясь на то, что в духе любой другой концепции описание фразеологизмов может быть другим, и не опасаясь упреков в том, что он не учёл какого-либо признака, который является существенным только в другой концепции. Тут важно лишь одно: описание фразеологизмов не должно нести в себе противоречий.

К сожалению, как раз этот последний пункт выдерживается не всегда, а потому и студенты не всегда получают ясное и целостное представление о фразеологизмах.

Вот один, пожалуй, особенно яркий пример.

В книге Н.Ф. Алефиренко “Теория языка: Вводный курс” [1] в разделе, посвящённом лексикологии имеется такое высказывание: “слов, лишённых значения, не существует” (с. 197), а в разделе, посвящённом фразеологии, имеются такие высказывания: “Единицей фразеологии выступает фраза – устойчивое сочетание слов с целостным и переносно-образным значением, непосредственно не вытекающем из суммы значений его лексических компонентов” (с.251), “в отечественном языкознании наибольшую популярность приобрела систематизация ФЕ [т.е. фразеологических единиц. – Ю.Б.], произведённая академиком В. В. Виноградовым. ...выделяются фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания” (с. 257) и далее идут примеры на каждый из этих разрядов: а) *попасть впросак, бить баклуши*; б) *набрать в рот воды, плыть по течению*; в) *досада берёт* (с. 257-258).

В лингвистической литературе имеют место все эти высказывания, но... каждое из них имеет определённый смысл лишь в **своей** концепции. Автор же указанного курса соединил их в одной книге, в одной концепции и при этом, к сожалению, не заметил, что все они противоречат друг другу.

В чём же заключаются эти противоречия?

Если слов, лишённых значения, не существует, то это может означать лишь то, что **сочетания слов** всегда имеют не целостное, а аналитическое (составное) значение и общее значение любого такого сочетания представляет собой сумму значений составляющих его слов. Если фраза представляет собой какое-то сочетание компонентов и в то же время имеет не аналитическое, а целостное значение, то это может означать лишь то, что

компоненты фраземы являются чем угодно, но только не словами, ибо компоненты фраземы порознь отдельными значениями не обладают, а слова, как отмечают все занимавшиеся словами, в том числе и названный автор, наоборот, обязательно обладают. Тогда что же собой представляют компоненты фраземы? Ведь по звуковой оболочке многие из них похожи на слова. Вполне очевидно, что такие компоненты можно назвать только омонимами слов, но не словами. Впрочем, и термин **омоним слова** нужно употреблять достаточно условно, потому что обычно омонимами называют разные единицы, которые по звуковой оболочке (или – шире – по внешней форме) одинаковы, а по значению неодинаковы; у компонентов же фраземы ни одинакового, ни неодинакового значения нет совсем. Кроме того, среди компонентов фразем имеются и такие, у которых среди слов литературного языка вообще нет омонимов (как, например, *баклуши* во фраземе *бить баклуши*).

В определении фраземы, которое дал указанный автор, есть и ещё одна шероховатость. Даже если фразему называть сочетанием не слов, а омонимов слов, то в приведённом определении всё же весьма неточным оказывается слово “устойчивое”. Если иметь в виду устойчивость звуковой оболочки фраземы по отношению к значению этой единицы языка, то как раз во фраземе звуковая оболочка часто бывает неустойчивой, например: *туг на ухо* и *крепок на ухо* считаются одной и той же фраземой, однако, как мы слышим, звуковая оболочка этой фраземы является неустойчивой, частично изменяемой. Если под устойчивостью автор понимает нечто другое, то это надо специально оговорить, ибо никакой студент (как, впрочем, и профессор) его не поймёт.

Но перейдём к третьему высказыванию автора. Он опять-таки не заметил, что третий из выделенных им вслед за академиком В. В. Виноградовым разрядов противоречит данному им определению фраземы. Ведь фразема определена как единица с **целостным** значением, а фразеологические сочетания В.В. Виноградова обладают не целостным, а аналитическим значением. Имеется тут, между прочим, и ещё одно противоречие.оборот *попасть впросак* отнесён к первому разряду, а именно к фразеологическим сращениям, и с учётом наличия в этой фраземе так называемого некротизма *просак* или *впросак*, т.е. компонента, у которого среди современных слов нет омонима, это может показаться верным, но ведь этот оборот в отличие от подлинных фразеологических сращений обладает не целостным, а аналитическим значением ‘попасть в неприятное положение’ (здесь компонент *попасть* – это самое настоящее слово со значением ‘попасть, оказаться’).

Указанные противоречия между тремя высказываниями в одной и той же книге делают эти высказывания одной сплошной ошибкой, что для учебного пособия приемлемым быть никак не может. Как же выйти из этого положения? Коль скоро автор в рукописи этого учебного пособия соответствующих исправлений не сделал, то эти исправления должен сделать

преподаватель, а может быть, и сам студент, если преподаватель соответствующим образом его направит.

Конечно, будет особенно хорошо, если исправления приведут к наиболее аргументированной, наименее противоречивой концепции фразеологии, но тут важно даже не столько это, сколько устранение противоречий в данном контексте, потому что концепций во фразеологии существует действительно несколько. Тут можно пойти такими путями.

Если преподаватель хочет сохранить данное автором определение фраземы и, в частности, ту мысль, что фразема – это сочетание именно слов, а не чего-либо иного, то нужно изменить определение слова, допуская, что слово – это такая языковая единица, которая может иметь, а может и не иметь отдельное лексическое значение. Но это чревато тем, что нужно будет переписать всю лексикологию, включив в неё раздел, в котором будут рассмотрены слова без значений, т.е., с одной стороны, компоненты фразеологизмов, а с другой стороны, и какие угодно другие звуковые отрезки, лишь бы они были целостны по звучанию (вспомним хотя бы знаменитую “Глокую куздру...” Л.В. Щербы. Но будут ли такие звуковые отрезки иметь хоть какой-то смысл для лексикологии?

Если преподаватель хочет сохранить данное автором определение слова и, в частности, ту мысль, что слов, лишённых значения, не бывает, то нужно изменить определение фраземы и изменить таким образом, чтобы фразема продолжала оставаться единицей с целостным значением, однако считалась сочетанием таких компонентов, которые лишь внешне похожи на слова, но словами ни в коем случае не являются. Так называемые фразеологические сочетания нужно будет из фразеологии исключить.

Если преподаватель хочет сохранить во фразеологии так называемые фразеологические сочетания, то определение фраземы опять-таки нужно будет изменить, но изменить таким образом, чтобы в нём не было слов о целостности значения фраземы. Правда, это будет чревато тем, что в класс фразем войдут языковые единицы, весьма разные по характеру значения, и нужно будет искать тот принцип, который их всё же объединит и, главное, в то же время отличит от всех других типов языковых единиц. Н.М. Шанский [2, с. 40] и его последователи таким принципом считают не целостность значения, а его постоянство (впрочем, вкупе с общественной воспроизводимостью), но нужно считаться с тем, что разработка понятий постоянства значения и общественной воспроизводимости фразем весьма далека от совершенства. В частности, совершенно обычное, так называемое свободное словосочетание типа *зелёная трава* обладает явно постоянным значением и скорее воспроизводится, чем производится, ибо как ещё носитель русского языка выразит то значение, которое скрывается в словосочетании *зелёная трава*?

Словом, будет очень неплохо, если преподаватель выберет наименее противоречивую концепцию. В данном случае наименее противоречивой оказывается та концепция, в соответствии с которой фразема – это двусторонняя языковая (а в принципе и речевая) единица с нецелостной фонемной оболочкой и в то же время целостным, не распределяющимся

между частями этой фонемной оболочки значением. Но – повторим ещё раз – в подобных ситуациях важнее научить студента не только и даже не столько выбирать более удачную концепцию, сколько видеть противоречия при соединении высказываний из разных концепций и научить его устранять эти противоречия.

В заключение мы хотим заметить, что в данной небольшой статье не ставилась задача написать рецензию на всю рассмотренную книгу Н.Ф. Алефиренко, в других разделах и интересную. Мы лишь хотели обратить внимание и преподавателя, и студента на то, что в данных конкретных разделах этой книги оказались противоречия и что эти противоречия нужно непременно устранить, ибо в противном случае эти разделы останутся непонятными и это непонимание может сохраниться и в дальнейшем при изучении курса современного русского литературного языка.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Теория языка: Вводный курс. – М.: Academia, 2004.
2. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1969.

Особенности функционирования фразеологических единиц с компонентом “грех”: лингвокультурологический аспект

Бушакова М.Н.

Краснодар

В настоящее время постижение культурного самосознания через языковые средства является актуальным для лингвокультурологического анализа фразеологизмов. Выступая в функции знаков “языка” культуры, фразеологизмы непрерывно формируют культурное самосознание народа – носителя языка. В связи с этим необходимо изучать, при помощи каких средств происходит воплощение “языка” культуры в содержание фразеологизмов.

Академик В.В. Виноградов считал, что в основе лексического аспекта фразеологизма лежит семантическое содержание лексем. Вопрос о значении фразеологических компонентов долгое время вызывал горячие споры среди лингвистов. Одни считали, что лексемы в составе фразеологических единиц утратили свою предметную соотнесенность, другие опровергали это, а третьи выдвигали такую точку зрения, согласно которой слова в составе фразеологизма и вовсе утрачивают признаки слова.

Нам представляется более актуальной точка зрения Д.Н. Шмелева, который утверждал, “что сколь бы ни была затемнена мотивированность фразеологизма, она никогда не стирается настолько, чтобы последний превратился полностью во “внесловное” образование. Дело не доходит до того, чтобы все компоненты фразеологизма стали никак не сопоставимы с “обычными” словами” [15: 49-50].

Воздействие лексической системы языка на компоненты фразеологических единиц, по мнению Р.Н. Попова, происходит потому, что

они сохраняют свой лексемный характер, несмотря на все семантические изменения, которым подвергаются.

Занимаясь исследованием лингвокультурной и ментальной специфики концепта “Грех”, мы обнаружили, что одноименная лексема достаточно активно присутствует в семантическом пространстве фразеологических единиц. Толковые словари трактуют данную лексему по-разному. Так, в словаре Фасмера лексема “грех” обнаруживает свои следы в старославянском языке и отождествляется с такими значениями, как “*жжение (совести)*”, “*косой*”, “*изгиб, кривизна*”, “*греза*”. В русских диалектах “*нагрезить*” означало “*сделать что-либо плохое, причинить ущерб*” [11: 215].

Наиболее полное определение словарной статьи “грех” дает В.И. Даль:

- 1) поступок, противный закону Божию; вина перед Господом;
- 2) вина или проступок; ошибка, погрешность;
- 3) беда, напасть, несчастье, бедствие (подразумевая: за грехи наши);
- 4) в тесн. знач. распутство;
- 5) наречие – грешно, греховно [3:647-648].

Следует подчеркнуть, что ранее в словаре В.И. Даля (1989 год) эта словарная статья отсутствовала, что можно объяснить лишь определенными экстралингвистическими факторами, обусловленными, на наш взгляд, социально-политическими особенностями того времени.

Некоторые словари (С.И. Ожегов, В.В. Лопатин, словари под ред. Д.Н. Ушакова, С.А. Кузнецова) полностью совпадают в своем толковании лексемы “грех”, предлагая три традиционных значения данного понятия:

1. У верующих: нарушение религиозно-нравственных предписаний (религ.);
2. перен. Предосудительный поступок, преступление;
3. в знач. сказ. Грешно, нехорошо.

В “Толковом словаре русского языка конца XX века” под ред. Г.Н. Складчиковой предлагается только два значения с пометами: **в христианстве;** **у верующих.** Таким образом, вследствие языковых изменений в конце XX века четко прослеживается разграничение этих двух понятий (в христианстве вообще и у верующих конкретной конфессии). Это свидетельствует о том, что лексема “грех” имеет узкую социально-конфессиональную сферу распространения и является базовой единицей языкового сознания, присущего именно верующим.

На базе данной лексемы в процессе культурно-исторического развития были образованы следующие фразеологические единицы: *не грех (бы), вот (экой) грех, как на грех, <и> смех и горе [грех], первородный грех, смертный грех, как смертный грех [страшен, некрасив и т.п.], свальный грех, грехи мои (наши) тяжкие, грех пополам, с грехом пополам, не без греха, от греха (подальше), от греха (отойди, уйди), долго ли (недолго) до греха (до беды), что (нечего) греха таить, есть такой грех, грех попутал, падет грех на голову, принять на себя грех, брать/взять (принимать/принять) грех на душу, хватить греха на душу.*

Как показывают наши наблюдения, фразеологические единицы с компонентом “грех” активно функционируют и в художественном тексте. Примером тому являются произведения таких авторов, как Э. Хемингуэй, Ф.М. Достоевский, В. Пикуль, И. Бунин, А. Чехов, В. Сологуб и др. Так, в “Преступлении и наказании” Ф.М. Достоевского в сцене, когда лошади раздавили человека, “*кучер казался в недоумении и изредка повторял: - Экой грех! Господи, грех-то какой!*” [16: 101]. В. Сологуб в “Неоконченной повести” реализует такой фразеологизм, как “*как смертный грех [страшен, дурен, некрасив и т.п.]*”: “*В Москве ей было очень весело, только под конец ей надоел Хохлин, который, как она слышала, человек скупой, злой и гадкий, несмотря уже на то, что дурен как смертный грех*” [17: 281].

Исследование функционирования фразеологических единиц с компонентом “грех” подтверждает предположение о том, что данные фразеологизмы наиболее употребляемы в церковно-религиозной сфере и присущи языковому сознанию верующих людей, что определяется, прежде всего, присутствием в составе фразеологических единиц лексемы “грех”, характеризующейся глубинным культурно-конфессиональным смыслом.

Литература

1. Алехина А.И. Фразеологическая единица и слово. - Минск, 1972.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 тт.- М., 1989.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Современное написание: В 4 тт. Т.1. - М., 2001.
4. Лопатин В.И. Русский толковый словарь. - М., 1998.
5. Образование и функционирование фразеологических единиц / Отв. ред. Ю.А. Гвоздарев. - Ростов н/Д., 1981.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. - М., 1982.
7. Современный толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. - СПб., 2001.
8. Телия В.Н. Что такое фразеология? - М., 1966.
9. Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складневской. - СПб., 1998.
10. Толковый словарь русского языка: В 4 тт. / Под ред. Д.Н. Ушакова. - М., 1996. Т.1.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 тт. Т.1.- М., 1986.
12. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. - М., 1987.
13. Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия.- М., 1999.
14. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 тт / Сост. А.И. Федоров. - Новосибирск, 1995. Т.1.
15. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. - М., 1964.
16. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. - Магадан, 1982.
17. Сологуб В. Неоконченная повесть. - М., 1992.

Фразеологизмы как актуализации при чтении текста

Бушев А.Б.

Тверь

Фразеологизмы есть в широком смысле слова метафоризации, весьма неожиданные, культуроспецифические, актуализирующие новые смыслы. Такова их функция в дискурсе. Метафора давно занимает исследователей и как “сопряжение далековатых идей” (М.В. Ломоносов), и как “силки мышления” (Аристотель), и как смысловой скандал (Р. Музиль), и мощное риторическое средство, и способность сказать нечто новое. Метафоризация в сообщении и в воздействии представляет процесс изменения курса направленности рефлексии реципиента, приводящий в конечном итоге к усмотрению определенных запрограммированных автором смыслов.

Изучение метафоризации в политических мемуарах проводилось нами на примере книги Н.С. Леонова “Крестный путь России”, посвященной политической истории России после 1991 года. Автор - живой свидетель и участник описываемых событий, опирается на свой богатый опыт аналитики, вскрывает подоплеку многих событий, покрытых мифами и пропагандисткой шелухой. Мемуары рассматриваются нами с целью выявления функций метафоры как средства тексто- и смыслопостроения в политическом дискурсе и разработки методики анализа политического дискурса, основанной на обращении к герменевтическому подходу и выявлении функциональных возможностей метафоризации.

Найдены характерные примеры протрагированных метафоризаций в политических мемуарах¹.

Стандартные (“автоматизированные метафоры”) : *Большой Дворец набит охраной и челядью... Эта эпоха – генетических разлом в судьбе страны и народа... Россия в самостоятельном плаваньи... выпустил из рук рычаги... беспомощно барахтался в потоке событий, увлекаясь в гибельный водоворот... ресурс доверия был исчерпан.*

Нестандартные, актуализирующие смысл, оценочность: *На М. Горбачева обрушились потоки жесткой критики, “партократы” уже чувствовали запах приближающегося пожара, дали волю своему раздражению... Но когда вконец измотанный Горбачев поставил вопрос о своей отставке с поста Генерального секретаря, члены ЦК дрогнули, испугались своей “смелости”, и стали даже просить Горбачева остаться на капитанском мостике. Именно на этом Пленуме была потеряна последняя возможность сбросить с ног изношенные в конец горбачевские лапти и попробовать пойти, как встарь, босыми ногами по росистой траве. Но сил уже не было... мало кто заметил, что на Пленуме забыли, что собрались для того, чтобы наметить пути развития страны. Наступал маразм.*

¹ Все примеры из книги: Н.С. Леонов. Крестный путь России. М., 2002. С.12 и др.

Смыслы, актуализирующие оценочность, представлены в следующей дробе текста (лексические корреляты – метафоризированные фраземы):

Ельцин пошел на разрыв с Горбачевым в 1987 г., заявив, что он стремится к ускорению перестройки. Это уже потом политическая стихия понесла его по пути мимикрии в “демократическое”, а потом и открыто антикоммунистическое поле, где травы оказались и гуще, и сочнее для амбиций и карманов. М. Горбачев продержался на своих симпатиях к “социалистическому выбору” ровно до тех пор, пока эта позиция давала ему личные карьерные преимущества. Как только “социализм” оказался не кошельком в кармане, а камнем на шее, М. Горбачев сразу же отказался от него, а потом потихонечку, бочком-бочком пробрался в те же антикоммунистические пампасы, где и щиплет травку по сей день....

Без труда выделив в вышеприведенном отрывке фразеологизмы и вообще метафоризированные фраземы, исследователь теории текста не может не отметить их функцию актуализации определенных смыслов, оценочности.

Ряд концептуальных положений современной семасиологии вызывают интенсивную научную рефлексию (имплицитность позитивных характеристик в метафоре как вариант косвенной оценочности, смысл “мы - они” как основа в смысловой иерархии метафоризированных смыслов, прогнозирующая функция метафоры, соотношение функций экспликации и актуализации в метафоре, идеальное в дискурсе, использование метафор как для экспликации, так и для завуалирования категоричности и баланс оного, свойства политического дискурса).

Прочтение политических мемуаров заставляет обращаться к учению о речи – риторике, а именно к категоризации смыслов гражданской речи, выполненной для потомков Аристотелем – топике.

В современных работах обсуждается мифологизация идей при помощи метафор, продемонстрированная А.Ф. Лосевым в работе “Диалектика мифа”. Филолог и философ, А.Ф. Лосев живописно продемонстрировал миф о страшном мире, в котором “призрак бродит по Европе, призрак коммунизма”, где-то “копошатся гады контрреволюции”, “воюют шакалы империализма”, “зияют пастью финансовые акулы”, всюду “снуют бандиты во фраках”, “людоеды в митрах”. Везде “темные силы”, “мрачная реакция”, “черная рать мракобесов”, и в этой тьме “красная заря мирового пожара”, “красное знамя восстаний”. “Картинка! – восклицает автор - И после этого говорят, что тут нет никакой мифологии”. Возможное развитие темы в лосевском: метафоризация – символ – миф.

Четко показано, что метафоры поэта и политика принципиально разнятся, поскольку разнятся тип дискурса (функциональный стиль), языковая личность адресанта и адресата, цели, смыслы, фактор массового адресата, языковая личность политика и художника. Многие (едва ли не все) метафоры политики банальны, стереотипны. Притчами говорил и Христос. Какова особенность политических и гражданских метафор?! Почему метафоры так легко номинировать – (Дж. Лакофф. А.Н. Баранов)?!

Все вышесказанное приводит к разделению метафоризации и актуализации (не всякая метафора значима).

Отмечая функции метафоры, многие авторы отмечают когнитивную функцию, но не выделяет коммуникативную. Базируясь на функциях языка, знаменитой классификации Р. Якобсона, на наблюдениях за метафоризациями в речи, было бы несправедливо отказать метафоре в коммуникативной функции демонстрации определенных смыслов, в том числе смыслов-отношений:

Приведем пример. Дезинтеграционные процессы, проходившие в СССР, актуализируются при помощи следующей метафоры: *“Невиданное доселе ослабление центральной власти в Москве не могло не породить возникновения мощного сепаратистского движения в национальных республиках, входивших в состав СССР. Руководители союзных республик довольно быстро сменили свои костюмы коммунистов-интернационалистов на националистические свитки, халаты, бешиметы. Каждому хотелось, по старой поговорке, стать Иваном Ивановичем в своей деревне, чем оставаться Ванькой в городе. Давно известно, что прощя всего можно зажарить для себя яичницу, разводя огонь межнациональных конфликтов. История наций всегда хранит столько пожароопасного хлама, что стоит поднести к нему спичку, как запылывает с таким трудом выстроенный дом. Бывший премьер-министр В. Павлов вспоминал, что в 1989 г. руководители всех союзных республик, входивших в СССР, представили в правительство расчеты, “неопровержимо” свидетельствовавшие о том, что национальный доход, произведенный на их территории, вывозился в другие республики. Ни одна республика не получала помощь и поддержку, а все только ее кому-то оказывали... Все видели решение большинства своих проблем в отделении от Союза ССР. Закопериками в этой кампании были, естественно, прибалтийские республики, но не уступали им и закавказские. К лету 1991 г., опираясь на положения Конституции ССР, предусматривавшие право союзных республик на свободный выход из состава СССР, многие и поставили вопрос о предоставлении им полной самостоятельности”*

Продемонстрированные примеры свидетельствуют о концентрированной трактовке в метафоризированном образе (в том числе и в большом количестве случаев фразеологическом или паремиологическом) демонстрируемого смысла, особом приеме пробуждения рефлексии актуализации. Разработка теории актуализации, начатая в филологии русскими формалистами и пражцами, должна быть продолжена в риторической теории эффективного речепостроения.

Этноспецифичность фразеологии и переводческий прием адаптации

Бушев А.Б.
Тверь

Раскрытие закономерностей функционирования фразеологизмов, обусловленных комплексом лингвистических и экстралингвистических факторов, находится в центре внимания фразеологии, изучающей, как известно, устойчивые сочетания слов с осложненной семантикой, не образующиеся по порождающим структурно-семантическим моделям переменных сочетаний (Кунин 1996: 5).

Эквивалентность слова фразеологизму сомнительна. ФЕ и их лексические синонимы по-разному номинируют явления: “слова употребляются в своих буквальных значениях, что характерно для первичной номинации, а фразеологические единицы являются переосмысленными оборотами, вторичными наименованиями” (Кунин 1996: 11) И фразеология – **ключ к познанию этнокультурного менталитета**: “draw a long bow” = “to exaggerate”, “to shake a leg” = “hurry”, “to split hairs” = “to quibble”, “cooked his goose” = “ruined his chances of success”, “put the cat among the pigeons” = “to cause trouble”. Можно производить подобные замены, но они сводят на нет выразительность высказывания, специфику номинации, ее коннотации, этническую компоненту вербального фонда человека. Да и не все фраземы имеют лексические синонимы.

Пониманию фразеологии, раскрытию ее основной проблематики способствуют сотни трудов, имеющих в багаже филологической науки. Их краткий обзор представлен, например, В.Н. Телия (1986). Основная проблема фразеологии – связь семасиологии и структуры единицы – преломляется для переводчика в проблему узнавания, понимания и переводческой эквивалентности (в том числе стилистической) (Кунин 1996, Амосова 1963). Если говорить о важности понимания менталитета иноязычного продуцента текста, то знание фразеологии переоценить невозможно: That cat won't jump. What will Mrs. Grundy say? = Дело не пойдет. Что скажут люди?!

Для переводчика системное изучение фразеологии родного и иностранного языка помогает избежать руссизмов, повышает речевую готовность к лаконичному и образному выражению мысли. В этом – эстетико-эмоциональный компонент языковой коммуникации и языкового посредничества.

Все фразеологизмы упрощенно можно поделить на следующие группы:

- **прозрачные для понимания**: “a clear head” = “ясная голова”, “to have a good head on the shoulders” = “хороший ум”, “to keep an eagle eye on smb” = “орлиный глаз”, “to have a memory like a sponge” = “память как губка”, “to have a nose for smth” = “нюх на что-либо”;

- **понятные, но с этноспецифическим компонентом**: “to be as bright as a button” = “яркий как пуговица”, “to have nothing between one's ears” = “между глаз ничего (=без царя в голове, голова пустая)”, “to be soft in the head” = “мягкий в голове (слабый на голову)”, “to be off one's trolley” – “свалиться с тележки (=спятить)”, “to know smth like the back of one's head” = “знать что-либо как затылок (не знать и не ведать, ни ном ни духом)”, “to have smth at one's fingertips” = “владеть чем-либо на кончиках пальцев (= виртуозно)”, “to be plain as a nose on your face” = “ясно как нос на лице (= как

божий день)”, “to be lively as a cricket” = “живой как сверчок”, “to be happy as Larry” = “счастливый как Ларри”;

- **абсолютно непрозрачные:** “not to have all one’s marble” = not to be reasonable = “винтиков не хватает”, “to be quick off the mark” = “неправильный”, “to have the gift of the gab” = “уметь убеждать”, “can’t hold a candle to smb” = “не годиться в подметки”, “to be out of one’s box” = “напиться”, “to cut to the chase” = “дойти до сути”, “to have a bee in one’s bonnet” = “иметь пунктик”, “to be in the swim” = “быть на волне, в курсе”, “to know the ropes” = “обучиться, знать дело”, “make or mar” = “пан или пропал”, “to be all at sea” = “не знать, что делать в конкретной ситуации”, “the penny dropped” = “въехать в курс дела”, “to blow away the cobwebs” = “вновь ожить, вдохнуть силы”, “to be in one’s element” = “чувствовать себя в своей тарелке”, “to kick up one’s heels” = “наслаждаться жизнью”, “to be born with a silver spoon in one’s mouth” = “родиться в богатой семье”.

Особняком стоит проблема сравнений: daft as a brush, fresh as a daisy, like turkeys voting for Christmas, drunk like a fish, to eat like a horse, to smoke like a chimney, to swear like a trooper, to swim like a fish, to fit like a glove, like two peas in a pod.

В дидактическом отношении представляют трудность непрозрачные идиомы, которые иллюстрируют сердцевину мышления: to face the music, not to cut the mustard, go bananas.

В лингвopsихологии с помощью сравнительного метода выявляется специфика языкового мышления разных народов типа Just between you, and me and the lamppost = tete-a-tete = via-a-vis = unter vier Augen = с глазу на глаз. Второй пример: Joe Doakes = Joe Doe = John Hancock = John Henry = Иванов = man in the street.

Пословицы – прекрасный шанс оценить этноспецифичность менталитета: Every man has a fool in his sleeve. Fools rush in where angels fear to tread. Never offer to teach fish to swim. There is more than one way to skin a cat. No man is wise at all times. A burnt child dreads the fire. Don’t trouble trouble until the trouble troubles you. Scratch my back and I scratch yours. Don’t count chicken before they are hatched. No pains no gains. Stretch your legs according to your coverlet. None so blind as those who won’t see. Birds of a feather flock together. The law is not a lamppost, you can turn it around.

Навык эквивалентности в передаче фразеологизмов ценен при выработке адекватного перевода периодики. Словарь идиоматики издательства Лонгман представляет **современную идиоматику газеты:** “bang goes” = “плакало мое...”, “have sb bang to rights” = “поймать с явными уликами”, “get a bigger bang for your buck” = “лучшее качество за ту же цену”, “to be bitten by the bug” = “воодушевиться (петух клюнул)”, “give the devil his due” = “поделом (собаке собачья смерть)”, “every dog has its day” = “будет и у нас праздник”, “iron out the kinks” = “наводить последний лоск”, “sell like hot cakes” = “продаваться хорошо”, “clear the air” = “выяснить, прояснить”, “jobs for the boys” = “блат”, “pin hopes on” = “связывать все надежды”. Словосочетания подобраны методом корпусной лингвистики.

Из словарей, дающих широкую панораму современного сленга, в том числе этноспецифического, отметим следующий: Англо-русский толковый словарь американского разговорного языка (составитель R. M. Harmon). В нем представлен неформальный язык: слова и выражения, которых избегают в письменной речи (“buy” в значении “believe”, “pick up” в значении “нахвататься” и пр.), а также выявлены стилистические категории (разговорное, сленг, вульгаризм).

Большинство слов встречаются в неформальном общении и поэтому представляют интерес для устного переводчика: “cold fish” = “себе на уме, чудак”, “raw deal” = “несправедливое обращение”, “be all thumbs” = “неуклюжий человек”.

Приведем пример этно- и культуроспецифической идиоматики в данной сфере лексикона:

He turned up late, and slightly Brahms and Liszt = drunk.

В устной речи встречается насыщенная идиоматика: Sam is a cool cat. He never blows his stack and flies off the handle. What’s more he knows how to get away with things.

В этой связи должны быть упомянуты “Новый англо-русский словарь разговорной лексики” С.А. Глазунова, “Словарь современного сленга” Тони Торна, “Краткий словарь американского сленга и разговорных выражений” Бушуевых. В учебных целях вполне применим Словарь американских идиом А. Маккея.

Еще раз подчеркнем, что трудности при переводе с английского на русский вызывает, прежде всего, понимание, а затем эквивалентный перевод фразеологических единиц как семантически цельных образований, где компоненты утрачивают самостоятельные значения: to take effect - вступить в силу, it’s high time - самое время, давно пора. Проблемы сходства между фразеологической единицей и свободным словосочетанием, в том числе сходства частичного, решались в лингвистической науке В.В. Виноградовым (1946), Н.Н. Амосовой (1963), А.В. Куниным (1996), М.Д. Гутнером (1982).

Идиоматику общественно-политического дискурса четко представляет пособие М.Д. Гутнера (1982: 39): “blind alley” = “тупик, безвыходное положение”; “liberal education” = “широкое общее образование”, “common sense” = “здравый смысл”, “to make a point of” = “обратить особое внимание”, “to take pains” = “стараться”, “to go to the country” = “распустить парламент и назначить новые выборы”, “to sit on the fence” = “занимать выжидательную позицию”, “to draw a red herring across the pass” = “намеренно вводить в заблуждение”, “red tape” = “волокита, бюрократизм”.

Для методического подхода М.Д. Гутнера (1982: 38-46) характерно внимание к образной фразеологии. Все единицы данного вида он подразделяет на следующие категории:

- Калькируемые фразеологизмы: “to play with fire” = “играть с огнем”, “to take the bull by the horns” = “взять быка за рога”, “poor as a church mouse” = “беден как церковная мышь”, “to cut the Gordian knot” = “разрубить гордиев узел”, “to cross the Rubicon” = “перейти Рубикон”, “to go to Canossa” =

“отправиться в Каносу”.

- Фразеологизмы, частично не совпадающие по образности с русскими: “to curse one’s stars” = “проклинать свою судьбу”, “the root of the trouble” = “корень зла”, “whip-and-carrot policy” = “политика кнута и пряника”, “to sleep like a log (rock)” = “спать как сурок”.

- Фразеологизмы, при переводе которых образ полностью заменяется: “once in a blue moon” = “в кои-то веки, после дождичка в четверг”, “to put one’s eggs into one basket” = “поставить все на карту”, “to show the white feather” = “струсить”, “by hook or by crook” = “не мытьем, так катаньем”.

- Фразеологизмы, которые переводятся нейтральной лексикой: “a skeleton in the cupboard” = “тайна”, “through thick and thin” = “решительно”, “to come down to brass tacks (nails)” = “перейти к сути дела”, “as cool as a cucumber” = “хладнокровный”, “to talk through one’s hat” = “говорить вздор”.

Часто можно слышать мнение о несущественности идиоматики для перевода научных и технических текстов. Так, например, скрининг англо-русского военного словаря дает относительно небольшое количество идиоматики, что может способствовать неверному впечатлению о несущественности последней в работе военного переводчика: “to be in full swing” = “в полном разгаре”, “on all fours” = “ползком, на четвереньках”, “on foot” = “в пешем строю, пешим порядком, пешком”, “on the strength” = “штатный”. Однако надо принимать во внимание несвободные сочетания необразного характера.

Из пособий, которые могут быть использованы при подготовке и самоподготовке практического переводчика, отметим работу П.П. Литвинова “Англо-русский фразеологический словарь с тематической классификацией”. Рубрикация словаря идеографическая: фразеология представлена по разделам – интеллект, чувства, оценка действительности, работа, мораль, время, счастье и т.д. Данная рубрикация позволяет проникать в системное представление менталитета при помощи фразеологии, своего рода топики (в аристотелевском значении).

Перевод фразеологизмов традиционно вызывает различные виды переводческих трансформаций комплексного характера.

Адаптация представляет собой переводческий прием, состоящий в замене неизвестного известным, непривычного привычным:

There is no use crying over the spilt milk = Снявши голову, по волосам не плачут.

One cannot turn back the clock = Былого не вернешь.

Curiosity killed the cat = Любопытной Варваре...

Dog does not eat dog = Ворон ворону глаз не выклюнет.

An old dog will learn no new tricks = Горбатого могила исправит.

A creaking door hangs long on its hinges = Такие скрипят долго.

Every dog has his day = Будет и на нашей улице праздник.

Scratch my back and I shall scratch yours = Рука руку моет.

Данный вид переводческой трансформации существенно отличается от дополнения, опущения, переложения, так как происходит ментальная (когнитивная) смена образа.

Итак, образцы, матрицы этноспецифичного мышления в вербальном фонде человека – паремии, фразеологизмы, сленг, коллоквиализмы, регионализмы, загадки, небылицы, юмор – должны стать ключом к постижению этносов, их мышления, менталитета, образования в педагогике, поставившей себе цель культурного разнообразия, развития культур в современном глобализованном мире.

Литература

1. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. - Л., 1963.
2. Краткий словарь американского сленга и разговорных выражений. Сост. Бушуев А. В. и др. - Смоленск, 1997.
3. Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. - Л., 1946.
4. Глазунов С. А. Новый англо-русский словарь современной разговорной лексики. - М., 1998.
5. Гутнер М. Д. Пособие по переводу с английского языка на русский общественно-политических текстов. - М., 1982.
6. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. - М., 1996.
7. Литвинов П. П. Англо-русский фразеологический словарь с тематической классификацией. - М., 2000.
8. Словарь американских идиом А. Маккея. - СПб, 1997.
9. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. - М., 1986.
10. Словарь современного сленга Тони Торна. - М., 2000.
11. Англо-русский толковый словарь американского разговорного языка. Составитель R. M. Harmon. - М., 1999.
12. Longman Idioms Dictionary. - 1998.

Особенности структуры фразеологических конфигураций в лирико-философских миниатюрах «Уединенное» и «Опавшие листья» В.В. Розанова

Виноградова Е.А.
Кострома

Автобиографическая трилогия В.В. Розанова «Уединенное» и «Опавшие листья» отражает новый в литературе подход к самовыражению и самоинтерпретации. Традиционной связности описания жизненного пути Розанов противопоставляет прерывистость и подвижность отдельных «записей», включающих воспоминания, размышления и оценки. Для трилогии характерна свобода композиции, сочетающаяся с предельной субъективностью и «динамизмом переключений из одного стилистического регистра в другой. Ассоциативному характеру повествования соответствует

принцип «мозаики» в соположении элементов текста и особая синтаксическая организация» (1, с.56).

Задача данной работы – выявить характерные для лирико-философских миниатюр Розанова структурно-семантические особенности фразеологических конфигураций (ФК), их роль в индивидуально-авторском осмыслении фразеологии языка в целом и конституирующих их фразеологизмов в частности.

Под ФК, вслед за А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко, мы понимаем структурно-семантические и стилистические единства, образуемые фразеологическими единицами (ФЕ) и фразеологическим контекстом (2, с.32).

В трилогии Розанова неизменно поражает магия слова. Талант, сила мысли и чувства «выплескиваются таким живым словом, что, даже подчас не соглашаясь с ним, нельзя не оценить его умения завораживать читателя «метко сказанным русским словом»» (3, с.8-9).

На обороте транспаранта Розанов записывает высказывание о своем отношении к смерти: «О своей смерти: «Нужно, чтобы этот *«сор был выметен из мира»*. И вот, когда настанет это «нужно» - я умру». В нем обыгрывается и трансформируется фразеологическая единица (ФЕ) *«выметать сор из избы»*. Здесь мы видим и резкое самоумаление, и попытку примириться с неизбежным: жизнь требует смены поколений, и потому необходимо уйти в свой срок, выполнив свое предназначение.

Далее мы читаем: *«Да, «смерть» одолевает даже математику. «Дважды два – ноль»*». Это своеобразный авторский афоризм, краткий и неожиданный. Розанов перестраивает ФЕ *«ясно, как дважды два»*. Слово «ноль» наполняется символическим смыслом. Человек стремится сделать нечто важное в своей жизни – смерть прерывает деятельность, перечеркивает все чаяния и труды.

И потому Розанов приходит к мысли: «Нужно хорошо *«вязать чулок своей жизни»*, и – не помышлять об остальном. Остальное – в «Судьбе»: и все равно там мы ничего не сделаем, а свое («чулок») испортим (через отвлечение внимания)». Оказиональный оборот *«вязать чулок своей жизни»* отсылает нас к мифологии, к мифологическим образам богинь Судьбы, которые прядут нить человеческой жизни и в нужный срок обрывают её. Снова звучит идея предопределенности: над человеком тяготеет рок, судьба. А разговорный оборот *«все равно»* приобретает экспрессивную окраску, подчеркивая тщетность усилий человека. И он, человек, должен хорошо делать только то, что зависит от него самого.

Для Розанова это работа, творчество: «Я решительно не могу остановиться, удержаться, чтобы не говорить (писать), и все мешающее отбрасываю нетерпеливо (дела житейские) или выраниваю из рук (книги).

Эти говоры (шепоты) и есть моя «литература». Отсюда столько ошибок: дойти до книги и раскрыть ее и справиться – для меня труднее, чем написать целую статью. «Писать» - наслаждение: но «справиться» - отвращение. Там «крылья несут», а тут – должен работать: но *я вечный*

Обломов». В основе миниатюры лежит антитеза: писательский труд, творчество, духовная работа и бездеятельность («дела житейские», чтение книг...). Эта антитеза заканчивается выводом: «писать» - наслаждение, «крылья несут», а чтение – работа, вызывающая отвращение. И оценивая себя, использует окказиональный оборот «вечный *Обломов*», созданный по модели ФЕ, а далее поясняет: «я чудовищно ленив читать», «вечный странник», «вечный изгнанник», потому что чтение «мешает думать».

В другой миниатюре мы читаем: «Как темно все вокруг юношества, как мало можно винить его за то, что оно *«потеряло голову»* и идет в пропасть среди аплодисментов печати.

Подлая печать».

Розанов обвиняет печать в том, что она «вводит юношество в обман и самообман», не говоря прямо, что «забастовки мерзость». И здесь средством выражения негодования служат анафорические повторы с восклицательной частицей **как**, организующие композицию данной миниатюры. Слово «темнота» негативно характеризует состояние социальной жизни, а ФЕ «потерять голову» и «идти в пропасть», выражая причинно-следственные отношения, дополняют характеристику общественной ситуации в России.

Розанов неоднократно повторял свою излюбленную мысль, что его мнения могут быть самые различные по одному и тому же поводу. «Темное, ужасное будущее» виделось Розанову впереди. На протяжении всей жизни им владела идея «несообразности дел, творимых на Руси». И как результат этого, считал он, явился нигилизм, а затем и террор: «В террор можно и влюбиться и возненавидеть до глубины души, - и притом с оттенком *«на неделе семь пятниц»*, без всякой неискренности». Говоря о многообразии мира, о сложности дать объективную оценку многим вещам, Розанов использует антитезу (*любовь – ненависть*), в создании которой участвуют ФЕ. Словосочетание «возненавидеть до глубины души», состоящее из глагола «возненавидеть» и примыкающего к нему обстоятельства степени, выраженного фразеологизмом, в сопоставлении с антонимом «влюбиться» дает представление об амплитуде эмоционального состояния. А присоединительная конструкция, представленная союзом «и» и иронической поговоркой «на неделе семь пятниц» подчеркивает душевные сомнения, осознание непостоянства эмоциональных оценок, возможность перехода к резко противоположному отношению к одному и тому же явлению.

Рассмотрим еще несколько примеров:

«Посмотришь на русского человека острым глазком... Посмотрит он на тебя острым глазком...»

И все понятно.

И не надо никаких слов.

Вот чего нельзя с иностранцем».

Данная миниатюра имеет двухчастную форму. В первой части автор говорит о взаимопонимании русских людей, а во второй – о невозможности подобного контакта с иностранцами. В организации этой ФК используется параллелизм и анафорические повторы, а также окказиональный оборот

«посмотреть острым глазом», созданный на основе узуальных «острый глаз», «острое зрение», в сочетании с глаголом «посмотреть».

«Меня даже глупый человек может *«водить за нос»*, и я буду знать, что он глупый и что даже *ведет меня ко вреду*, наконец – *«к вечной гибели»*; и все-таки буду за ним идти. «К чести моей», следует, однако, заметить, что ½ случаев, когда меня *«водят за нос»*, относится к глубокой, полной моей неспособности сказать человеку – «дурак», как и: «ты меня обманываешь».

И вот единственное, чтобы не ставить «ближнего» в неловкое положение, я делаю вид, иногда годы се его указания очень умны или что он *comme il faut* и бережет меня». Данный текст представляет ФК, в которой мы наблюдаем серию устойчивых оборотов, созданных по одной модели: *«водить за нос»*, *«вести ко вреду»*, *«вести к гибели»*. Смысловым центром является фразеологизм *«водить за нос»* в значении «обманывать». В нем одновременно актуализируется индивидуально-авторское осмысление: «направлять по определенному пути», «руководить». Вторая же часть миниатюры дает ключ к пониманию первой.

Рассмотренные ФК в тексте лирико-философских миниатюр «Уединенное» и «Опавшие листья» Розанова объединяет то, что в их образовании участвует две или более ФЕ, актуализаторами которых являются, прежде всего, слова, вступающие с ними в синтагматические отношения или участвующие в создании антитезы. В целом же актуализатором семантики ФЕ здесь является контекст лирико-философских миниатюр, в котором фразеологизмы получают дополнительно особый коннотативный ореол, яркую экспрессивность, служат самораскрытию, самоанализу лирического героя.

Литература

1. Николина Н.А. Филологический анализ текста. - М., 2003.
2. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: Словарь. - М., 1997.
3. Николукин А.Н. В.В. Розанов. - М., 1990.

Роль фразеологизмов в современной рекламе

Волостных А.В.

Тамбов

Образно фразеологические единицы можно назвать «посланниками далеких веков» [Внук 2002: 63], способных рассказать, дополнить, восстановить картину нашей истории, прежде всего ее социокультурного пласта. В ней, как в зеркале, отражается наше время и жизнь человека, его культура, быт и антикультура. Реклама рисует картину общества, в котором мы живем, и знакомит с духом отдельно взятой эпохи, т.е. затрагивает нерв времени. Будучи постоянно готовой наблюдать за новыми направлениями и тенденциями времени, реклама затем выигрышно обыгрывает их в своих целях. Реклама очень чувствительно реагирует на малейшие изменения в обществе и указывает на перемены в социальном и политическом климате,

выполняя одновременно максимально простую роль: завоевать пользователя, навязать ему свою волю, побудить адресата к действию.

Как принято считать, реклама – это словесное произведение, которое, воздействуя на реципиента, способствует распространению того или иного товара. Языковое оформление рекламного текста диктуется коммуникативной стратегией рекламодателя, которую можно определить как стратегию, ориентированную на максимальное воздействие на адресата с целью достижения положительной реакции на рекламу и рекламируемый товар. Автор рекламного текста производит тщательный отбор лексических средств и выбирает те из них, которые могут наиболее полно и адекватно отражать замысел и максимально соответствуют типу реципиента, могут входить в его знаковую систему и смысловой код и прежде всего давать квалификативную характеристику рекламируемого товара. Кваликативная сема может быть как эксплицитной, так и имплицитной. Имплицитная положительная квалификация выражается чаще всего в рекламе фразеологизмами.

Вслед за Ф. Зеймером, В.В. Виноградовым, Н.М. Шанским и др. мы берем за основу понятие широкого объема фразеологии, т.е. считаем возможным отнести к фразеологическим единицам все устойчивые сочетания слов, независимо от их характерологических признаков.

Со многими из них мы знакомы с детства. А.М. Горлатов относит их к стереотипам, заложенным с детства [Горлатов 2002: 16]. Стереотипы же наиболее легко подвергаются “раскодированию” и становятся стимулами к действию. И совершенно неслучайно часть рекламы эффективно стимулируется за счет игры слов, намеков, каламбуров, пародий на известные фразеологизмы, крылатых выражений, т.е. так называемой экспрессивной фразеологии, что имплицитно апеллирует к фоновым знаниям получателей текстов [Горлатов 2002: 94].

Помимо прочего, фразеологические единицы, особенно идиомы, пословицы, поговорки являются в настоящее время признанными стилистическими средствами, способными придавать колоритность высказыванию.

Появление фразеологизма в высказывании заставляет реципиента ярче воспринимать заложенные в высказывании намерения. Эти качества фразеологизмов не остались незамеченными составителями рекламы и лингвистами, занимающимися исследованием рекламного текста [Баркова 1983: 3, 62; Постнова 2002: 103].

Невозможно не заметить и не запомнить рекламные лозунги типа:

Истина во мне. Вино Амбассадор («Maxim»).

На вкус и цвет один ответ – Фруктайм («Семь дней»).

Аппетит приходит во время езды. Mac Drive (реклама на Авторадио).

При этом воздействие на адресата усиливается экзотическим названием рекламируемых товаров. Пословицы в данных текстах не раскрывают истинные качества товаров, не дают его адекватной характеристики. Они “эксплуатируют” те положительные стереотипы, которые у адресата уже

заложены и ассоциируются с той или иной пословицей, вызывая положительную реакцию в отношении рекламируемого товара.

Текст рекламы принадлежит к тем видам социальных дискурсов, в которых создается и наиболее полно отражается языковой образ современной эпохи. Несмотря на доступность информации и кажущуюся простоту средств выражения, язык рекламы специфичен и имеет важное значение в общественной жизни.

Наиболее сильное воздействие текстов рекламы испытывает на себе разговорная речь. Рекламный дискурс “поставляет” большое количество выражений, которые извлекаются коммуникатором из памяти и используются в подходящей ситуации. Как правило, рекламные слоганы органично вплетаются в разговорную речь, со временем обезличиваются и могут пополнить состав современной фразеологии.

К фразеологическим единицам, источником которых были рекламные тексты, можно отнести выражения “два в одном”, “в одном флаконе” (реклама шампуня Vidal Sasoon), “сладкая парочка” (реклама шоколада Twix), “райское наслаждение” (шоколад Bounty) и некоторые другие.

Фразеологизмы оказывают несомненно большое эмоциональное воздействие на читающего, создают повышенную экспрессивность высказывания.

Литература

1. Баркова Л.А. Прагматический аспект использования фразеологизмов в рекламных текстах. Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. 10.02.04. – М., 1983. – 24 с.
2. Внук Т.В. Структурно-семантическая модификация фразеологических единиц как способ решения прагматической задачи рекламных текстов // Актуальные проблемы германистики и романистики. Вып. 6. Ч. II. - Смоленск, 2002. - С. 63-66.
3. Горлатов А.М. Функциональный стиль рекламы современного немецкого языка: Монография. - Мн., 2002. – 257 с.
4. Постнова Т.Е. Фразеологизмы в современной печатной рекламе // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и лингвокультурная коммуникация. - М., 2002. - С. 100-103.

Фразеологические единицы как национально-культурные маркеры

И.А. Волостных
Тамбов

“Фразеология любого языка – это ценнейшее лингвистическое наследие, в котором отражаются видение мира, национальная культура, обычаи и верования, фантазия и история говорящего на нем народа” [Черданцева 1996: 58]. Сознание индивида как представителя определенной лингвокультурной общности воспринимает и осмысливает окружающий мир в соответствии со сложившимися нормами, правилами и установками,

фильтрующими его психику и его ментальный мир от чуждых ему элементов [Фесенко 1999: 34].

Национальную специфику фразеологизма чаще всего сохраняет фразеологический образ, поскольку он очень часто опирается на реалии, известные только одному народу, представителям одной нации.

Однако национально уникальным, неповторимым может быть и сам семантический результат–обобщенно-переносное значение фразеологизма.

Можно предположить, что национальная специфика языка отражается и в эмоционально-оценочном компоненте значения. По мнению Т.В. Писановой, семантические основания оценочных значений формируются посредством представлений и знаний об общечеловеческих и национально-культурных ценностях, пропущенных через призму национального сознания [Писанова 1991: 79].

Национальная специфика фразеологизмов того или иного языка – это многоаспектное явление, которое должно исследоваться по целому ряду параметров в процессе семантического анализа ФЕ. При этом национальная специфика того или иного фразеологизма может иметь разную степень выражения.

Рассмотрим ФЕ *tendre la demi-aune, être en bannière* – «не иметь ни гроша». В основе ФЕ *être en bannière* лежит наименование *bannière*, дающее национальную окраску фразеологизму. Номинативная единица *bannière*, зафиксированная впервые во французском языке в XII веке под формой *baniere*, восходит к франкийскому этимону *ban* “proclamation du suzerain” и служит чаще всего для обозначения приказа, призыва сюзерена к своим вассалам, который в последующем представлял собой призыв для военного сбора: «convocation que le suzerain fait de la noblesse pour le servir à la guerre» в определенном месте, обозначенном штандартом данного сюзерена [Ray 1995: 367].

Отражая реальные факты истории французского народа, данное выражение служит для обозначения низкого материально-имущественного положения вассала, когда последний имел единственную возможность обогащения – встать под флаг своего господина и отправиться на войну.

Впоследствии прогрессирующая централизация государства приводит к тому, что междоусобные войны становятся редкостью, а выражение *être en bannière* устаревает, утрачивает свою функциональную значимость, что приводит к перераспределению компонентов семантической структуры данной ФЕ. Дифференциально значимым признаком наименования становится признак бедности.

Образный компонент содержательной структуры наименования имеет рельефную степень выраженности, поскольку не совпадает с понятийным ядром наименования. На военную службу шли не только разорившиеся вассалы, но и бедные крестьяне, у которых не было ни гроша за душой и единственная возможность выжить для них – стать солдатом. Поэтому бедный, неимущий человек в данной ФЕ отождествляется с солдатом.

Вследствие периферийного положения на дифференциальном уровне значения образного компонента, оценка приобретает высокую интенсивность эмоционального проявления, и данный компонент является дифференциально значимым в семантической структуре данной ФЕ.

Функционально-стилевая маркированность данного фразеологизма, который является просторечной единицей, поддерживает высокую интенсивность проявления оценочного компонента.

Семантической основой ФЕ *tendre la demi-aune* является наименование *demi-aune*, которое происходит от номинативной единицы *aune*.

Aune, по данным А. Рея, зарегистрированная во французском языке в 1080 году под формой *alne* произошла от франкийского *alina*, которое основывается на готской форме *aleina*. Серия германских слов обозначает предплечье “*avant-bras*”, откуда берет начало мера длины, равная длине предплечья.

В процессе номинации и на начальном этапе функционирования во французском языке наименование *aune* сохраняет понятийную соотнесенность со своим этимологом и обозначает меру длины, равную 1,20 метра. Данная мера длины употреблялась в основном в коммерции и специально в продаже тканей до 1840 года. На современном этапе развития французского языка данная номинативная единица вышла из употребления и функционирует лишь в нескольких метафорических и устойчивых выражениях, например: *long d'un aune* – говоря о длинном носе, или *savoir et qu'en vaut l'aune* – судить, исходя из опыта.

ФЕ *tendre la demi-aune* используется для характеристики индивида очень низкого материально-имущественного положения. Это нищенствующий человек – человек, который ходит с протянутой рукой. *Demi-aune* здесь, возможно, обозначает руку. Благодаря подобной ассоциации, ФЕ *tendre la demi-aune* приобретает яркую стилистическую окраску.

Образный компонент содержательной структуры наименования выражен весьма рельефно, поскольку не совпадает с понятийным ядром. Протянутая рука в национальном сознании французов помимо того, что ассоциируется с бедностью, еще и сравнивается с мерой длины, используемой в коммерции.

Вследствие периферийного положения на дифференциальном уровне значения образного компонента оценка приобретает высокую интенсивность эмоционального проявления, в силу того, что данный фразеологизм является разговорным, что отмечено его функционально стилиевой маркированностью.

Образный и оценочный компоненты стилистической окраски создают богатую внутреннюю форму, которая мотивируется семантикой меры длины, используемой во французском обществе во время появления и функционирования данной ФЕ.

Таким образом, можно отметить, что национально-культурный компонент является неотъемлемой частью значения ФЕ, наряду с другими компонентами стилистической окраски (образностью, эмоциональной

оценки). А основным «хранителем» национальной специфики фразеологизма является фразеологический образ.

Литература

1. Писанова Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики эстетические и этические оценки. - М., 1997.
2. Фесенко Т.А. Реальный мир и ментальная реальность: парадигмы взаимоотношений. - Тамбов, 1999.
3. Черданцева Т.З. Идиоматика и культура // Вопросы языкознания, №1. – М., 1996.
4. Ray A. Le dictionnaire historique de la langue française. - Paris, 1995.

О связи структурной организации фразеологизмов с их семантикой

Георгиева С.И.
Болгария

Вопрос о формировании фразеологической семантики принадлежит к числу наиболее дискуссионных вопросов, связанных с номинацией сверхсловных единиц. До недавнего времени фразеологизм считался единицей семантически и формально иррегулярной, немоделируемой. “Поиски фразеологических моделей велись в плане порождения, и это не согласовалось с иррегулярностью, непрогнозируемостью, избирательностью фразеологизма. Сейчас моделируемость ФЕ рассматривается в плане описания и является объективной реальностью, а использование метода структурно-семантического моделирования во фразеологии помогает вскрыть закономерности процессов идиообразования” (Проблемы семантики, 1996, 83-84).

В настоящее время исследуются не только отдельные модели, но и виды и способы фразообразования, разрабатываются принципы создания фразообразовательного словаря (Коваль, 1982, 1987).

Механизм формирования фразеологической семантики сложный, многоступенчатый, в нем принимают участие многие факторы. Во-первых, влияние оказывает компонентный состав словосочетания. Его анализ позволяет выявить из лексических значений слов-компонентов семы, участвующие в формировании семантики фразеологизма; во-вторых, влияние оказывает и синтаксическая структура словосочетания. В работе мы придерживаемся мнения, что синтаксическая модель фразеологизма играет важную роль в процессе фразообразования, что степень и характер семантических трансформаций различны и непосредственно связаны с ролью компонента в синтаксической структуре фразеологизма (Мокиенко, Ратушная, Рязановский, Георгиева и др.).

Нами рассмотрены группы фразеологических единиц, связанных с животными, растениями, юмором, профессиями, музыкой и танцами, питанием, категорией времени, религией, с мужчиной, женщиной и др. Анализируемые устойчивые единицы мы объединили в структурные модели. Под структурной моделью фразеологизма понимается его

грамматическая, синтаксическая форма. “Синтаксическая конструкция справедливо называется в большинстве случаев конкретным языковым воплощением структурной модели фразеологизма: это вытекает из раздельнооформленности словосочетания” (Мокиенко, 1980, 41). Конструкции могут состоять из двух, трех и более компонентов, а их структура тождественна структуре того словосочетания или предложения, из которого фразеологизм переосмыслен. Модели ФЕ многочисленны и весьма разнообразны, как разнообразна сама речь, однако нами рассматривались лишь те модели, которые объединяют 2 и более фразеологических единиц. Число фразеологизмов в конкретных структурах разное: некоторые модели объединяют около 50 примеров, (например, модель “прилагательное + существительное” в группах ФЕ, связанных со временем и юмором), другие - около 40 примеров (“глагол + существительное” в группах ФЕ, связанных с питанием, музыкой и танцами), третьи насчитывают единичные примеры. Исследование велось на русском материале, который сравнивался с болгарскими соответствиями ФЕ. Оказывается, что разные группы фразеологизмов имеют предпочтение к той или иной структуре.

Анализ иллюстративного материала показал, что самая частотная и продуктивная модель в русском и болгарском языках – это структура “**прилагательное + существительное**”. Она состоит из двух знаменательных лексем. Меньшее число компонентов и характер лексического значения лексем делают их семантически активными при фразообразовании. Эта модель является ведущей (она занимает первое место по численности) в группах ФЕ, связанных с юмором, например: русск. - *тертый калач; бедный Макар*; болг. - *дубовая голова; морковкино заговенье; безжичен телеграф; куково лято; бостанско плашило; арменска уста; с растениями*: русск. - *развесистая клюква*; болг. - *костелив орех; букова глава*; с животными: русск. - *дойная корова*, болг. - *дойна крава*; русск. - *телячий восторг*; русск. - *стреляный воробей*, болг. - *гърмян заек*; русск. - *красный петух*; с мужчиной/ женщиной: русск. - *казанская сирота*; болг. - *мека Мария*; с категориями времени: русск. - *бабье лето*, болг. - *циганско лято*; русск. - *медовый месяц*, болг. - *меден месец*; с религией: русск. - *чертова дюжина*; русск. - *божья коровка*, болг. - *божа кравица; дърта вещица*. Данная модель занимает третье место в группах ФЕ, связанных с пищей: русск. - *крепкий орешек*, болг. - *костелив орех*; с музыкой и танцами: русск. - *лебединая песня*, болг. - *лебедова песен*; с профессиями: русск. - *бесструнная балалайка*, болг. - *празна воденица*; русск. - *канцелярская крыса*, болг. - *канцеларски плъх* и др.

Довольно продуктивна также синтаксическая модель “**существительное + существительное /Род. п./**”. В болгарском языке ей соответствует предложная конструкция. Она занимает второе место в группах ФЕ, связанных с мужчиной/ женщиной: русск. - *дочь Евы; дама сердца*, болг. - *дама на сърцето*; с компонентами-растениями: русск. - *яблоко раздора*, болг. - *ябълка на раздора*; русск. - *пальма первенства*, болг. - *палма на първенството*; находится на четвертом месте в группе ФЕ, связанных с

профессиями: русск. - *буква закона*, болг. - *буква на закона*; русск. - *жрецы Темиды*; на пятом - в группе ФЕ, связанных с юмором: русск. - *ума палата*; на шестом - в группе ФЕ, связанных с категориями времени: русск. - *испытание времени*, болг. - *проверка на времето*, русск. - *день Ангела*; *адамовы времена* и др.

Весьма продуктивна и модель **“существительное + существительное в предложно-падежной форме”**. Она находится на третьем месте в группах ФЕ, с связанных с мужчиной и женщиной: русск. - *сатана в юбке*, болг. - *сатана с фуста*; русск. - *женщина с прошлым*, болг. - *жена с минало*; с юмором: русск. - *ветер в голове*, болг. - *вятър в главата*; русск. - *глаза на затылке*, болг. - *очи на гърба*; с категориями времени: русск. - *день ото дня*, *калиф на час*, болг. - *ден за ден*, *въпрос на дни*; шестое место - в группе ФЕ, связанных с профессиями: русск. - *мальчик на побегушках*, болг. - *момче за всичко* и т.п.

Продуктивна также синтаксическая модель **“глагол + существительное”**. Она занимает первое место в группах ФЕ, связанных с пищей: русск. - *заварить кашу*, болг. - *забърквам каша*; русск. - *подбирать крохи*, болг. - *събирам трохите*; с музыкой и танцами: русск. - *давать тон*, болг. - *давам тон*; русск. - *разводить музыку*, болг. - *вода хорото*, второе место - в группе ФЕ, связанных с юмором: русск. - *драть козла*, болг. - *дера мечки*; русск. - *гонять лодыря*, болг. - *лапам мухи*; седьмое место - в группе ФЕ, связанных с профессиями: русск. - *держат курс*, болг. - *държа курс*; русск. - *давать ход*, болг. - *давам ход/ газ*; с животными: русск. - *травить козла*, болг. - *дера кози* и т.п.

Многочисленна также модель **“глагол + предлог + существительное”**, которая чаще всего совпадает в обоих языках. Она находится на втором месте в группе ФЕ, связанных с пищей: русск. - *достаться на калачи (на орехи)*; болг. - *правя на баница*; с музыкой и танцами: русск. - *попасть в тон*, болг. - *попадам в тон*; на третьем - в группе ФЕ, связанных с растениями: русск. - *гадать на бобах*; *разделить под орех*; на четвертом - в группе ФЕ, связанных с юмором: русск. - *держаться за юбку*; болг. - *вода за носа*; на пятом - в группе ФЕ, связанных с религией: русск. - *иди к черту*, болг. - *върви по дяволите*; на шестом - в группе ФЕ, связанных с мужчинами и женщинами: русск. - *держаться за юбку*; болг. - *ходя по жени*; на седьмом - в группе ФЕ, связанных с категориями времени: русск. - *выходить из пеленок*, болг. - *живея с орлите* и т.п.

Из служебного и знаменательного слова составлена модель **“предлог + существительное”; “частица + существительное”**, которая также является фразеолообразовательно активной и ведущей в группе ФЕ, связанных с профессиями. Она встречается как в русском, так и в болгарском языках: русск. - *в роли*, болг. - *в роля*; русск. - *под каблуком*, болг. - *под чехъл*; *под стража*. Второй по частотности эта модель является в группе ФЕ, связанных с религией: русск. - *к черту*; болг. - *за бога*; четвертой - в группе ФЕ, связанных с мужчиной и женщиной: русск. - *под каблуком*, болг. - *под чехъл*; русск. - *под мальчика*; болг. - *от занаята*; с музыкой и танцами:

русск. - *в тон*; болг. - *в унисон*; пятой - в группе фразеологизмов категории времени: русск. - *по часам*; болг. - *до гроб*; шестой - в группе ФЕ, связанных с пищей: русск. - *до крошки*, болг. - *до троха* и др.

Такое соотношение структур фразеологизмов со структурными моделями их генетического источника является чисто внешним, но по такому формальному сходству можно констатировать, в каких семантических группах ФЕ фразеологизмовая модель является активной, от каких моделей, типов словосочетаний и предложений образовано больше фразеологизмов в языке, а от каких меньше. Таким образом, становится возможным выявление закономерностей в этом процессе.

Литература

1. Георгиева С.И. Сравнительный анализ русских и болгарских фразеологических единиц, пословиц и поговорок, со значением *бедный-богатый* - Славистика, Пловдив, 1998.
2. Коваль, 1982: Коваль В.И. Образование фразеологических единиц и фразеологизмов: фразеологический анализ: Автореф. дис...канд. филол. - Наук. Минск, 1982.
3. Мокиенко: Мокиенко В.М. Славянская фразеология. - Москва, 1980.
4. Проблемы семантики, 1996: Проблемы фразеологической семантики. - Санкт-Петербург, 1996.
5. Ратушная: Ратушная Е.Р. Семантическая структура фразеологизмов в процессе ее формирования и функционирования (на материале фразеологизмов - наименований человека в современном русском языке). - Курган, 2000.
6. Рязановский: Рязановский Л.М. Идеографические аспекты немецкой фразеологии. - Санкт-Петербург, 1997.

Внешняя форма предметных фразеологических единиц со значением лица в поэзии О. Мандельштама

Гончарова Н.В.

Курган

Предметные фразеологизмы со значением лица в поэтических произведениях О. Мандельштама занимают значительное место: по данным нашей картотеки, в стихотворных сборниках «Камень», «Tristia», «Стихи 1921-1925», «Воронежские тетради» имеется около 350 единиц, называющих человека по различным качествам и свойствам. Эти фразеологические единицы обладают «максимальной степенью антропоцентричности, так как они непосредственно направлены на человека, отражают человека во всем многообразии его проявлений и свойств – внешних (физических), внутренних (морально-психических) и социальных» [2, 3].

Фразеологизмы со значением лица представляют несомненный интерес не только в плане изучения семантических, морфологических и синтаксических свойств, но и с точки зрения их структурной организации, поскольку эти единицы обладают оригинальной внешней формой. В коллективной монографии «Структурно-грамматические свойства русских

фразеологизмов» подчеркивается, что «форма фразеологизма – это всегда синтаксическая конструкция, это всегда синтаксическая модель» [4, 7], особенностью которой является «жестко закрепленный компонентный состав, который остается в данной форме до тех пор, пока единица живет в языке» [4, 9]. Присущая всем фразеологическим единицам раздельнооформленность, аналитичность обуславливает наличие более чем одного компонента. Представление о компонентном составе предметных фразеологизмов со значением лица в поэзии О. Мандельштама дает таблица 1:

Кол-во комп.	Кол-во единиц	%	Примеры
2	246	70,7	<i>ахейские мужи, бирюзовый учитель, блаженные жены, вечные народы, всемирный горожанин, диктатор-выродок, заводная кукла, кремлевский горец, фригийская бабушка, чумный председатель</i> и др.
3	57	16,4	<i>виночертий и чашиник, вифлеемский мирный плотник, высокое племя людей, коричневой крови наемники, несозданных миров отмститель, теоретики чужой казны, человек эпохи Москвошвея</i> и др.
4	32	9,2	<i>адмиралы в твердых треуголках, большаки на ямщицких возжсах, большая вселенная в люльке, простой солдат морской пучины, трамвайная вишенка страшной поры, чернила и крови смеситель</i> и др.
5	6	1,7	<i>актер-корабельщик на палубе мира, жены в порочных длинных платьях, последний чудный черт в цвету, приятель и ветра и капель, своих салазок государик и заправила</i> и др.
6 и более	7	2,0	<i>в шинелях с наганами племя пушкинovedов, товарищи последнего призыва по работе в жестких небесах, чудовища с лазурным мозгом и чешуей из влажных глаз</i> и др.
Всего:	348	100	

Предметом исследования в данной статье являются двухкомпонентные фразеологические единицы, наиболее частотные в текстах О. Мандельштама (246 ФЕ, что составляет 70,7%), например: Ты шел бестрепетно, **свободный гражданин**, /Куда вела тебя Психея. (*Tristia*); Ладил с готикой, жил озоруючи /И плевал на паучьи права /**Наглый школьник** и **ангел ворующий** - /Несравненный Вийон Франсуа. (*Камень*); Как кони медленно ступают, /Как мало в фонарях огня! /**Чужие люди**, верно знают, /Куда везут они меня. (1921-1925); Она в торговле **хитрая лисица**, /Она пред князем -

жалкая раба. (*Tristia*); Я нигде такого ресторана /И такого сброда не видал! /Мелкие чиновники, японцы, /Теоретики чужой казны... (*Камень*).

Большой интерес представляют выделенные фразеологизмы, так как они дают возможность судить о мыслях и переживаниях, которые вызывали у поэта, например, люди искусства, а также о наличии в его стихах тончайшей иронии, переходящей в сарказм в строках, служащих описанию чиновников. Фразеологические единицы, обозначающие наименования людей, носят глубоко субъективный характер, подчеркивают своеобразие поэтического мира автора и выражают его эмоциональное восприятие.

При обозначении человека фразеологическими средствами для Мандельштама типичной является именно двухкомпонентная структура наименований, преобладание которой объясняется несколькими причинами. Во-первых, по сравнению с тремя и более компонентными образованиями двучленные единицы, созданные поэтом, с одной стороны, характеризует лаконизм, и, с другой стороны, – семантическая наполненность, емкость. Фразеологизмы, отличаясь особой смысловой насыщенностью, способны с максимальной полнотой выразить мысль автора, которому необходимы оба компонента фразеологической единицы для того, чтобы персонаж стал узнаваемым.

Во-вторых, по сравнению с лексическими наименованиями человека, поэтическим фразеологизмам присуща точность и выразительность. Поэт точно, содержательно и сугубо индивидуально именуется своего героя, поэтически осмысливает его профессиональные и человеческие качества. Можно сказать, что Мандельштам создает новые, только ему свойственные наименования людей, существующих в его художественной картине мира.

Материалы нашей картотеки показывают, что около 96% предметных фразеологизмов со значением лица в поэзии О. Мандельштама организованы по моделям словосочетаний с подчинительной связью. Более 85% фразеологических единиц имеет модель атрибутивного словосочетания с синтаксической связью согласование, грамматически главным является компонент-существительное, а подчиненным – согласуемое слово, чаще всего прилагательное или причастие.

Другой моделью, представленной значительно меньшим количеством единиц, является модель субстантивного словосочетания с синтаксической связью управление, в частности, генитивные конструкции. Исследователь поэтического языка Л.Н. Рыньков для именных метафорических словосочетаний, употребляемых в языке художественной литературы XIX века (послепушкинский период), выявляет преобладание (около 70%) генитивных моделей [3, 52]. Наш материал показывает иную картину. Более 85% составляют единицы, построенные по модели атрибутивного словосочетания [таблица 2]:

КК	Синтаксическая модель	Кол-во ФЕ	%	Примеры
-----------	------------------------------	------------------	----------	----------------

ДВУХКОМПОНЕНТНЫЕ	АТРИБУТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ	211	85,8	<i>враль плечистый, говорящие камни, мелкие чиновники, октябрьский временщик, рыжебородые сардары, семиуродные уроды, царь лесной, цветущий папоротник и др.</i>
	СУБСТАНТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ	35	14,2	<i>богиня моря, бродяги-флорентийцы, гений могил, дети праха, диктатор-выродок, начальник евреев, однодумцы-генералы, чертежник пустыни и др.</i>
ВСЕГО:		246	100	

Продуктивность атрибутивных конструкций объясняется «силой» согласования», с помощью которого возможно объединение любых компонентов в зависимости от целей высказывания. «...Сочетание существительного с прилагательным позволяет выразить очень тонкие семантические оттенки, индивидуализировать языковое выражение определенной семантической единицы» [3, 58].

Под влиянием грамматически главного компонента – существительного формируются поэтические фразеологизмы в текстах Мандельштама. Этот компонент придает, сообщает всей фразеологической единице категориальное значение предметности и субкатегориальное значение лица. По классификации, разработанной А.М. Чепасовой, фразеологизмы со значением лица делятся в семантико-грамматическом отношении на две части – единицы, обозначающие одно лицо или их раздельное множество, и единицы, обозначающие собирательное единство [5, 24]. Являясь обязательным компонентом поэтических фразеологизмов Мандельштама, имя существительное в свободном употреблении может обозначать одно лицо или совокупность лиц, которая расценивается поэтом как раздельная или целостная. Менее продуктивны случаи, когда в качестве опорного, грамматически главного компонента выступают неодушевленные существительные, единичны фразеологизмы с компонентом-зоонимом [таблица 3]:

КК	Значение компонента существительного	Кол-во ФЕ	%	Примеры
ДВУХКОМПОНЕНТ	ОДНО ЛИЦО	134	54,5	<i>всемирный горожанин, кошмарный человек, лютеранский проповедник, сапожник неуклюжий, часовщик подземный и др.</i>

СОВОКУПНОСТЬ ЛИЦ: А) РАЗДЕЛЬНОЕ МНОЖЕСТВО ЛИЦ	68	27,6	<i>базарные фурии, блаженные жены, владыки казnelюбивые, грязные адвокаты, италийские чернорубашечники, правнуки далекие и др.</i>
Б) СОБИРАТЕЛЬНОЕ ЕДИНСТВО	24	9,8	<i>взволнованное племя, бесчисленная толпа, воровская шайка, злая чернь, кочующие толпы, пьяная орава, цыганская гурьба и др.</i>
НЕОДУШЕВЛЕННЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ	13	5,3	<i>вчерашнее солнце, говорящие камни, заводная кукла, каменные глыбы, невыразимая печаль, цветочная ваза, цветущий папоротник и др.</i>
ЖИВОТНЫЕ	7	2,8	<i>канцелярские птички, посольская лиса, медуза черноморская, птицы сумрачно-хохлатые, хитрая лисица, червь могильный и др.</i>
ВСЕГО:	246	100	

Опорный компонент предметных фразеологизмов со значением лица обладает способностью присоединять к себе согласуемые слова, чаще всего это прилагательные и причастия. В 85% компонент – существительное распространяется за счет определительного компонента, бывшего имени прилагательного, характеризующего главный компонент – предмет по разным признакам.

Определительный компонент фразеологизма со значением лица у Мандельштама имеет различные значения. В нем может заключаться характеристика по внешнему признаку, например: **плотник дюжий, бледная жница, духанщик румяный, мужики бородатые**; по внутреннему, психическому признаку, например: **хитрая лисица, жалкая раба, невыразимая печаль**.

Грамматические категории рода, числа, падежа фразеологических единиц со значением лица выражаются опорным компонентом – существительным. А.М. Чепасова подчеркивает, что к средствам выражения грамматических категорий относится «грамматически главный компонент изменяемого фразеологизма, характеризующийся... флективным средством выражения всех морфологических категорий, присущих фразеологизму, где этот компонент является грамматически главным» [6, 6]. Грамматические категории прилагательного дублируют категории опорного компонента – существительного, таким образом нагнетается повторяемость, возникает связь между грамматическими категориями, которая чрезвычайно важна для

Мандельштама. В дублировании одних и тех же грамматических категорий, а также значений на содержательном уровне заключается грамматическая роль атрибутивного компонента.

Поскольку один компонент всегда выступает в роли образной характеристики другого, то фразеологизация осуществляется всегда в таких словосочетаниях, в которых выражены определительные отношения. Атрибутивный компонент позволяет Мандельштаму выделять из множества признаков лица одно качество, одну черту, при вербализации которой возникает четко выраженный, экспрессивный образ человека, ср: **близорукий шах, горбоносые странники, монашка туманная, небесные прачки, низменные святоши, октябрьский временщик, оперные мужики, пулеметчик низколобый, семиуродные уроды, служанка низкорослая, юноши тепличные** и др.

В процессе образования фразеологических единиц со значением лица происходит адъективация причастий, приобретающих те или иные качественные значения, характеризующие один признак (**сын стареющий**; характеристика по возрасту, качественное значение – «немолодой»: Два сонных яблока у века-властелина /И глиняный прекрасный рот, /Но к млеющей руке **стареющего сына** /Он, умирая, припадет. (*Стихи 1921-1925*).

Другим процессом, который наблюдается при образовании двухкомпонентных атрибутивных фразеологизмов со значением лица, является процесс преобразования относительных прилагательных в качественные, например: **канцелярские птички** – признак по месту; качественное значение – «мелкие служащие, чиновники, проявляющие неоправданный, излишний формализм в делах»: На полицейской бумаге верже /Ночь наглоталась колючих ершей — /Звезды поют, **канцелярские птички**, /Пишут и пишут свои рапортчики. (*Воронежские тетради*). Все имена прилагательные в процессе фразеологизации меняют свою субкатегориальную семантику, приносят во фразеологические единицы элементы индивидуальных или потенциальных сем.

Вторая модель, по которой построено 35 двухкомпонентных фразеологических единиц со значением лица, – модель субстантивного словосочетания с синтаксической связью управлением. Значительную часть этих единиц (54,3%) составляют генитивные конструкции, например: **богиня моря, гений могил, дети праха, начальник евреев, океана дочь, пахарь войны, собиратель пространства, толпа теней, чертежник пустыни** и др.

Употребление субстантивных словосочетаний для обозначения лица обусловлено способностью формы родительного падежа служить средством распространения главного компонента. «Родительный падеж в предложении является наиболее обычным распространителем именных представителей в качестве определения к ним... В том случае, когда родительным падежом распространяется именованное представление, последнее становится благодаря этому более определенным» [3, 58].

Особую подгруппу в субстантивных словосочетаниях составляют объединения двух существительных, согласующихся в падеже, например:

бродяги-флорентийцы, зверушки-дети, имябожцы-мужики, кровосмесительница-дочь, люди-птицы, соперница-злодейка, убийца-бровевик, юноша-погодок и др.

Бывшее прилагательное, выполняя определительную функцию, выделяет характерный признак предмета, позволяющий Мандельштаму создавать емкие, яркие, выразительные образы: Ямы Форума заново вырыты, /И раскрыты ворота для Ирода, /И над Римом диктатора-выродка /Подбородок тяжелый висит. (*Воронежские тетради*); Одноэтажные дома, /Где **однодумы-генералы** /Свой коротают век усталый, /Читая «Ниву» и Дюма... /Особняки – а не дома! (*Камень*).

Употребление в поэзии О. Мандельштама субстантивных словосочетаний объясняется тем, что с помощью этой конструкции можно сжато выразить сложное образное понятие, а краткость конструкций является одной из отличительных черт поэтической формы художественной речи.

Таким образом, изучив материалы картотеки, мы можем сделать вывод, что в составе исследуемого фрагмента подавляющее большинство фразеологических единиц имеют двухкомпонентную структуру, наиболее продуктивной является модель словосочетания с подчинительной связью, что характерно для предметных фразеологизмов в целом. Основными синтаксическими моделями предметных фразеологических единиц со значением лица в поэзии О. Мандельштама являются атрибутивные и субстантивные словосочетания, в которых оба компонента соединены и грамматической и семантической связью.

Литература

1. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1986. – 635 с.
2. Ратушная Е.Р. Семантическая структура фразеологизмов в процессе ее формирования и функционирования. – Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2000. – 223 с.
3. Рыньков Л.Н. Именные метафорические словосочетания в языке художественной литературы XIX в. (Послепушкинский период). – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1975. – 182 с.
4. Структурно-грамматические свойства русских фразеологизмов: Коллективная монография. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2002. – 263 с.
5. Чепасова А.М. Предметные фразеологизмы русского языка. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2003. – 267 с.
6. Чепасова А.М. Семантические и грамматические свойства именных фразеологизмов: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Ленинград, 1985. – 28 с.

**Крылатые выражения в современной публицистике:
функция характеристики эпохи и личности
(на материале книги В.И. Новикова «Высоцкий»)**

Григораш А.М.

Киев

Крылатые выражения, с нашей точки зрения, являются неотъемлемой частью фразеологического фонда языка, поскольку обладают по крайней мере тремя обязательными признаками фразеологических единиц: устойчивостью, воспроизводимостью и яркой стилистической окрашенностью, которая, собственно, и выделяет их на фоне публицистического контекста. Более того, крылатые выражения могут подвергаться тем же индивидуально-авторским приемам интерпретации, что и собственно фразеологические единицы.

Основная функция крылатых выражений в современной публицистике – функция характеристики в самом широком смысле, то есть характеристики как героев книги, так и эпохи, в которую им выпало жить и творить. При этом характеристика сравнительно недавних общественно-политических событий у В.И. Новикова имеет яркую индивидуально-авторскую особенность: описание этих событий часто «поверяется классикой», то есть в конце авторских рассуждений используется известная широкому кругу читателей цитата, как правило, в видоизмененном виде: *«С Олимпиадой вообще получилась полная лажа. Американцы в ответ на наши военные действия в Афганистане от участия отказались, их примеру последовало множество капиталистических стран. Так что проводится нечто вроде Спартакиады народов СССР и «социалистического лагеря». В западных газетах – карикатуры, на которых дядя Сэм поддает под зад нашему олимпийскому Мишке. С одной стороны, так и надо этой стране с ее страной властью, с другой – как-то обидно, что все флаги в гости к нам не будут, что зря готовили угощение»* [5, с.367]. Ср. в поэме «Медный всадник» А.С. Пушкина: *«Природой здесь нам суждено В Европу прорубить окно, Ногою твердой стать при море. Сюда по новым им волнам Все флаги в гости будут к нам, И запируем на просторе»* [7, IV, с.377]. Подобный тип цитирования является опосредованным, чем объясняется отсутствие кавычек и “вольный пересказ” хрестоматийного текста, выражающегося в данном случае в нарушении стихотворного ритма вследствие перестановки слов-компонентов. С помощью элементарного индивидуально-авторского приема – использования при цитировании отрицательной частицы *не* - изначально положительная характеристика спортивно-политического события 1980- го года меняется на отрицательную.

Вариацией этого приема является перестановка слов-компонентов известного крылатого выражения “с точностью до наоборот”: изначально отрицательная характеристика, содержащаяся в оригинальном произведении, под пером В.И. Новикова становится положительной по отношению к главному герою книги: *“Мы слишком удобно в этой жизни устроились. Искать надо возможности нового, небывалого риска, а не способы*

выживания. Конечно, не каждому это по силам, но если уж эту силу в себе чувствуешь, бесполезно держаться за психологию ужса. Рожденный летать – ползать не может” [5, с.213]. Ср. у М. Горького в «Песне о Соколе»: *«Рожденный ползать – летать не может!»* [2, с.154]. Использование подобного индивидуально-авторского приема преобразования известной литературной цитаты начисто опровергает математическую аксиому «от перемены мест слагаемых сумма не меняется».

Аналогичным образом комментируются те или иные повороты судьбы выдающегося барда, причем подобный авторский комментарий гипотетически может принадлежать как непосредственно автору книги В.И. Новикову, так и «главному персонажу» – самому В.С. Высоцкому: *«Путь не в Сибирь пока, а в Челябинск. Там его подстерегает депрессия и – полный срыв. Домой приходится возвращаться уже вчистую уволенным из рядов служителей Мельпомены. А, была без радости любовь...»* [5, с.48]. Ср. у М.Ю. Лермонтова в стихотворении «Договор»: *«В толпе друг друга мы узнали, Сошлись и разойдемся вновь. Была без радости любовь, Разлука будет без печали»* [3, с.111]. Подобное усечение популярного крылатого выражения – достаточно частое явление в современной публицистике: достаточно внимательно просмотреть газетные заголовки. Следует также отметить, что, как правило, этот индивидуально-авторский прием преобразования устойчивых словосочетаний и выражений наблюдается среди разговорных и просторечных фразеологических единиц, что, очевидно, можно объяснить особой импульсивностью разговорной речи. В подтверждение этого З.А. Павлова в своей статье оперирует термином «пословичный эллипсис» [6, с.180], который возможен тогда, когда пословица общеизвестна, и в этом случае употребляется только ее часть – так называемый сигнальный фрагмент, дающий возможность понять смысл всего высказывания. Однако В.И. Новиков демонстрирует определенное новаторство в использовании вышеуказанного приема, поскольку оперирует литературными цитатами, обладающими ярко выраженной возвышенной, книжной стилистической окраской: *«Будь ты хоть трижды беспартийным, а в райком явись. И выслушивай инструкцию товарища Зубова о том, что можно и чего нельзя в Париже. Не исключены идеологические провокации. И с «бывшими нашими» советуют быть осторожнее, потому что они все завербованы западными спецслужбами. Все это было бы смешно...»* [5, с.214]. Ср. у М.Ю. Лермонтова в стихотворении «А.О. Смирновой»: *«Что ж делать?.. Речью неукусной Занять ваш ум мне не дано...Все это было бы смешно, Когда бы не было так грустно...»* [3, с.89].

Другой наиболее часто встречающийся прием индивидуально-авторской интерпретации общеизвестных литературных цитат – замещение компонентов устойчивого выражения другими лексемами, как правило, иного логико-предметного тематического плана [1, с.214]. Особенно ярко такая замена проявляется при «осовременивании» подобных цитат, используемых для характеристики известных деятелей эпохи застоя: *«Одной истории с «Мистером Мак-Кинли» достаточно, чтобы в гроб вогнать даже*

абсолютно здорового человека. Пригласили в фильм ни много ни мало – в качестве Автора. Ну, автор и постарался, сочинил свой "фильм в фильме". "Мистерия Хиппи" - это целая сжатая опера. Сукин сын Ермаш, номенклатурный шкода, именно эту оперу первым делом и порубил. И Леонов тоже, говорят, против Высоцкого в принципе"» [5, с.268-269]. Ср. у В.В. Маяковского в стихотворении «Юбилейное»: «Сукин сын Дантес! Великосветский шкода. Мы б его спросили: - А ваши кто родители? Чем вы занимались до 17-го года? – Только этого Дантеса бы и видели» [4, с. 45]. Л.Т. Ермаш был в описываемый временной период председателем Госкино СССР, и поэтому его личностная и профессиональная характеристика под пером В.И. Новикова естественно становится жестко-отрицательной. Показательна замена определения *великосветский* на *номенклатурный*. В «Словаре русского языка» в 4-х томах находим свободное словосочетание с интересующим нас компонентом: «*Номенклатурный работник – работник, персонально назначаемый или утверждаемый высшей инстанцией*» [8, II, с.508]. Исходя из словарной статьи, определение *номенклатурный* обладает нейтральной стилистической окраской. Однако в настоящее время оно приобрело ярко выраженные отрицательные коннотации и в «положительном» смысле практически не употребляется.

Таким образом, крылатые выражения в современной публицистике выполняют важную для текстов такого рода функцию характеристики как отдельных героев повествования, так и определенного общественно-политического временного отрезка в целом. Как правило, преобладает «вольный пересказ» общеизвестных литературных цитат, вследствие чего обращает на себя внимание отсутствие кавычек, обязательных при прямом цитировании. Исследование индивидуально-авторских приемов преобразования крылатых выражений на синтаксическом (усечение) и лексическом (замена компонентов) уровнях способствуют раскрытию творческой манеры того или иного автора публицистических произведений.

Литература

1. Абрамович И.М. Об индивидуально-авторских преобразованиях фразеологизмов и отношении к ним фразеологического словаря. – В кн.: Проблемы фразеологии: Исследования и материалы / Под ред. А.М. Бабкина. – М.-Л.: Наука, 1964. - С. 231-218.
2. Горький М. Собрание сочинений в 16-ти томах. – М.: Правда, 1979. – Т. I. – 430 с.
3. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4-х томах. – М.: Художественная литература, 1964. - Т. I. – 696 с.
4. Маяковский В.В. Собрание сочинений в 12-ти томах. – М.: Правда, 1978. – Т. III. – 412 с.
5. Новиков В.И. Высоцкий. – М.: Молодая гвардия, 2002. – 413 с.
6. Павлова З.А. Эллипсис и обособление компонентов фразеологических единиц в газетных заголовках: На материале "Morning Star". – В кн.: Фразеология. – Челябинск: 1973. – Ч. I. – С. 179-185.

7. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 8-ми томах. – М.: Художественная литература, 1968. – Т. IV. – 400 с.
8. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981-1984. – Т. 2. – 736 с.

Отражение национальной культуры во фразеологизмах с квантитативным компонентом

Гринева А.Г.
Санкт-Петербург

С незапамятных времен человек стремится сосчитать окружающие его предметы, соотнести их количественно с определенным эталоном. В языке «количество» является универсальным семантическим признаком и имеет разнообразные формы выражения: грамматические, лексические, лексико-грамматические. Особое место в системе языка и речи занимают фразеологические средства, используемые для характеристики количества, при этом, как правило, фразеологизмы используются для обозначения неопределенного количества (*хоть косой коси, как звезд на небе*). Немногочисленные идиоматические выражения характеризуют количество как единичное, например, *один как перст*, или двойственное – *с глазу на глаз*. Это объясняется тем, что оценка количества каких-либо объектов основывается на прагматическом, неточном его сравнении с определенным эталоном.

В идиоматике находят отражение национальная, духовная и материальная культура разных народов, их общественный опыт. Для понимания национальной специфики фразеологии важным является не только изучение семантической структуры фразеологизмов, но и восстановление экстралингвистической ситуации, которая обусловила возникновение фразеологического образа, выявление его исходной модели, раскрытие внутренней формы фразеологической единицы (далее ФЕ).

Сравнительное исследование образно-смысловой структуры квантитативных ФЕ генетически родственных языков (русского и польского) позволяет продемонстрировать национальную специфику плана содержания данных ФЕ, показать своеобразие их внутренней формы, оригинальные пути образных ассоциаций и, что не менее важно, выявить набор тождественных черт.

Тесные исторические связи близкородственных славянских народов, общие лингвистические и психологические предпосылки обусловили сходство семантики и путей мотивации большого числа квантитативных ФЕ двух языков. Особый интерес на наш взгляд представляют обороты схожей семантики, несовпадающие в мотивировках.

Квантитативные ФЕ составляют довольно большой пласт фразеологического запаса как русского, так и польского языков (нами выявлено соответственно 323 и 365 ФЕ). На основе семантико-логического критерия ФЕ объединялись во фразеосемантическое поле (ФСП) *Количество*. Конституенты поля соотносились со словом-идентификатором

сколько, выражающим идею количества в наиболее общей форме, а затем распределялись по фразеосемантическим микрополям: **неопределенно-большое, неопределенно-малое, нулевое, тотальное количество**. Наиболее широким и расчлененным является фразеосемантическое микрополе **неопределенно-большое количество**. Существование поля предопределяет наличие его ядерной и периферийных зон.

Ядерной зоне принадлежат ФЕ, содержащие в своей структуре наиболее чистое значение большого количества – сему избыток. Элементы ядерной зоны характеризуются широкой сочетаемостью, слабой образностью или ее отсутствием: 1) безобразные ФЕ (*без счета, в большом числе - bez liku, wielkie mnostwo*); 2) ФЕ с бранными словами, полностью утратившие мотивировку, имеющие наибольшую абстрактность семантики (*до дури, до хрена- do chrzana...*); 3) книжные обороты библейского происхождения (*имя им легион- imie im legion*); 4) обороты с затемненной внутренней формой, устаревшие (*сорок сороков- na trzy zbytu, na kory*).

Наличие дополнительных сем указывает на большую удаленность от ядерной зоны поля. По мере удаления от центра ФСП сема конкретизируется, приобретая дополнительные дифференциальные оттенки значения. Периферийные слои микрополя содержат обороты, внутренняя форма которых характеризуется рядом образов и ассоциаций, лежащих в основе семантических переносов, как правило, метафорических переосмыслений. Сходные по значению, функционально и образно близкие ФЕ родственных языков могут различаться по экспрессивности, оценочности. Яркая образность влечет за собой усиление эмоциональности и оценочности. При этом большое количество не всегда оценивается положительно, например ФЕ Ноев ковчег, Arka Noego, в которой негативная оценочность связана с чувством раздражения, неудовлетворенности говорящего нежелательным большим количеством (- Ну, вот и нанимают эти номера, а в них по одной комнатке, живут и по двое, и по трое. Порядку не спрашивайте – Ноев Ковчег! *Достоевский. Бедные люди*). Ассоциация с нежелательностью количества свойственна только русским ФЕ девать некуда, хоть отбавляй. Большой экспрессивностью отмечены сугубо польские ФЕ, образ которых основан на ассоциации с необъятностью вселенной: tego az swiat, za trzy swiaty. Обороты могут употребляться как с оттенком удовлетворения от большого количества чего-либо, так и сопровождаться чувством досады, сожаления о большом количестве проблем. Единая образная основа разговорно-обиходных и оценочно-нейтральных ФЕ может сопровождаться несовпадением семантики. Например, при обозначении большого количества чего-либо сыпучего, зернистого или ягод, которое в русском языке помещается в некотором объеме, используется оборот с горкой. Польская ФЕ z gora употребляется в контекстах о времени.

Квантитативная метафора осуществляется на основе ассоциаций по сходству. Но независимо от сходства в прямом значении ФЕ может

вычлняться компонент, который является основанием метафоры: например, символ большого – море (*море разливанное*), вселенная, мир - *swiat*

Специфические языковые образы заключены в оборотах, ассоциирующихся с особенностями быта, жизни и культуры народов: образ абсолютной целостности - *непочатый край (угол)*; масса дешевого, бросового материала (земли, камня), оцениваемая как ненужное, - *хоть пруд пруди*.

Польские ФЕ, внутренняя форма которых связана с религиозными представлениями, например *jest czego do aleluja*, используются с оттенком одобрения. Яркой образностью обладают польские выражения, внутренняя форма которых указывает на связь с особенностями национального обычая или характера - *duzo jak czerwonych Zydow*.

Итак, при сопоставлении фразеологических микрополей *неопределенно-большое множество* в русском и польском языках выявлены следующие моменты: сходная в целом семантическая структура с различной наполняемостью конститuentами, что объясняется несовпадением числа единиц в соотносимых синонимических рядах образных групп обоих языков.

Закономерности обновления фондов крылатых единиц русского и немецкого языков в XX – начале XXI вв.

Долгополов О.В.

Магнитогорск

Вторая половина XX в. характеризуется глубокими радикальными и необратимыми преобразованиями в мире. Они пронизывают все сферы жизни. Возрастает интенсивность общения между людьми, народами, странами и континентами, цивилизациями и культурами. Коммуникативные процессы происходят в глобальном, планетарном масштабе, связывая человечество в единое целое.

Глобальные информационные процессы определяют смену образа жизни, способа мышления, характера чувств, стиля поведения, изменяют жизненный уклад, формируют новые традиции, новые художественные ценности и соответственно вызывают к жизни новые крылатые единицы (КЕ).

Процесс образования КЕ в русском и немецком языках в XX – начале XXI вв. обусловлен рядом экстралингвистических факторов, к которым относятся в первую очередь утверждение новых культурных ценностей и ориентиров, предотвращение военной угрозы и экологические проблемы в условиях техногенной цивилизации.

Крылатые единицы, сформировавшиеся в XX – начале XXI вв., отразили важнейшую особенность, характеризующую культуру конца XX – начала XXI вв., – гуманизацию. Осознанию приоритета общечеловеческих ценностей, человека как явления Вселенной и одновременно явления уникального, способствовали люди разных культур, национальностей, политических и идеологических ориентаций, разных религий и художественных пристрастий. В фондах КЕ ряда языков мира они оставили свой след. Некоторые обороты, принадлежащие выдающимся деятелям

XX в., пополнили интернациональный фонд крылатики: *audessus de la mêlée – über dem Getümmel – Above the Battle – над схваткой*, Р. Роллан [1: 294; 2: 597; 3: 129]; *For Whom the Bell Tolls – Wem die Stunde schlägt – По ком звонит колокол*, Э. Хемингуэй [1: 382; 2: 645; 4: 589]; *To Have and Have Not – Haben und Nichthaben – Иметь и не иметь*, Э. Хемингуэй [2: 208; 4: 234; 5: 181]; *A Farewell to Arm! – Прощай, оружие!*, Э. Хемингуэй [4: 288; 5: 384]; *A Moveable Feast – Праздник, который всегда с тобой*, Э. Хемингуэй [1: 397]; *Antikommunismus ist die Grundtorheit unserer Epoche*, Т. Манн [2: 640; 4: 47], [= *Антикоммунизм есть величайшая глупость нашей эпохи]; *die Forderung des Tages*, Т. Манн [2: 615; 4: 177]; *innere Emigration*, Т. Манн [2: 644]; *Non-violence – Нет насилию!*, М. Ганди [2: 445]; *Ehrfurcht vor dem Leben*, А. Швейцер [2: 614; 4: 153]; *Непротивление злу насилием – Tolstojanismus*, Л. Толстой [1: 318; 2: 581]; *He могу молчать – Ich kann nicht schweigen – Cannot Keep Silent*, Л. Толстой [1: 313; 6: 160; 3: 135]; *Роскошь человеческого общения*, А. де Сент-Экзюпери [1: 430]; *On ne voit bien qu'avec le coeur – Man sieht nur mit dem Herzen gut*, А. де Сент-Экзюпери [4: 356]; *L'essentiel est invisible pour les yeux – Das Wesentliche ist für die Augen unsichtbar – Самого главного глазами не увидишь*, А. де Сент-Экзюпери [4: 356; 5: 409]; *Звездный час – Starlit Hour – Sternstunden [der Menschheit]*, С. Цвейг [1: 180; 2: 615; 4: 501; 3: 84]; *Verwirrung der Gefühle – Смятение чувств*, С. Цвейг [2: 615; 4: 553]; *Lost Generation – потерянное поколение – verlorene Generation*, Г. Стайн [1: 391; 2: 631; 4: 348) и др.

Культура развивается в «информационном обществе». Сегодня уже выдвигается проект «глобальной электронной цивилизации» на базе синтеза телевидения, компьютерной службы и энергетики. Расширяются мировые компьютерные сети. Возрастает значение искусства в распространении и ратификации широкого комплекса новых ценностных установок и идей.

Роль искусства как посредника в освоении КЕ – проблема, требующая для своего разрешения усилий многих ученых. Уверенные шаги в этом направлении были сделаны С.Г. Шулежковой и Л.П. Дядечко, авторами первых монографий по теории КЕ. Мы видим, что отнюдь не только «высококачественный» языковой материал получает статус крылатики, но и низкопробные, случайные единицы, зачастую, обретают его. С.Г. Шулежкова справедливо замечает, что «на процессе образования и употребления крылатых выражений последних десятилетий отразилась характерная для XX – начала XXI вв. стандартизация, то есть ослабление возрастных, территориальных и профессиональных различий в речи носителей языка, благодаря средствам массовой коммуникации. Возникает вопрос об опасности «подавления» «золотого фонда» крылатых выражений потоком новообразований, особенно в речи молодежи. Перед лингвистами стоит задача не только зафиксировать новые крылатые выражения и описать их свойства, но и определить отношение к ним, выработать соответствующую языковую политику, согласованную с политикой в области культуры...» [7: 267].

Очень важную роль в процессах формирования фондов КЕ в XX – начале XXI вв., в связи со всем вышесказанным, играет *вторичная фразеологизация* (актуализирование КЕ) в современном русском и немецком языках, то есть процесс «реанимирования» библейских и классических КЕ в новом качестве.

В фондах КЕ сопоставляемых языков обращают на себя внимание «актуализированные крылатые единицы» (термин Т.Г. Варченко) [8: 44]. Под «актуализацией» понимают «такое использование элементов языка, которое воспринимается как необычное и потому привлекает к себе внимание» [9: 37]. Актуализация КЕ достигается путем «обновления» через использование их в различных видах и жанрах искусства, в средствах массовой коммуникации. Под актуализированными КЕ мы понимаем КЕ, имеющие классические источники происхождения (Библия, античная культура, классическая художественная литература и т. д.), но испытавшие влияние со стороны новых источников. В процессе актуализации реанимируются фоновые знания о первоисточнике, кроме того они зачастую могут обогащаться за счет актуализирующего произведения («генетический довесок»), что иногда ведет к забвению первоисточника. Эти процессы могут сопровождаться изменением семантики и стилистического статуса единицы.

Наиболее четко процессы актуализации можно проследить на примере библейских КЕ. Живучесть библеизмов в национальных языках Европы (в частности, в немецком) и России не в последнюю очередь обеспечивается литературой и искусством. Писатели и поэты, художники и скульпторы, композиторы и архитекторы более двух тысячелетий черпают вдохновение в Священном Писании. Слово его не утратило способности к духовному руководству и в настоящее время.

Крылатые единицы *возвращение блудного сына* (название ряда художественных полотен на сюжет евангельской притчи о блудном сыне. Особенно известна картина Рембрандта, 1668-1669 гг., [10: 51]); *тайная вечеря* (этот сюжет не раз использовался писателями и художниками христианского мира при создании живописных полотен, гравюр и фресок). Знаменито полотно «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи, 1495-1497 гг., [10: 314]); *явление Христа народу* (название произведения русского художника А.А. Иванова, созданного в 1837-1855 гг. по известному библейскому сюжету, [10: 379-380]) и другие во многом обязаны своей популярностью великим живописцам. Определенную лепту в закрепление библейских КЕ внесла русская революционная рабочая песня. Слова Иисуса Христа, обращенные к 12-ти апостолам и призывающие их не обращать внимания на тех, кто не внимает его учению, превратились в крылатое выражение (КВ) *отряхнем его прах с наших ног* не без участия боевого пролетарского гимна «Марсельеза» Р. де Лилля, 1875 г. [10: 239]. КВ *Нам не надо златого кумира* из того же гимна связано с оборотом *золотой телец* из библейской легенды о тельце, которому евреи, странствуя в пустыне, поклонялись как Богу [1: 188; 10: 194]. Свою роль в освоении библеизмов сыграл и кинематограф (ср. *Адамово ребро* А. Мариновича, *Ноев ковчег*

М. Кертиса, *Крестное знамение* С.Б. де Лилля, *Небеса обетованные* Э. А. Рязанова), художественная литература, оперное, романсное и эстрадное искусство [7: 267].

Аналогичные процессы наблюдаются и в современном немецком языке. Ср.: *Wo warst du Adam?* (название романа Г. Бёлля 1951 г., в котором описывается последний год второй мировой войны). Вопрос, заданный Адаму, восходит к тексту Ветхого Завета (Быт. 3: 9), где Господь зовет Адама, спрятавшегося в райских кущах после того, как он вкусил запретный плод с дерева познания добра и зла [4: 626]. Название знаменитой книги Шодерло де Лакло 1794-1803 гг. *Gefährliche Liebschaften* стало крылатым благодаря трем кинематографическим постановкам: 1959 – «*Les Liaisons dangereuses*», режиссер R. Vadim; 1989 – «*Dangerous Liasons*», режиссер St. Frear и «*Valmont*», режиссер M. Forman [4: 194]. Оборот *der Herr der Fliegen* стал популярным благодаря роману В.Дж. Голдинга «*Lord of the Flies*» (1954), экранизированному П. Бруком в 1961-1963 гг. Упоминаемое в Ветхом Завете имя дьявола *Вельзевул* (Beelzebul, Beezebub, Beelzebub) в переводе с древнееврейского означает 'властелин мух'. Переводчик и комментатор Библии Евсевий Иероним (IV – нач. V вв.) связывал имя *Вельзевул* с именем бога филистимлян Баал-Зебуба (ba'al-z'büb букв. 'повелитель мух'). Толкование Иеронима и нашло отражение в названии романа Голдинга [11: 229]. «*Der Herr der Fliegen*» – «мушиный король» упоминается Гете в «*Фаусте*». Мефистофель характеризует себя словами: «*Herr der Ratten und der Mäuse, / Der Fliegen, Frösche, Walzen, Läuse*». Несмотря на библейские корни, эту единицу можно признать новой, так как ее связь с библейским текстом утеряна [4: 244]. Под названием *Alle Menschen werden Brüder* в 1967 г. вышел в свет роман Дж. М. Зиммеля, приобретший широкую известность. Раньше это выражение было известно из стихотворения Ф. Шиллера «*An die Freude*» и гимна, завершающего 9-ю симфонию Л. ван Бетховена. «Отрыв» этого выражения от классических реминисценций очевиден, если напомнить современный феминистский лозунг «*Alle Menschen werden Schwestern*». Именно так Луиза Ф. Пуш озаглавила свой сборник сочинений 1990 г. [4: 28]. Этот перечень можно продолжить: *Wenn süß das Mondlicht auf den Hügeln schläft* (фраза из художественного фильма «*Morgens um 7 ist die Welt noch in Ordnung*» (1969) по роману Э. Л. Мальпасса «*At height of noon*», 1967 г. [4: 597]; *fröhliche Wissenschaft* (немецкое название французского фильма режиссера Дж. Л. Годара «*Le gai savoir*», 1968 г.). Само выражение цитировалось неоднократно ранее, оно заимствовано из сочинений философа Й. Г. Гердера и относилось к любовной лирике трубадуров. Крылатым стало и трансформированное название одного из произведений Ф. Ницше *La Gaya scienza* [4: 185], а также *Wenn der Vater mit dem Sohne* – название немецкого фильма 1955 г., которое представляет собой первую строчку стихотворения (Nonsensgedicht) 1840 г.: «*Wenn der Vater mit dem Sohne / Auf dem Zündloch der Kanone / Ohne Sekundanten paukt...*» [4: 591]. В разряд крылатых попала начальная строка стихотворения Г. Гейне из «*Книги песен*» *auf Flügeln des*

Gesanges: «Auf Flügeln des Gesanges, / Herzliebchen, trag' ich dich fort, / Doch weiß ich schönsten Ort». Стихотворение было использовано Ф. Мендельсоном (1809-1847) в одном из музыкальных произведений. Певица Э. Бергер (1900-1990) озаглавила этой цитатой автобиографию [4: 57]. Крылатым стало название художественного фильма П. Шамони (1967) *Alle Jahre wieder*, которое является первой строкой рождественской песни: «Alle Jahre wieder / Kommt das Christuskind...». Песня вошла в сборник В. Гейя «Fünzig Fabeln für Kinder» (Hamburg, 1837) [4: 27].

Данные единицы перешли в новое качество: изменилось их узуальное значение по сравнению с исходными КВ. Актуализация КЕ достигается следующими средствами:

1. *Заменяется один или два ключевых компонента КВ* такими лексемами, которые, на первый взгляд, кажутся абсурдными. Компоненты-заменители нередко имеют звуковое сходство с заменяемыми компонентами. В отдельных случаях звуковым подобием исходному КВ сходство и исчерпывается, так как никакой смысловой связи между компонентом-заменителем и компонентом в источнике нет, а присутствует только «элемент языковой игры» (В. и О. Берковы) [1: 9]. Так, например, КВ *край непуганых идиотов* употребляется для описания абсурдных ситуаций, часто в отношении России. Данное КВ образовано на основе выражения *край непуганых птиц* (М.М. Пришвин) И. Ильфом и Е. Петровым («Записные книжки»), опубликовано в 1966 г. [1: 235]. Данное КВ также актуализуется в реплике киногероя Ненашева (актер А. Абдулов) в фильме режиссера В. Сергеева по сценарию И. Агеева «Гений» (1991). В данном случае имеет место простая субституция.

В немецком языке: *aller Tage Morgen* (название книги швабского писателя Й. Эберле (псевдоним: Себастьян Блау), где «Morgen» заменяет привычное «Abend» (*Es ist nicht aller Tage Abend*). Последнее известно из античной классики, встречается в произведении Тита Ливия (59 г. до н. э. – 17 г. н. э.): «Ab urbe condita». Полная цитата: «nondum omnium dievum solem occidisse («noch sei nicht die Sonne aller Tage untergegangen»)» – слова македонского царя Филиппа V [4: 31].

2. *В структуру КВ внедряется дополнительный компонент*. Ср. в русском языке: *Рыцарь сатиры без страха и упрёка, рыцарь светлого образа – так, пожалуй, можно его назвать* (о Маяковском) [1: 433-434]. В структуру первого КВ внедряется существительное (в функции несогласованного определения) *сатиры*; во втором КВ прилагательное *светлого* заменяет привычное *печального* (< *Рыцарь печального образа* – так назвал своего господина Дон-Кихота верный оруженосец Санчо Панса, увидев рыцаря избитого до синяков; Сервантес «Дон-Кихот», 1605-1615). Сознательные лексические и, следовательно, смысловые изменения КВ имеют целью использование знакомой читателю языковой формы для передачи нового содержания (см. пп. 1 и 2). Благодаря «эффекту обманутого ожидания» такие переименованные цитаты привлекают внимание читателя,

производят на него особое впечатление (В. П. и О. В. Берковы) [1: 9]. Аналогичные процессы протекают и в немецком языке, например КВ *die neuen Leiden des jungen W.*, возникшее под влиянием рассказа У. Пленцдорфа (1972), заголовок которого восходит к названию романа И. В. Гете «Die Leiden des jungen Werther» (1774). В прежнюю структуру внедряется прилагательное «neuen». В 1975-1976 гг. «Werther» И. В. Гете был экранизирован на студии DEFA, что поддержало процесс крылатизации оборота.

3. *Изменяется синтаксическая структура КВ.* В русском языке: «Она (Барбара Пим) не оглядывалась во гневе», не требовала всеобщего внимания, а просто и спокойно рассказывала о незаметных драмах незаметных людей» [1: 338]. Здесь форма 2-го лица ед. числа повелительного наклонения глагола (*оглянись во гневе*) заменена формой 3-го лица ед. числа прошедшего времени изъявительного наклонения глагола. В КВ *Уже слух обо мне прошел по всей Руси великой?* [1: 459] форма будущего времени глагола *пройдет* заменена формой прошедшего времени, а утверждение вытесняется вопросом. В немецком языке трансформированное КВ *Amerika, du hast es besser?* использовалось в 1966 г. в фильме-репортаже итальянского радио- и тележурналиста Чило Коха. «*Amerika, du hast es besser*» – начальная строка стихотворения И. В. Гете «Den Vereinigten Staaten» из «Xenien». Повествование заменено вопросом. Подобные изменения осуществляются обычно для того, чтобы «приспособить» КВ к коммуникативной ситуации, внедрить его в новый контекст.

4. *КВ может калькироваться.* Так, например, оборот *черный юмор* («о зловещем, мрачном, сомнительном юморе») – калька с английского выражения *black humour*, означавшего в медицине «черную желчь», или меланхолию, согласно учению Гиппократова о «пяти соках» в организме человека [5: 276]. В современном значении выражение стало применяться с конца 1950-х гг. по отношению к творчеству некоторых американских романистов-сатириков. КВ *школа злословия* («сборище сплетников») представляет собой заглавие русского перевода комедии Р. Шеридана «The School for Scandal» [1: 553]. С 2001 г. оно используется на телевидении в качестве названия ток-шоу Т. Толстой и Д. Смирновой.

Из вышепредложенного описания КЕ следует, что, выступая в новой номинативной роли, актуализированная КЕ сохраняет генетическую связь с первоисточником и воспринимается образованным пользователем в сопоставлении с ним, особенно при условии действительной известности исходной классической крылатой единицы. В этом случае опосредованный характер смысла такой КЕ расширяет ее коннотативный ореол. Пользователь, не обладающий определенной эрудицией, не связывает новую КЕ с классической, воспринимает и «принимает» этот устойчивый словесный комплекс как новое КВ.

5. *Явление моделируемости (серийности) КЕ.* Путь от простой цитаты к фразеологической серийности полон противоречий. Он всегда сопровождается движением семантики КВ в сторону обобщения с

минимумом сем – «фunktаторов» (термин В. Бондцио 1976), которые определяют количество партнеров. Чем они абстрактней, тем вероятнее семантический «взрыв», при котором одновалентная сочетаемость компонентов внутри КВ сменяется многовалентной. Семантический «взрыв», как правило, происходит на месте компонента, наиболее важного с коммуникативной точки зрения, несущего конкретную информацию. Модель КВ при этом становится открытой для большого числа лексем, ограниченных, например, только одним признаком – значением лица и формой множественного числа, как в серии *A ну-ка, девушки (бабушки, дедушки, мальчики, инженеры, парни и т. д.)!* или просто значением предметности, формой единственного числа и дательного падежа, как в серии *Ein guter Mensch von Sesuan (Moskau, London, New York и т. д.)* Иногда новая лексема «приживается» и возникает КВ, которое в семантическом плане отличается от исходной единицы. Ср. в русском языке: «Пит» или не «Пит» – вот в чем вопрос (пивовар Иван Таранов) – реклама пива «Пит» по центральному телевидению (< *Быть или не быть – вот в чем вопрос* – начало монолога Гамлета в одноименной трагедии Шекспира (д. 3, явл. 1 – 1601); часто приводится по-английски: *To be or not to be: that is the question*). «Бить или не бить?»; «Пить или не пить?»; «Съесть или не съесть?» [1: 62-63]. В этом случае речь идет о моделировании с полной меной компонентного состава КВ при сохранении модели.

Литература

1. Берков. В.П. и др. Большой словарь крылатых слов русского языка / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – М.: Русские словари, Астрель, АСТ, 2000. – 624 с.
2. Geflügelte Worte. Zitate, Sentenzen und Begriffe in ihrem geschichtlichen Zusammenhang / K. Böttcher, K. H. Berger, K. Krolop, Chr. Zimmermann // Konzeption, Gesamtbearbeitung und Gestaltung: K. Böttcher. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1981. – 780 С.
3. Уолш И.А., Берков В.П. Русско-английский словарь крылатых слов. – М.: Русский язык, 1984. – 280 с.
4. Duden. Zitate und Aussprüche: Herausgegeben von der Dudenredaktion. – Bd. 12. – 2., neu bearbeitete und aktualisierte Auflage/ – Mannheim: Bibliographisches Institut und F. A. Brockhaus AG, 2002. – 960 S.
5. Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Современные крылатые слова и выражения. – М.: Рольф, 2000. – 544 с.
6. Афонькин Ю.Н. Русско-немецкий словарь крылатых слов / Под. Ред. В. Шаде. – М. – Лейпциг: Русский язык – VEB Verlag Enzyklopädie, 1985. – 287 с.
7. Шулежкова С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Азбуковник, 2002. – 288 с.
8. Варченко Т.Г. Новые крылатые цитаты в составе современной немецкой фразеологии: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 173 с.
9. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.

10. Шулежкова С.Г. Словарь крылатых выражений из области искусства. – М.: Азбуковник; Русские словари, 2003. – 430 с.
11. Мифы народов мира. Энциклопедия: В. 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Российская энциклопедия, 1997. – Т. 1 – А-К. – 671 с.

Фразеологическая агнонимия: зона "коммуникативного риска"

Жукова А.Г., Мандрикова Г.М.
Новосибирск

Вынося в заглавие настоящей работы выражение зона "коммуникативного риска" (В.Д. Черняк), мы хотели заострить внимание на такой важной для исследования фразеологии проблеме, как фразеологическая агнонимия (ФА). Известно, что фразеологические единицы (ФЕ) являются сложными для носителей языка в силу их уникальности, асистемности, образного характера и особой структуры. Именно поэтому фразеология - эта та область, где концентрируются агнонимичные (т.е. малопонятные или вовсе непонятные - В.В. Морковкин [1]) для "среднего" носителя языка единицы. Исследования языковых единиц с точки зрения сознания носителя языка позволяют выделить в тезаурусе конкретной языковой личности или тех или иных групп носителей языка наиболее рискованные зоны, связанные с качественными и количественными изменениями словаря [2]. Занимаясь проблемами ФА в течение ряда лет, мы можем утверждать, что фразеологический фонд русского языка, зафиксированный в соответствующих лексикографических источниках, далеко не всегда имеет адекватное отражение в языковом сознании наших современников как профессиональных "использователей" языка, так и обычных людей [3, 4, 5].

Свежий пример: журналист местного телеканала, рассказывая о возвращении губернатора Новосибирской области из Москвы, сказал буквально следующее: "Этим утром из Москвы прибыла персона нон грата, наш губернатор В. Толоконский". Комментарии, как говорится, излишни. Когда журналиста спросили, что, по его мнению, означает данное выражение и не опасается ли он судебного иска, автор данного высказывания ответил (как мы и предполагали!): "Очень важная персона. А в чем дело?". Этот случай (один из многих в нашей картотеке) как нельзя лучше иллюстрирует заявленную выше проблему. Говоря о функционировании фразеологических единиц в современной коммуникации, мы не можем обойти вниманием проблему ФА, так как фразеология в современных текстах, несомненно, и есть одна из зон "коммуникативного риска". Приведенный пример показателен не только с точки зрения оценки профессионализма журналиста. Полная уверенность последнего в правильности своего понимания указанного выражения, на наш взгляд, может свидетельствовать об особенностях бытования ФЕ в языковом сознании определенных групп говорящих. Таким образом, изучение фразеологизмов с точки зрения наличия/отсутствия в сознании носителей языка каких-либо представлений об их содержании, характера таких

представлений, их зависимости от объема знаний о мире, языковой и культурологической компетенции как отдельной языковой личности, так и больших и малых групп, представляется сегодня весьма актуальным.

Очертив целый круг проблем, значимых для этого аспекта изучения фразеологии [6], мы определили одни из главных вопросов: каково "содержание" ФЕ в языковом сознании современного носителя языка и как оно соотносится с тем значением, которое зафиксировано во фразеологических словарях. Результаты экспериментальных исследований позволяют говорить о том, что в языковом сознании конкретной языковой личности или группы носителей языка конвенциональное (кодифицированное) значение той или иной ФЕ может быть представлено весьма слабо. Более того, зачастую мы имеем дело с существованием в языковом сознании особых, если так можно выразиться, «параллельных» значений ФЕ.

Приведем несколько примеров таких «параллельных» значений, выявленных на основании анализа результатов анкетирования абитуриентов, поступающих в технический университет. Информантам было предложено: а) определить степень знакомства с ФЕ (встречал/не встречал, понимаю/не понимаю, использую/не использую); б) определить значение ФЕ; в) привести пример употребления ФЕ в контексте. Для выявления "параллельных" значений использованы те ответы, авторы которых определили данные ФЕ как знакомые, понятные (хотя и не всегда употребляемые ими в своей речи).

ЛЕЗТЬ В БУТЫЛКУ

Конвенциональное значение	Показания языкового сознания
<ul style="list-style-type: none"> - сердиться, возмущаться, когда для этого нет никаких оснований; - горячиться, выходить из себя; - возмущаться по пустякам; - раздражаться, сердиться, упорствуя, настаивая на своем. 	<ul style="list-style-type: none"> - сознательно подвергать себя опасности, напрашиваться на неприятности, лезть на рожон, искать приключений; - пьянствовать, напиваться, быть алкоголиком; - пытаться сделать что-либо невозможное, проявлять невероятные способности, стараться изо всех сил; - загонять себя в тупик, в ловушку, находиться в трудном положении, не знать, что делать в трудной ситуации; - совершать ненужное, бесполезное, безрезультатное действие; - уходить от внешнего мира, прятаться от действительности; - совать нос не в свое дело, постоянно во что-то вступать, вмешиваться.

ТАНЦЕВАТЬ ОТ ПЕЧКИ

Конвенциональное значение	Показания языкового сознания
- приступая к какому-либо делу, начинать всегда с одного и того же, возвращаясь к исходному пункту; - начинать с привычного, простого, повторять все действия с самого начала.	- действовать, говорить, не подумав, не разобравшись; - делать, говорить что-либо неправильно, как попало / делать, говорить в соответствии с правилами, так, как нужно; - начинать с главного / начинать не с главного, не с того, с чего нужно.

ИСКАТЬ ИГОЛКУ В СТОГЕ СЕНА

Конвенциональное значение	Показания языкового сознания
- нельзя, невозможно найти, обнаружить, разыскать.	- пытаться найти что-то мелкое в большом пространстве; - бесполезно тратить время; заниматься напрасным делом; - находиться в безвыходном положении, безнадежной ситуации; - пытаться сделать что-то крайне сложное, практически невозможное.

СТАВИТЬ ВОПРОС РЕБРОМ

Конвенциональное значение	Показания языкового сознания
Заявлять о чем-либо категорически, со всей решительностью; спрашивать напрямик.	- задать неожиданный вопрос, на который трудно ответить; - ставить перед выбором, предлагать альтернативу, заставить совершить выбор одного из двух; - ставить вопрос по-другому, переформулировать вопрос; - поставить вопросом в неудобное, неловкое положение;

Отметим, что все полученные интерпретации являются типичными, т.е. встречаются в значительном количестве ответов. Наличие столь разных представлений о значении ФЕ связано, на наш взгляд, с двумя моментами:

- 1) в сознании говорящего происходит актуализация и развитие тех или иных сем (как ядерных, так и периферийных), представленных в конвенциональном значении, - другими словами, имеют место определенные семантические сдвиги в значении ФЕ;
- 2) говорящий, семантизируя ФЕ, может опираться на внешние, не имеющие отношения к семантике конкретной ФЕ факторы: аналогию, образ-картинку, буквальное прочтение, обращение к тем или иным ценностям, смыслам, существующим в его картине мира.

Таким образом, существующие в сознании определенных групп носителей языка "параллельные" значения в одних случаях сохраняют связь с

кодифицированным значением, в других - абсолютно ее утрачивают. И в том и в другом случае имеет место явление ФА, полной или частичной. Но о какой бы степени агнонимичности ФЕ ни шла речь, это всегда, как мы уже отмечали, зона "коммуникативного риска", поскольку неверные представления о значении единицы, существующие у коммуникантов, могут провоцировать различного рода коммуникативные неудачи и даже конфликты. (Так, оскорбленный губернатор, которого объявили персоной нон грата, вполне может подать в суд на незадачливого журналиста). Иллюзия понимания, сопровождающая подобные случаи, опасна еще и тем, что фразеологизм несет, помимо всего прочего, оценочную, образную информацию, и неверное его понимание может сформировать, в свою очередь, превратное представление о явлении, человеке, событии, контексте и т.д. (Типичная реакция обывателя на казус с губернатором: "Его что, сняли, что ли?").

Все это, как представляется, ставит перед лингвистом, изучающим функционирование ФЕ в современной коммуникации, проблему оценки таких явлений. Понятно, что изучение фразеологической агнонимии возможно только в рамках антропоцентрического подхода. Без обращения к показаниям языкового сознания многие коммуникативные конфликты и неудачи остаются, с одной стороны, вне поля зрения исследователя, с другой - сам носитель языка остается в неведении относительно адекватности своего знания.

Литература

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник. – СПб., 1998.
2. Жукова А.Г., Мандрикова Г.М. "Дефектная" интерпретация фразеологизмов или МОЛЧАТЬ КАК РЫБА ОБ ЛЕД / Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: Мат-лы Третьих Филологических чтений. Т.1. Лингвистика. - Новосибирск, 2002.
3. Жукова А.Г., Мандрикова Г.М. Интерпретация фразеологизмов как показатель специфики категоризации действительности в языковом сознании говорящих / Проблемы изучения языковой картины мира и языковой личности: Мат-лы междунар. конф. "Язык. Система. Личность". - Екатеринбург, 2004.
4. Жукова А.Г., Мандрикова Г.М. Танцуем от печки (к вопросу о фразеологической агнонимии) / Τέχνη γραμματικῆ (Искусство грамматики). Вып.1. - Новосибирск, 2004.
5. Жукова А.Г., Мандрикова Г.М. Фразеологическая агнонимия: к постановке проблемы / Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и мат-лы II Междунар. конгресса исследователей русского языка. - М., 2004.
6. Мокиенко В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии. – СПб, 1999.
7. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). – М., 1997.

8. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М., 2001.
9. Черняк В.Д. Агнонимы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач / Русский язык сегодня. Вып. 2. Сб. статей / Отв. ред. Л.П. Крысин. - М., 2003.

Синонимические отношения лексических и фразеологических предлогов с пространственным значением

Залозная Т.Е.

Челябинск

Предлоги в русском языке выполняют очень важные, значимые функции: выражая отношения между словами, они организуют текст, правильно выстраивают его, делая текст связным.

Язык постоянно развивается и обогащается различными средствами. Поскольку только одни лексические предлоги не могут выразить все богатство отношений и значений, то им «на помощь» приходят фразеологические предлоги. Они восполняют отсутствие специализированных грамматических средств, выражают специфические оттенки обстоятельственных, объектных и определительных отношений либо обозначают новые, ранее не существовавшие отношения, которые появились в жизни современного общества и которые квалифицируются человеком [4].

Вся человеческая деятельность, как и само биологическое существование человека, протекает во времени и пространстве. Отражение физического пространства в сознании возникло из повседневного опыта людей как обобщение понятия локальной области, в пределах которой осуществляется бытие человека, относительно которой определяется местонахождение предмета и характер их взаимоотношений. В языке нужно выделить единицы, которые позволяют выразить отношения пространственного положения предмета, «привязанности» его к какому-либо пространственному ориентиру, мыслимому как локальная область. Пространственная семантика находит свое выражение в наречиях, качественно – обстоятельственных фразеологических единицах, существительных, прилагательных, глаголах, а также в предлогах. Предлоги, содержащие в значении сему «указание на пространственные отношения», очень активно функционируют в языке.

По данным нашей картотеки, в выражении пространственных отношений участвуют 157 предлогов, из них: лексических непроизводных - 25, лексических производных – 30, фразеологических - 102.

Лексические предлоги с элементарной структурой часто настолько «перегружены» значениями, что не имеют возможности дифференцировать все разнообразные виды пространственных отношений; поэтому, как следствие, появляются новые средства – производные предлоги. Фразеологические предлоги тоже играют большую и важную роль в выражении пространственных (локальных) отношений, превосходя по численности лексические (непроизводные и производные) предлоги. Число

фразеологических предлогов постоянно увеличивается, что свидетельствует о развитии общества и языка, обслуживающего его потребности.

Предлоги, как и другие языковые средства, в процессе функционирования в языке вступают в различные связи и отношения (омонимические, синонимические, антонимические) между собой, а также с другими словами и сочетаниями слов.

Проблема синонимов является одной из самых древних. В русской лингвистической науке вопрос о фразеологической синонимике становится актуальным лишь во 2 половине XX века.

Синонимия пронизывает практически все основные единицы языка, обладающие какой-либо семантической определенностью или смыслом: морфемы, слова, предложения [2]. Явление синонимии присуще также и предлогам как лексическим, так и фразеологическим. Синонимические отношения служебных частей речи, в частности лексических и фразеологических предлогов, до сих пор остаются малоисследованными.

Синонимические отношения в современном русском языке наблюдаются не только между лексическими предлогами (*при* – *ком, чем; у – кого, чего; перед* – *кем, чем*), но и между фразеологическими предлогами (*недалеко от* – *кого, чего; неподалеку от* – *кого, чего; по близости от* – *кого, чего; вблизи от* – *кого, чего; по соседству от* – *кого, чего*), а также между лексическими и фразеологическими предлогами (*в середине* – *чего; в центре* – *чего; посреди* – *чего*).

Синонимические ряды предлогов с пространственным значением способны содержать от 2 до 22 предлогов разных структурных типов.

В нашем исследовании мы выявили более 20 синонимических рядов, в состав которых входят как лексические, так и фразеологические предлоги с пространственным значением. Но поскольку работа ещё не завершена, мы считаем, что количество таких синонимических рядов будет увеличено.

Приведем примеры описания выявленных нами синонимических рядов.

Первый ряд, содержащий 7 предлогов, имеющий значение «**Указание на пространственную отдаленность от какого-либо объекта**». Отметим, что данный вид пространственных отношений выражается только с помощью фразеологических предлогов: *в отдалении от* (кого, чего), *в стороне от* (кого, чего), *вдалеке от* (кого, чего), *вдали от* (кого, чего), *далеко за* (что), *далеко от* (кого, чего), *подалее от* (кого, чего).

Предлоги *далеко от* (кого, чего), *вдали от* (кого, чего), *вдалеке от* (кого, чего) являются вариантами, потому что тождественны по семному составу и имеют тождественную лексико-семантическую сочетаемость; эти предлоги употребляются при указании на далекое расстояние от кого-, чего-либо.

Постоялый двор, или, по тамошнему, умёт, находился в стороне, в степи, далеко от всякого селения, и очень походил на пристань. А.С. Пушкин Капитанская дочка. Дубровский. Но немало слышал я от Коли диковинных и таинственных рассказов..., когда наш ялик нежно покачивался среди моря, вдали от невидимых берегов... А.И. Куприн. Повести и рассказы. Я

растерянно улыбаюсь и вижу, как **вдалеке от самолета** мама и отец обнимают по очереди того старика, мимо которого я пронёсся. А.А. Лиханов. *Последние холода: Роман. Повесть.*

Фразеологический предлог **в стороне от** (кого, чего) содержит сему «далекое расстояние» и сему «расположение в пространстве по отношению к локальной области (месту)»

Несколько в стороне от дворцовых парков, в юго-восточной части города Пушкина, расположен Отдельный парк, разбитый 1 половине 19 века. (Балог Г.П. Музей и парки Пушкина)

В составе предлога **в отдалении от** (кого, чего) содержится дифференциальная сема «на некотором, не слишком далеком расстоянии».

Предлоги **далеко за** (что), **подальше от** (кого, чего) сочетаются в основном с глаголами движения (отошел, отодвинулся, уехал), и у них появляется дополнительная, индивидуальная сема «движение, отдаление от локальной области».

Далеко за двором кричали лягушки и пел соловей. А.П. Чехов. Повести и рассказы. Лука Александрыч покачивался и инстинктивно, наученный опытом, старался держаться подальше от канавы. А.П. Чехов. Повести и рассказы.

Предлоги данного ряда в основном сочетаются с существительными, обозначающими географические названия. Употребляясь с другими семантическими группами существительных, эти предлоги реализуют объектное значение.

Второй, обозначенный нами ряд, имеет значение «указание на расположение кого-, чего-либо перед кем-, чем-либо в пространстве» и включает в себя как лексические, так и фразеологические предлоги: **впереди** (кого, чего), **напротив** (кого, чего), **насупротив** (кого, чего), **перед** (кем, чем), **против** (кого, чего), **спереди** (кого, чего), **спереди от** (кого, чего), **супротив** (кого, чего).

Я напился чаю и... поехал к Друкарту, который жил... как раз насупротив генерал – губернаторского дома. Н.С. Лесков. Собрание сочинений.

Площадка на холме перед белым одноэтажным зданием биржи была оцеплена немецкими солдатами. А.А. Фадеев. Молодая гвардия; Разлив; Рассказы. Мотоциклетка почему-то задерживалась и теперь тархтела впереди трамвая. М. Булгаков. Записки покойника. Сатирическая проза. Две галереи с прорезным полом опирались на эти колонны – а третья – округлялась на конце залы, прямо напротив громадной арки входа. Г. Флобер. Госпожа Бовари: Роман; Повести; Лексикон прописных истин.

Выделив и описав синонимические ряды, мы хотели показать связь индивидуальных значений предлогов с определенным типом выражаемых ими грамматических отношений. Синонимия предлогов богата различными нюансами, что дает возможность падежной форме более точно, дифференцированно выразить оттенки отношения.

Литература

1. Бертагаев Т.А., Зимин В.И. О синонимии фразеологических словосочетаний в современном русском языке // Русский язык в школе, 1960. №3. – С. 7-10.
2. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. – М.: Просвещение, 1978. – 160 с.
3. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – М.: Высшая школа, 198. – 160 с.
4. Шиганова Г.А. Релятивные фразеологизмы русского языка. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос пед. ун-та, 2003. – 306 с.
5. Шумилов Н.Ф. Синонимические ряды в речи // Русский язык в школе. 1969. №2. - С.89-90.

Функционирование фразеологических единиц в лингвистических научных текстах

Зливко С.Д.
Казань

В последнее время фразеология как самостоятельная лингвистическая наука все чаще и чаще привлекает к себе внимание отечественных и зарубежных исследователей, но, несмотря на это, многие свойства фразеологизма как объекта ее исследования остаются до сих пор недостаточно выясненными [Солодуб 1997:43]. Еще Ф.И. Буслаев говорил, что мало знать «что такое-то выражение подлежит такому-то грамматическому или риторическому правилу, надобно возбудить сочувствие к правильной и изящной речи, обогатить память значительным запасом самих выражений» [Буслаев 1941:186].

Нам интересно было бы рассмотреть включение фразеологических единиц в научный текст, когда обращается внимание не только на внешнюю форму предложения, но и на содержание.

Смысловая структура научного произведения понимается как типовая текстовая организация, обусловленная комплексом экстралингвистических факторов, связанных со спецификой научного мышления, познавательной деятельности и функционирования вербализованного знания в научной коммуникации [СЭС 2003:390].

В научном тексте главным является не простое использование «отобранных языковых средств», но особый тип общения и мышления. Кроме того, как отмечает М. Н. Кожина, «научный текст – это не только отдельный стиль, с хорошо описанным набором свойств (объективность, точность, ясность и пр.), но в первую очередь особым образом организованное изложение, главную роль в котором играет его автор – субъект познания».

Наиболее распространены три понимания термина «текст»: 1) как единицы высшего уровня языковой системы; 2) как единицы речи, результата речевой деятельности; 3) как единицы общения, обладающей относительной смысловой завершенностью.

В языкознании текст – это последовательность вербальных (словесных) знаков, представляющая собой снятый момент языкотворческого процесса, зафиксированный в виде конкретного произведения в соответствии со стилистическими нормами данной разновидности языка.

Отдельные слова, словосочетания, фразеологизмы, предложения, включаясь в текст, формируют личностный его план (по Е.А. Баженовой, субтекст) или «план авторизации» [СЭС 2003:521]. Таким образом, содержание текста определяется автором и представляет собой результат объективации фрагмента действительности средствами языка. В научном стиле «субъект речи» понимается как фактор, оказывающий влияние на закономерности речевой организации научного текста, и опирается на более узкое понятие «образ автора» (используемое обычно применительно к художественному стилю), а также на широкое экстралингвистическое понимание «человеческого фактора» как привнесение рефлексивно-личностных моментов в процесс творческого осмысления внеязыковой действительности и отражения ее в речи [Там же:519].

В числе языковых средств обрисовки образов в структуре научного текста важным элементом является фразеологическая единица, функционирование которой представляется возможным рассмотреть. Различные словарные определения фразеологизма учитывают большее или меньшее количество его признаков. Воспользуемся одним из них: «Фразеологизм – это устойчивый оборот речи, не переводимый дословно на другой язык, идиома» [СТСРЯ 2003:897].

В отличие от словесной метафоры во фразеологизме перенос значения происходит по сходству целых ситуаций, выраженных чаще всего словосочетанием. Образ, созданный на метафорической основе, устойчив, иначе говоря, для фразеологии характерна образная метафора [Черданцева 1988:80]. Во фразеологизме она уже утратила свою индивидуальность и нуждается в интерпретации. Таким образом, фразеологическая единица является не только языковым знаком, в основе мотивированности которого часто лежит метафора, но и смыслообразующим компонентом лингвистического научного текста.

Проводимое нами исследование показало важность фразеологических единиц в реализации образной стратегии «биологизации» языка, когда языку, его единицам приписываются функции, признаки живого существа вообще или человека:

1) последовательно используются фразеологизмы в лингвистических текстах для описания «биологической» сущности фактов языка:

«Это значит, что ни прилагательное, ни наречие здесь еще не выкристаллизовались. Этим и объясняется их синтаксическая двусмысленность, их положение, так сказать, *«между двух стульев»*. Стало быть, про эти слова мы <...> должны сказать, что это ни прилагательные, ни наречия, а нечто более широкое и менее определенное» (Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении); «Как и вообще в индивидуальной жизни, не все стороны языковой жизни в исторической последовательности

идут в ногу, *pari passu*. Некоторые идут равномерно, в ногу, другие опаздывают, а третьи опережают общее шествие» (Бодуэн де Куртенэ Избранные труды по общему языкознанию); «Правильная этимология раскрывает лишь мотивы зарождения слова и *первые шаги* его социального бытования» (Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического анализа); «Когда живое употребление слова прерывается, то утраченное слово, закрепленное в памятниках письменности, может *дать жизнь* как бы новому слову с той же внешней формой, но наполненному новым содержанием» (Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического анализа); «Нелепо было бы ожидать, что конечный исчисляемый круг предметов, образующий во внеязыковом мире известный класс предметов, может *вызвать к жизни* существование бесконечного и не лимитируемого естественными рамками словообразовательного ряда <...>» (Кубрякова Е.С. Что такое словообразование);

2) ученые-лингвисты используют фразеологические единицы также для описания «предметной» сущности фактов языка:

«Чтобы слово *всплыло на поверхность* во внутренней речи, оно должно иметься в памяти. Внутреннее слово закрепляет поток ассоциаций, концентрирует внимание на определенной совокупности образов и представлений и дает им обозначение» (Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности).

В докладе были рассмотрены две образные стратегии: биологизации и объективации языка, реализующиеся в образных парадигмах отождествления языка, его единиц с человеком и предметом. Отличительной чертой приведенных примеров научных текстов являлось функционирование в них фразеологических единиц и их участие не только в создании приращения смысла, но и в структурировании образов языка.

Литература

1. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка / Ф.И. Буслаев. - Ленинград, 1941. - С. 186.
2. Солодуб Ю.П. Сопоставительный анализ структуры лексических и фразеологических значений / Ю.П. Солодуб // Филологические науки. - 1997. - №5. - С. 43.
3. Черданцева Т.З. Метафора и символ во фразеологических единицах / Т.З. Черданцева // Метафора в языке и тексте. - М.: Наука, 1988. - С. 80.
4. СЭС / Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под. ред. М.Н. Кожинной. - М.: Флинта: Наука, 2003. - С. 390, 519 - 521.
5. СТСРЯ / Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. - Спб.: Норинт, 2001. - С. 897.

Процессуальные фразеологизмы с компонентами **брать/взять** субкатегории состояния

Кабыш В.И.
Курган

Процессуальные фразеологизмы с компонентами **брать/взять** представляют собой подсистему, включающую, по данным нашей картотеки, 453 единицы, относящиеся к трем субкатегориям: деятельности (241 ФЕ), отношения (126 ФЕ) и состояния (86 ФЕ).

Целью нашей работы является описание процессуальных фразеологизмов с компонентами **брать/взять** субкатегории состояния. Это такие процессуальные единицы, которые отличаются одним общим признаком – «пассивностью субъекта процесса. Его пассивность в апогее перерастает в отсутствие... Пассивность субъекта может быть связана с тем, что он оказывается неодушевленным предметом... Но даже в том случае, когда субъектом фразеологизмов выступает лицо, оно оказывается пассивным, ибо лишено возможности проявлять свою волю при выражении непроизвольно (без участия человека) наступающих состояний» [Лебединская, Усачева 1999: 99]. Например: Павка, сыграй что-нибудь грустное, чтобы за душу брало! *Н. Островский. Как закалялась сталь.* Пассивный субъект является носителем психического состояния (*брало за душу*).

Субкатегориальную семантику таких единиц создают компоненты-глаголы и компоненты-существительные. Компоненты-глаголы **брать/взять**, имевшие в структуре свободного значения сему состояния, привносят ее во фразеологизмы. Например, во фразеологической единице **брать/взять всем** субкатегориальную семантику формирует глагол, имевший в своем значении «достигать цели, добиваться успеха посредством чего-л.» сему состояния. Во фразеологизме **что (кого) взяло** (диал.) сему состояния формирует значение глагола *взять* – «Безл.: о начале какого-л. состояния: болезни, приступе смеха и т.д.»

Компоненты-существительные, в свободном употреблении входившие в семантическую группу «состояние человека» (сомнение, любопытство, ужас, обида и др.), создают субкатегориальную семантику фразеологических единиц состояния. Например, во фразеологизмы **злость берет/взяла, досада берет/взяла, страх берет/взял** сему состояния привносят компоненты-существительные **злость** – «злое, раздражительно-враждебное чувство», **досада** – «чувство раздражения, неудовольствия вследствие неудачи, обиды», **страх** – «очень сильный испуг, сильная боязнь».

На третьем уровне семантической структуры исследуемых процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния вычленяются различные групповые семы.

Самой продуктивной (40 единиц) среди фразеологизмов этой субкатегории является группа «психическое состояние», представленная двумя подгруппами: 1) фразеологические единицы, выражающие чувства, настроения человека (34): *брать/взять в обиду, досада берет/взяла, злость*

берет/взяла и др. ; 2) фразеологические единицы, обозначающие волю человека (6): *брать/взять силу*, , *мочь берет/взяла*, *брать/взять себя в руки* и др. Групповую сему формируют имена существительные, обозначающие человеческие чувства (обида, злость, досада, зависть), а также метафора на основе структуры действия, создаваемая глагольными и именными компонентами фразеологизма, за счет которой формируется семантика проявления воли человека.

Во вторую семантическую группу объединены 34 фразеологические единицы, обозначающие социальное состояние лица. Такие фразеологизмы можно разделить на 3 подгруппы: 1) фразеологические единицы, обозначающие социальную успешность (16): *брать/взять высоту*, *брать/взять вершину*, *брать/взять выше* и др.; 2) фразеологические единицы, обозначающие социальную оценку лица (14): *брать/взять нечего*, *брать/взять без боя*, *брать/взять долю* и др.; 3) фразеологические единицы, обозначающие социальный статус (4): *брать/взять отставку*, *брать/взять гражданство*, *брать/взять отпуск*, *брать/взять отгул*. Групповую семантику социальной успешности формируют символические значения именных компонентов – верх, вершина, высота, выше – «превосходство, успех, преимущество»; групповая семантика социальной оценки создается метафорой, лежащей в основе целостного фразеологического значения и создаваемой всеми компонентами единиц; групповую сему «социальный статус» приносят именные компоненты (отставка, отпуск, отгул, гражданство), обозначающие положение человека в обществе.

К третьей семантической группе относятся фразеологизмы, обозначающие физическое состояние лица или предмета (31). Эти фразеологические единицы можно объединить в четыре подгруппы: 1) фразеологические единицы со значением общего состояния здоровья человека (13): *болезнь берет/взяла*, *брать/взять за глотку*, *зубы взяли* (диал.), *оскомина берет/взяла* и др.; 2) фразеологизмы, называющие ощущения человека (7): *маковой росинки в рот не брать/взять*, *брать/взять в глаза*, *брать/взять глаза в зубы* и др.; 3) фразеологизмы, называющие состояние умирания, смерти (5): *бог берет/взял*, *брать/взять дух*, *могила взяла* и др.; 4) фразеологизмы, называющие состояние природы (5): *брать/взять свои права*, *брать/взять свое*, *брать/взять в оковы* и др. Семантику состояния здоровья приносят именной компонент, в свободном употреблении входящий в группу «болезнь» (оскомина, болезнь); групповую семантику ощущений создают компоненты-существительные (ощущение голода передает соматизм рот, зрительные ощущения передает соматизм глаз), реализующие в составе фразеологизма свои символические значения; групповую семантику умирания, смерти формируют имена существительные, употребляющиеся в религиозной сфере (бог, дух, душа): в религии бог дарует и отнимает жизнь, наличие духа, души связано с жизнью, их отсутствие – со смертью. В четвертой подгруппе групповая семантика создается синтаксическим окружением фразеологических единиц. Если субъектом является существительное, обозначающее природное явление,

данные фразеологизмы объединяются в семантическую подгруппу “состояние природы”. При изменении субъекта фразеологизмы данной подгруппы могут менять как подгруппу (*ангина берет/взяла в объятия* – состояние здоровья; *смерть берет/взяла в объятия* – состояние умирания, смерти), так и группу (*человек берет/взял свои права* – социальное состояние; *плохое настроение берет/взяло свои права* – психологическое состояние) и субкатегорию (*человек берет в оковы* (пленного) – деятельность; *мороз берет в оковы* (речку) – состояние).

Таким образом, многие процессуальные фразеологизмы с компонентами брать/взять субкатегории состояния могут иметь разную групповую семантику. Это зависит от характера субъекта. Например, фразеологическая единица **брать/взять свое** может иметь групповые семы “физическое состояние”, “социальное состояние” и “психическое состояние”.

Если субъектом являются имена, обозначающие природные явления, ощущения человека или состояние здоровья, данный фразеологизм будет относиться к группе “физическое состояние” (*лихорадка взяла свое, весна взяла свое, усталость взяла свое*): Похоже, усталость и в самом деле брала свое: оловянная тяжесть, накапливаясь, медленно ползла от ступней вверх. *Б. Акунин. Алтын-толобас.*

Если в качестве субъекта выступают имена, называвшие человека или дававшие оценку человеку, то фразеологическая единица **брать/взять свое** относится к группе “социальное состояние”: Свое-то она всегда возьмет и всегда предпочтет сплутовать, чем идти честно и напрямик. *Ф. Достоевский. Зимние заметки о летних впечатлениях.*

Субъекты-имена с семантикой настроений, чувств человека отнесут фразеологизм **брать/взять свое** к единицам, обозначающим психическое состояние (*любовь берет/взяла свое, чувство берет/взяло свое, настроение берет/взяло свое*): Как я ни старалась, плохое настроение, принесенное с работы, взяло свое, и я разревелась. *В. Токарева. Повести и рассказы.*

Примерами фразеологических единиц, относящихся к разным семантическим группам субкатегории состояния, могут также служить: *брать/взять верх* (физическое, психическое, социальное), *брать/взять власть* (физическое, психическое, социальное), *брать/взять душу* (физическое, психическое), *брать/взять свои права* (физическое, социальное) и др.

Представление о количестве единиц, входящих в разные семантические группы субкатегории состояния, дает следующая таблица:

№ п/п	Группа субкатегории состояния	Кол-во ФЕ	%	Примеры
1.	Психическое состояние	40	38	страх берет
2.	Социальное состояние	34	32	не брать/взять в руки
3.	Физическое состояние	31	30	могила взяла
	Итого:	105	100	

На четвертом уровне семантической структуры фразеологизмов субкатегории состояния формируются индивидуальные семы, присущие только данной единице.

Рассмотрим семантическую структуру фразеологизма **обида берет/взяла** – ‘испытывать состояние огорчения’.

На категориальном уровне присутствует сема “процессуальность”, создаваемая компонентом-глаголом **брать/взять**. Субкатегориальную сему состояния в единицу привносит значение глагола “О каком-либо состоянии: болезни, приступе смеха и др.” и существительное **обида** – “состояние оскорбленного человека”. Групповая семантика формируется под влиянием компонента-существительного, входившего в свободном употреблении в группу “чувства, настроения человека”. Индивидуальную сему привносит компонент-существительное **обида** – “несправедливо причиненное огорчение, оскорбление, а также вызванное им чувство”.

Литература

1. Лебединская В.А., Усачева Н.Б. Семантика процессуальных фразеологизмов: Учебное пособие. – Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 1999. – 186 с.

Способы образования предикативных фразеологических единиц

Кайгородова И.Н.

Астрахань

Предикативные фразеологические единицы (ПФЕ) по признакам воспроизводимости, идиоматичности, структурно-семантической слитности компонентов, номинативности представляют лексический уровень языка, а по форме (предикативные сочетания) — синтаксический уровень.

В.В. Виноградов писал: «... знание правил сложения смыслов, отчасти опирающееся на исследование законов взаимодействий грамматических и семантических уровней слова, с одной стороны, и законов сочетаний слов, а также сцепления словосочетаний и фразеологизмов, с другой, помогло бы яснее и точнее воспроизводить систему функционирования и соотношения всех этих единиц в структуре языка и речевой коммуникации» (1: 5). «Меньше всего подвергалась глубокому анализу и лингвистической дифференциации синтаксическая и вообще грамматическая структура фразеологических единиц в их типизированном и индивидуальном употреблении» (1: 10).

Привлекая материал статьи В.А. Лебединской (3), В.В. Виноградов обращает внимание на то, что «следует сочетать изучение структурно-типологических единств фразеологических оборотов с определением их морфолого-синтаксического строя, а также способов, приёмов их синтаксического функционирования, границ их речевого применения в разных словесных контекстах» (1: 14).

В.А. Лебединская и Н.Б. Усачёва указывают, что семантическая структура ФЕ соотносительна с семантической структурой слова, и именно это позволяет говорить о «лексико-фразеологической грамматике» (2: 160).

Опираясь на классификацию процессуальных фразеологизмов А.М. Чепасовой, которые представлены как особый семантико-грамматический класс с двумя субкатегориями, В.А. Лебединская и Н.Б. Усачёва скрупулёзно выделили в субкатегориях процессуальных фразеологизмов семантические группы и подгруппы. «Компоненты-слова, входя в состав фразеологизма, претерпевают разнообразные семантические изменения: утрачивают свою семантическую автономность, трансформируют свои лексические значения в семы целостного фразеологического значения. Во фразеологизме происходит редукция, интеграция и переинтеграция семантических элементов, создаваемых словами-компонентами, структурой словосочетания и соотнесённостью фразеологизма с предметом и понятием» (2: 108-109).

Отдельные процессуальные ПФЕ появляются в результате речемыслительного отражения объективной ситуации, которая современным языковым сознанием воспринимается как некоторая архаика. Например, в ПФЕ *разверзлись хляби небесные* – «пошёл сильный проливной дождь» архаичны существительное *хлябь* – «простор, пустота, глубь; бездна, пропасть» и глагол *разверзлись* – «раскрылись, расшатались, ослабли». Современное значение ФЕ становится понятным полностью при привлечении библейского рассказа о всемирном потопе, из которого извлечено выражение *разверзлись хляби небесные* – «открылись небесные просторы» (5: 116).

Возникновение ПФЕ не является конечной точкой в общем процессе фразеологизации. Формирование идиоматичности по всем аспектам семантической структуры предложения находит продолжение в деривационных изменениях синтаксической структуры предложения, которая стремится к свёртыванию и преобразованию в целостную номинативную единицу, например, глагол *расхлябаться* – «расшататься, разойтись, ослабеть» и существительное *расхлябанность* – «недисциплинированность».

Кроме устаревшей денотативной ситуации, важным фактором возникновения ПФЕ является переинтеграция семантических элементов слов во ФЕ, не имеющую свободносинтаксического генотипа. Так, в ПФЕ *жаба душит* к о г о – «кто-либо испытывает раздражение, ярость» существительное *жаба* становится косвенно-производным обозначением психического состояния человека (злости, раздражения). Особенно ярко обнаруживается это в сочетании существительного *жаба* – «сходное с лягушкой бесхвостое земноводное животное с бородавчатой кожей» с глаголом *душит* – 1) «убивать, насильственно останавливая дыхание»; 2) «стеснять, затруднять дыхание» в отдельных случаях формирование косвенно-производных значений усиливается наличием терминологического сочетания с омонимичной лексемой (*жаба*). Ср. *грудная жаба* – «устаревшее обозначение болезни сердца, сердечно-сосудистой системы; стенокардии, сопровождающейся состоянием удушья». Сходство в ощущениях, испытываемых в результате соматического заболевания и психического состояния, позволило для именованного последнего использовать слово *жаба*.

Семантическое преобразование фразеологизующих компонентов приводит к формированию многозначных ПФЕ. Например, устойчивое

выражение *голова кружится у к о г о*, употребляемое как терминологическое обозначение – «припадок, при котором кажется, будто кружится голова или кружатся предметы» (В. Даль; С. Ожегов), послужило базой для создания ПФЕ *голова кругом идёт у к о г о*, чь я с тем же значением. При образовании второй единицы мы имеем возможность наблюдать асимметрию предикативных отношений. В базовом предложении предикативные отношения устанавливаются между *голова* и *кружится*, а в созданном на его основе выражении предикативные отношения возникают между подлежащим *голова* и только частью сказуемого *идёт*, тогда как собственно семантическая часть предиката, описывающая само действие, представлена как грамматическое обстоятельство *кругом*. Например: СОФИЯ: *Позвольте, батюшка, кружится голова; я от испуги дух перевозжу едва; Изволили вбежать вы так проворно, Смешалась я* (А. Грибоедов. Горе от ума); *От огромной высоты голова кругом идёт, дух захватывает. Не то, чтобы страшно — холодок по коже какой-то* (В. Астафьев. Сон о белых горах).

В результате метонимического переноса названия физического состояния человека на его психическое состояние произошло образование ПФЕ *голова кружится у к о г о*, чь я, *голова кругом идёт у к о г о*, чь я – «кто-либо теряет способность ясно соображать от множества дел, забот, переживаний». Например: *...У меня в эти два месяца было так много платежей... столько глупых хлопот, что голова кружится!* (А. Чехов. Тина); — *Голова кругом идёт, как подумаешь: визиты, приёмы, праздники; у мужа моего — весь уезд родня. Ах, и не говорите мне о светской жизни...* (А.Н. Толстой. Мишука Налымов).

Перечисленные лишь некоторые способы образования ПФЕ позволяют увидеть производность их грамматических значений от грамматического значения свободносинтаксического генотипа.

Литература

1. Виноградов В.В. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка // Мысли о современном русском языке / Под ред. В.В. Виноградова. Сост. А.Н. Кожин. - М.: Просвещение, 1969. - С. 5-23.
2. Лебединская В.А., Усачёва Н.Б. Семантика процессуальных фразеологизмов. - Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 1999. - 186 с.
3. Лебединская В.А. Фразеологические единицы с глагольным компонентом в форме повелительного наклонения // Вопросы современного литературного русского языка. Вып. 2. - Челябинск: ЧГПИ, 1967. - С.46-64.
4. Чепасова А.М. Семантические и грамматические классы русских фразеологизмов. - Челябинск: ЧГПИ, 1983. - 93 с.
5. Шанский Н.М. В мире слов. - М.: Просвещение, 1985. - 255 с.

Русские и английские крылатые единицы, восходящие к синтетическим жанрам искусства

Каменев К. В.
Магнитогорск

Впервые термин «крылатое слово» (КС) был введён немецким лексикографом Георгом Бюхманом, опубликовавшим в 1864 г. книгу с одноимённым названием «Крылатые слова» («Geflügelte Worte»). По Бюхману, КС – это «постоянно воспроизводимое в широких кругах отечества изречение, выражение или имя безразлично какого языка, исторический источник или литературное происхождение которого известно (доказуемо)» [1].

В отечественной же лексикографической практике существует традиция называть КС все единицы, не порывающие связи со своим источником. Однако явления, именуемые общим термином «крылатые слова», очень разнородны по своей структуре и компонентному составу. Это и собственно КС типа *Обломов, Отелло, Наполеон, Плюшкин* и крылатые выражения (КВ), состоящие из двух и более элементов (*Каинова печать; Пролетариат – могильщик буржуазии; Обратная связь; С милым рай и в шалаше* и т. д.). По сей день среди исследователей, занимающихся изучением КС, нет единого мнения о том, какой термин использовать для обозначения данного явления. Так, украинские лингвисты А. П. Коваль и В. В. Коптилов предлагают использовать для обеих групп общее название «крылатые выражения» [2]. Киевская исследовательница Дядечко Л. П. предлагает для обозначения всех типов КС использовать термин «эптотим» (от др.-греч. *ερεα pteroenta* ‘крылатые слова’) [3]. Шулежкова С. Г. предлагает для обозначения всех единиц, обладающих генетической памятью об источнике, их породившем, использовать термин «крылатые единицы» (КЕ), которые в свою очередь следует разделить с учетом их структуры и компонентного состава на собственно «крылатые слова» (*Манилов, Цербер, Хлестаков*) и «крылатые выражения» (*Сермяжная правда, Ярмарка тщеславия, Умывать руки*) [4]. Автору данной статьи видится целесообразным придерживаться терминологии, предложенной С. Г. Шулежковой, так как данная терминология не противоречит уже сложившейся традиции.

Источники КЕ очень разнообразны. С древнейших времён английский и русский языки вбирали в себя выражения, происходящие из сказок, былин, легенд и песен. После принятия христианства и в язык англосаксов, и в язык древних русичей вошли КЕ из Священного писания. Позднее с развитием литературы оба языка стали пополняться КЕ, обязанными своим происхождением античной культуре. Расцвет национальных литератур в Англии и в России обогатил языки англичан и русских КЕ из художественных и публицистических текстов.

Во второй половине XX века в русском, английском и в других языках мира активизировался пласт КЕ, относящихся к искусству, которые до этого времени практически игнорировались составителями словарей и справочников КЕ. Объяснить это можно, во-первых, сменой

«литературоцентристского типа культуры зрелищецентристским» [4]. Искусство XX в. движется к синтетичности, когда «размываются границы между отдельными видами искусств: живопись, скульптура, поэзия, музыка, проза расширяют свои возможности, успешно используя приёмы и методы своих соседей», и предпочтение отдаётся «образности зрелищного порядка» [5].

Во-вторых, этому во многом способствовал научно-технический прогресс. С изобретением радио и телевидения стало возможным многократное воспроизведение новых синтетических жанров искусства, что способствовало закреплению КЕ, вышедших из них, в устной и письменной речи в более короткие сроки.

К числу таких единиц, обязанных своим происхождением различным синтетическим жанрам искусства, можно отнести КЕ из опер и оперетт (*Что день грядущий мне готовит?*; *Близок уж час торжества моего*; *Мечтам и годам нет возврата*; *Что наша жизнь? – Игра*; *Sesame Street* и др.); КЕ из романсов (*Без божества, без вдохновенья*; *А он мятежный просит бури*, / *Как будто в бурях есть покой*; *Белеет парус одинокий*; и др.) и песен (*Пусть ярость благородная / Вскипает, как волна*; *Мои года – моё богатство*; *Лучше гор могут быть только горы*; *Rule Britannia, rule the waves!*; *Strangers in the night*; *The winner takes it all* и др.). Песенные КЕ относятся к одному из самых значительных разрядов КЕ не только в русском, но и в английском языке. Не одно поколение выросло на песнях легендарных Битлз, Фрэнка Синатры, Элвиса Пресли и группы АВВА. Все эти люди внесли существенный вклад в обогащение английского языка КЕ, по сей день оставаясь лидерами по количеству проданных дисков.

К числу наиболее мобильных пластов фонда КЕ относятся также единицы, порождённые телевидением и кинематографом [4]. Благодаря телевидению возникли такие жанры, как токшоу, телеигры и телелотереи, телемосты и прямые репортажи с места событий, документальные телефильмы и сериалы (*мыльные оперы*). Все эти жанры пополняют фонд КЕ русского и английского языков (*Поле чудес*; *Слабое звено*; *Очевидное – невероятное*; *Что, где, когда?* и т. д.). А с появлением цифрового кино кинематограф обрёл второе дыхание. Об этом свидетельствуют последние отечественные киноленты: «Антикиллер», «72 метра», «Антикиллер 2» и «Ночной дозор», который по кассовым сборам в России оказался на третьем месте, уступив лишь трилогии «Властелин колец» и «Гарри Потеру».

Ни для кого не секрет, что киноиндустрия лучше всего развита в Америке, а киностудия Голливуд – крупнейшая в мире. Поэтому не удивительно, что фильмы, созданные кинокомпаниями 20th Century-Fox, Metro-Goldwyn-Mayer, Paramount Pictures, Columbia и Warner Brothers, с многомиллионными бюджетами и огромным количеством спецэффектов, собирают многомиллионные аудитории по всему миру и являются активными поставщиками КЕ. В современном русском и английском языках широко используются КЕ, восходящие к названиям отечественных и зарубежных кинолент (*Весёлые ребята*; *В джазе только девушки*; *Кошмар*

на улице вязов; Королева бензоколонки; *Some Like It Hot*; *James Bond*; *The Godfather*; *Superman*; *Terminator*; *Star Wars*; *The X-Files* и др.) и репликам киногероев (*У каждого свои недостатки*; *Бабе – цветы, детям – мороженное*; *Бандитская пуля*; *И что я в тебя такой влюблённый?*; *А вдоль дороги мёртвые с косами стоят, и тишина*; *I will be back*; *The truth is out there*; *Good thinking Batman*; *Trust no one* и др.). Многие из этих единиц носят интернациональный характер (*James Bond – Джеймс Бонд*; *The Godfather – Крёстный отец*; *Superman – Супермен*; *Star Wars – звёздные войны*).

Однако, несмотря на всё вышесказанное, ни в Америке, ни в Англии, ни в других англоговорящих странах пока не существует словарей КЕ. А сам термин КС (в бюрмановском его понимании) в качестве особого объекта описания и исследования рассматривается преимущественно в странах немецкого, славянского и скандинавского языков. И хотя в «Словаре лингвистических терминов» [6, с.212] дается английское соответствие термину КС (*winged word*), в названиях английских справочников этот термин не встречается. В Англии и США издаётся большое количество всевозможных словарей: словари идиом, цитат, пословиц и поговорок, иноязычных слов и выражений, разговорных клише, литературных персонажей, литературных аллюзий (античных, библейских и мифологических) и т.д. Но ни один из перечисленных словарей не совпадает – хотя бы в основных чертах – с русскими словарями КЕ. Единственным исключением является изданный в 1984 году «Русско-английский словарь крылатых слов» И. А. Уолш и В. П. Беркова. Данный словарь содержит около 1900 КЕ, литературных цитат и изречений, встречающихся в русской художественной литературе и публицистике, и предназначен в первую очередь для англоязычных читателей, желающих углубить свои знания русского языка и русской культуры. Этот словарь содержит около 80 КЕ, восходящих к синтетическим жанрам искусства. Однако, как пишут авторы данного словаря, «ни одна КЕ русского происхождения не вошла в английский язык, поэтому их переводные эквиваленты (большинство из которых выполнены Уолш) неизвестны говорящим по-английски» [7]. Кроме того, большинство цитат, включенных в словарь, используются в переносном смысле, и при переводе на английский язык их смысл может быть отражен недостаточно либо вовсе не отражен. Такие эквиваленты использовать нельзя, они помещены в словарь исключительно для того, чтобы читатель понял их смысл. К тому же, имеющийся английский эквивалент не всегда является КС в английском языке (например, *башмаков она ещё не износила, в которых шла за гробом мужа – era those shoes were old with which she followed my poor father's body*). Наконец, русские крылатые слова или популярные цитаты иностранного происхождения могут вообще не иметь эквивалентов в английском языке. Поэтому «читатель, изучающий английский язык, и переводчик с русского на английский должны использовать материал словаря весьма осмотрительно» [7].

В связи со всем вышесказанным исследовательская работа в этой области представляется очень актуальной и перспективной.

Литература

1. Büchmann G. Geflügelte Worte. Der Zitatenschatz der deutschen Volkes. Berlin: Haude und Spenser, 1864. – 220 S.; 2-е изд. – Berlin: Haude und Spenser, 1866. – 234 С.
2. Коваль А. П., Коптілов В. В. 1000 Крылатих виразів української мови. Афоризми. Літературні цитати. Образні вирази. – Київ: Наукова думка, 1964. – 671 с.
3. Дядечко Л. П. Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность: Монография. – Киев: ИПЦ «Киевский университет», 2002. – 294 с.
4. Шулежкова С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. – М.: «Азбуковник», 2001. – 288 с.
5. Бояджиева Л. В. Макс Рейнгардт – режиссёр новатор (Формирование принципов синтетического театра 1901-1907 гг.): Автореф. дис. ...канд. искусствовед. – М., 1974. – 32 с.
6. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 607 с.
7. Уолш И. А., Берков В. П. Русско-английский словарь крылатых слов: Ок. 1900 единиц. – М.: Рус. яз., 1984. – 280 с.
8. Томахин Г. Д. США. Лингвострановедческий словарь. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус яз., 2001. – 576 с.
9. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Addison Wesley Longman 1998.

Символический аспект значения английских фразеологических единиц с цветовым компонентом

Катермина В.В.

Кубань

Известно, что национально-культурные элементы когнитивной системы того или иного народа присутствуют на всех уровнях языка, но наиболее ярко особенности когнитивной базы отдельной нации проявляются во фразеологии. На протяжении многих лет в работах по фразеологии утверждалось, что фразеологизмы представляют собой национально-специфические единицы языка, аккумулирующие культурный потенциал народа. В отличие от единиц прямой номинации, фразеологизмы, номинативные единицы косвенно производного характера, "вербализируют не абстрактные когнитивные структуры, а оноματοпоэтические концепты с "живым" образным основанием, которые являются особым продуктом лингво-креативного мышления, осуществляемого в процессе речевой деятельности человека" (Алефиренко 2001, 83).

Фразеологическая единица – одно из средств вербализации концепта, который вслед за Н.А. Красавским, понимается нами "как этнически, культурно обусловленное сложное структурно-смысловое интегративное, ментальное образование базирующееся на понятийной основе, включающее в себя, помимо понятия, образ, оценку, культурную ценность и функционально

замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации однопорядковые предметы, вызывающие пристрастное отношение к ним человека" (Красавский 2001, 73).

Интерпретируя ФЕ на основе соотнесения их ассоциативно-образных восприятий со стереотипами, отражающими народный менталитет, мы тем самым раскрываем их культурно-национальный смысл и характер, которые и являются содержанием национально-культурной коннотации.

План содержания ФЕ, а также закрепленные за ним культурные коннотации сами становятся знанием, т.е. источником когнитивного освоения. Именно поэтому фразеологизмы становятся экспонентами культурных знаков.

Почему ФЕ удерживаются в языке веками, хотя они представляют собой явные аномалии языка, его нерегулярности? Почему они вновь и вновь образуются в каждую эпоху? Потому что ФЕ представляют собой сгусток культурной информации, позволяют сказать многое, экономя языковые средства и в то же время добираясь до глубины народного духа, культуры.

Таким образом, соотнесение с тем или иным культурным кодом составляет содержание культурно-национальной коннотации. Именно культурная коннотация придает культурно-значимую маркированность не только значениям ФЕ, символам или метафорам, но и смыслу всего текста, в котором они употребляются.

Идиомы заключают в себе культурный потенциал народа и отображают его ментальность. Ментальность – это мирозерцание в категориях и формах родного языка, которые соединяют в себе интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях. Единицей ментальности признается концепт данной культуры (Маслова 2001, 52).

По А.Я. Гуревичу, ментальность – это способ видения мира, она отнюдь не идентична идеологии, имеющей дело с продуманными системами мысли, и остается логически не выявленной. Ментальность – не философские, научные или эстетические системы, а тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций, от латентных привычек и приемов сознания. Итак, ментальность – тот незримый минимум духовного единения людей, без которого невозможна организация любого общества. Ментальность народа актуализируется в наиболее важных культурных концептах языка (Гуревич 1990, 17).

Под менталитетом мы, вслед за Ю.С. Степановым, понимаем категорию, которая отражает внутреннюю организацию и дифференциацию ментальности, склад ума, склад души народа. Менталитеты представляют собой психо-лингвоинтеллекты разномасштабных лингвокультурных общностей. Как показывает анализ научной литературы, под менталитетом понимают некоторую глубинную структуру сознания, зависящую от социокультурных, языковых, географических и других факторов. Особенности национальных менталитетов проявляются только на уровне языковой, наивной, но не концептуальной картины мира (Степанов 1985, 54).

Символика цвета очень тесно связана с национальной спецификой и является средством выражения менталитета.

Анализ английских ФЕ на основе соотнесения их ассоциативно-образных восприятий со стереотипами, отражающими специфику англоязычной КМ, позволил раскрыть их культурно-национальный смысл и характер, что является содержанием национально-культурной коннотации.

Цветовой компонент "white" помимо значения "белый", также ассоциируется с прилагательными "чистый", "непорочный", "бледный", "снежный" ("a white wedding" – "свадебная церемония, все атрибуты которой подчеркивают непорочность невесты", "white light" – "честное, беспристрастное суждение", "a white hope" – "a person expected to achieve much").

Прилагательный "black" означает "черный", "секретный", "злой", "нелегальный" ("a black money" – "грязные деньги", "black market" – "illicit traffic in rationed, prohibited or scarce commodities", "blackmail" – "extortion of payment in return of silence", "a black-bag job" – "an illegal clandestine entry into somebody's premises by a law enforcement agency or a private detective").

Для английского менталитета традиционной считается ассоциация термина "blue" со строгостью, смирением и консервативностью (to cry the blues" – "прибедняться", "blue devils" – "уныние", "blue study" – "мрачное раздумье").

В английской языковой КМ прилагательное "green" зафиксировано как символ природы, молодости, неопытности, а также ревности (*as green as grass* – очень молодой, неопытный, "зелёный", *greenback, a* – банкнота, *green cloth, a* – игорный стол, *green-eyed* – ревнивый, завистливый, *green goods* – фальшивые бумажные деньги).

Цветовой компонент "red" входит в состав большого количества ФЕ и часто означает хорошее здоровье, силу и накал эмоций (*as red as a cherry (a rose)* – румяный, "кровь с молоком", *as red as a turkey cock (a lobster)* – красный как рак, *red blood* – физическая сила, мужество, смелость).

Цвет "brown" считается символом уныния и депрессии (*brown study* – глубокое раздумье, мрачное настроение).

Основываясь на данных наших исследований, мы приходим к выводу, что цвет "grey" ассоциируется с преклонным возрастом и мудростью (*greybeard, a* – старик, *grey hairs* – старость).

Цветовой компонент "purple" имеет в составе своего лексического значения коннотат "лучший" (*born to the purple* – знатного рода).

Как мы видим, ФЕ с цветовым компонентом широко представлены в английском языке и являются специфичными для англоязычной КМ, которую можно назвать неповторимой, отличной от объективно существующей, что обуславливается национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которая порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Принципы исследования фразеологической семантики // Фразеология – 2000. – Тула, 2002.
2. Гуревич А.Я. Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры. – М., 1990.
3. Красавский Н.А. Образы эмоций в русской языковой картине мира // Русский язык в школе. – 2002. – № 2.
4. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. – М., 1997.
5. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М., 1985.

Безличные формы и безличные глаголы в пословицах

Кацюба Л.Б.

Челябинск

В рамках данной статьи мы рассмотрим безличные формы и безличные глаголы в пословицах. Нами проанализирован сборник «Пословицы русского народа» В.И. Даля с точки зрения наличия в пословицах личных форм глагола, их количественного соотношения, принадлежности к одной из трех форм лица, их значения. По материалам сборника была составлена оригинальная картотека из 1745 глагольных единиц в 5140 употреблениях, содержащихся в 3285 пословицах.

В нашем материале представлены факты употребления личных форм в безличном значении и безличных глаголов. Такие примеры (98 пословиц) содержат 50 глагольных единиц в 215 употреблениях. Эту немногочисленную группу единиц представляют такие глаголы как: *рвет, прет, свербит, отпрыгается, спится, хочется, сбудется, надует, затаит, наскучило, тянет, горчит, слюбится, родилось, годилось, досталось, живется, ведется* и другие.

Безличное значение может реализоваться глаголом в форме 3 лица единственного числа настоящего, будущего времени или в форме прошедшего времени единственного числа среднего рода при обозначении действия (поступка, свойства, состояния), совершающегося как бы самопроизвольно, без участия субъекта. При этом семантический субъект не теряет способности к восстановлению, хотя формально не представлен в предложении. В таких случаях мы говорим о безличном употреблении личных форм, например: *С ветру пришло, на ветер и пошло; Большая лошадь хозяину не по двору: травы не достанет; Не пройдет без греха, у кого жена лиха; Над кем стряслось, над тем и сбылось; По усам текло, да в рот не попало; Достается сычке от своего язычка.*

Как показал наш материал, глаголы в форме 3 лица единственного числа настоящего, будущего времени и глаголы в форме прошедшего времени единственного числа среднего рода примерно равны в количественном отношении в реализации безличного значения в пословицах.

Отличные от безличных форм, самодостаточные, безличные (или, как их еще называют, собственно-безличные, которые древнее безличных форм)

глаголы также представлены в нашей картотеке. Субъект при них отсутствует и не может быть восстановлен формально: *Неправдою жить – не хочется, правдою жить – не можетя; Каково живется, таково и спится.*

Фундаментальные исследования вопроса о безличном употреблении форм 3 лица, о безличных глаголах, а также процессах устранения лица отражены в работах отечественных и зарубежных ученых. Согласимся с мнением В.В. Виноградова о том, что «детальная классификация всех случаев безличного употребления личных глаголов – дело синтаксиса». Безусловно, в предложении определенной структуры и определенной семантической модели (содержательной стороны предложения) личный глагол раскрывает свою способность получать безличное значение и наилучшим образом реализовать его. Однако не каждый личный глагол может проявить себя в этом качестве. Семантическая, точнее семантико-грамматическая, уникальность глагола определяет его место «организатора» структурно-семантического типа предложения. Как утверждает Т.П. Ломтев, «слова, входящие в состав предложения, связывает в одно целое только глагол – в личной или нулевой форме». Наблюдение за употреблением и функционированием безличных глаголов, как и безличных форм, эффективно в лоне предложения.

При анализе данных конструкций было выделено несколько типов употребления безличных форм и безличных глаголов (мы использовали некоторые названия лексических типов безличных глаголов вслед за В.В. Виноградовым и типов безличных синтаксических конструкций вслед за Е.М. Галкиной-Федорук), по которым глагольные лексемы распределились на группы.

Глаголы со значением: 1) бытия, существования, состояния и небытия, несуществования (по классификации Н.Ю. Шведовой). Эта группа самая представленная, глаголы характеризуются высокой частотой употребления и постоянством репрезентации двух базовых глаголов – *быть (бывать), стать: Есть в мошне, так будет и в квашне; От мертвого худа не бывает, а от живого добра; Где ни будет, а от наших рук не отбудет; От счету не убудет (а от недочету убывает); Семь лет маку не родило, а голоду не бывало; На корову стало, так хватит и на подойник; Много бывает, а лишних не бывает; На балалайку станет, и на кабак станет, а на свечку не станет; 2) «безвольности», самопроизвольности действия, то есть действие производится независимо от желания, воли субъекта. Все глаголы этой группы имеют морфему -ся, возвратные (группа достаточно широко представленная): *Плохо можетя, так и нездоровитя; Не спится, не лежитя, все про милого груститя; Рано всталось, да мало наткалось; Смолоду не богателось, а под старость захотелось; Где чаея радостно, там встретитя горестно; Говоря про людей, устанетя, а слушая про себя, достанетя; Весело поетя, весело и прядетя; К пиву едетя, а к слову молвитя; 3) физических ощущений внутреннего свойства и психических процессов: *На кого была надежда,***

того-то и **разорвало**; Ленивому **не болит** в хребте; Где **не свербит**, нечего и драть; Село, что животы **подвело**; Село **свело**, а барина **скорчило**; Кому первоучина, а иному и **наскучило**; Счастливому и в зубах **вязнет**; **Вынесет** – наш, **не вынесет** – божий; 4) ощущения от внешних факторов (восприятия органами обоняния): От хозяина чтоб **пахло** ветром, от хозяйки дымом; Сер козел, сед козел, а все псиной **несет**; **Не сквернит** в уста, а **сквернит** из уст; От дегтярного торгаша дегтем и **воняет**; 5) физического действия: Хоть пусто, да **звонит**; Под носом **взошло**, а в голове не посеяно; Мило, пока не **простыло**; Посеяно с лукошко, так и **выросло** немножко; Где **пригрело**, там и **село**; Легко **пришло**, легко и **ушло**; 6) проявления сверхъестественных сил: Кому **вынется**, тому **сбудется**: **не минуется**; Кого **минует**, того и **обнесет**; **Надобно жить**, как **набежит**; **Удастся** и червячку на веку; **Удастся** – квас, **не удастся** – кислы щи; 7) природные явления: Весною **сутки мочит**, а час **сушит**; Рано **затает** – долго **не растает**; 8) действие стихии посредством какого-либо орудия: Ветром море **колышет**, молвою – народ; Кому **быть** на виселице, того и грозою **не убьет**.

В анализируемом материале представлены единичные факты пословиц модели сложного предложения с объединением двух из вышеперечисленных значений глаголов: **Не было** дегтю, так и **не горчит** (значение бытия и физического внутреннего ощущения); **Хотелось** на коня, а **досталось** под коня и **Где ведется**, там и на щепу **прядется** (значение проявления сверхъестественной силы (здесь судьбы) и самопроизвольного действия); **Меньше врется** – спокойнее **живется** (значение самопроизвольного действия и бытия с оттенком самопроизвольности действия); **Кому не годилось**, а нам **полюбилось** (значение бытия с оттенком полезности и психического процесса с оттенком самопроизвольности действия) и другие.

Представленные в нашем материале факты употребления безличного типа значения личных форм глагола и безличных глаголов составили менее 3 % от общего количества единиц, что резюмирует нехарактерность, несвойственность категории безличности для пословицы. (Любопытно, что для русской волшебной сказки безличные глаголы – форма также непродуктивная). В этом просматривается устойчивая закономерность. В пословице всегда отражается личный, активный деятель. Отвлеченность категории безличности подчеркивает антропоцентричность пословицы, усиливает ее «личность», косвенно воссоздавая представления о лице.

Все случаи проявления безличных форм и безличных глаголов в пословицах так или иначе связаны с человеком, с его внутренним, физическим, психическим, душевным состоянием, либо квалифицируют какие-либо действия, явления, свойства, состояния, процессы природы и окружающего мира, что выражает результат наблюдений человека и опыт человека: **не спится**, **грустится**, **удается**, **не ложится мне** (тебе, ему, богатому, бедному и т.д., то есть любому человеку); **минует**, **пронесет** (судьба, бог, иные сверхъестественные силы) **меня** (тебя, его и т.д., то есть любого человека).

Таким образом, в пословицах используется личный тип глагольных форм. Безличность как явление морфолого-синтаксического уровня в пословице сведена к минимуму, а в семантико-смысловом отношении отвергнута вообще.

И, наконец, этап перехода от личного к безличному значению – устраненное значение форм 3 лица единственного числа настоящего и прошедшего времени среднего рода на нашем материале проследить не удалось. В классическом понимании значение устраненного лица глагол приобретает в случае, когда говорящий замечает и называет только действие, при этом субъект, производящий это действие, остается в тени. О субъекте говорящий имеет представление, но умалчивает о нем по каким-либо причинам, или субъект до конца не известен автору. Об этом явлении писал еще немецкий языковед В. Мейер-Любке в своей «Грамматике романских языков»: «...говорящий ...замечает одно лишь действие, не заботясь о творце этого действия или не имея возможности создать себе представление о таком...». Факт отсутствия в исследованном материале значения устраненного лица глагола показателен, поскольку подтверждает особую значимость деятеля, особое место «творца» действия в пословице.

Фразеологизмы с компонентом «час» в поэзии В. Ходасевича

Коршкова Е.А.

Курган

Фразеологизмы с компонентом «час» занимают важное место в языковой картине мира В. Ходасевича, так как они включены в круг фразеологических единиц, описывающих время. Поэтому анализ фразеологизмов с компонентом «час» позволяет, во-первых, раскрыть особенности функционирования этих единиц в поэзии и, во-вторых, описать время в индивидуальной фразеологической картине мира В. Ходасевича.

По данным нашей картотеки, лексема **час** обладает большей фразеобразовательной активностью в поэтических текстах В. Ходасевича, чем другие слова, обозначающие минимальные отрезки времени: фразеологизмов с компонентом «час» нами зафиксировано 26, с компонентом «миг» - 14, с компонентом «минута» - 1 единица, фразеологизмов с компонентами «секунда» и «момент» мы не обнаружили. Отсюда следует, что в сознании поэта минимальные, эмоционально-насыщенные промежутки времени сосредоточены, прежде всего, в «часах».

Фразеологизмы с компонентом «час» имеют разное категориальное значение - предметное, процессуальное, качественно-обстоятельное, грамматическое и модальное. Наиболее многочисленны предметные фразеологизмы (68 % от общего числа фразеологизмов), которые построены по моделям «сущ. + прил.» и «сущ. + сущ. в Р. п. ». Благодаря возможности различного наполнения названных фразеологических моделей, предметные фразеологизмы с компонентом «час» ярко и разнообразно отражают особенности авторского восприятия времени, в отличие от фразеологизмов других семантико-грамматических классов.

Грамматически главный компонент «час» формирует предметную семантику фразеологизма. Попадая в состав фразеологической единицы, слово «час» частично утрачивает свое лексическое значение - «промежуток времени, равный 60 минутам, одна двадцать четвертая часть суток» [2, 865]. Моменты времени, обозначаемые фразеологизмами с компонентом «час» называют не конкретный временной промежуток, а поэтический образ времени, заложенный в поэтическом фразеологизме. Грамматически подчиненный компонент, выраженный прилагательным («сущ. + прил.») или существительным («сущ. + сущ. в Р. п.»), формирует индивидуальную семантику фразеологизма. Все это позволяет В. Ходасевичу создавать окказиональную фразеологию по общеязыковым моделям.

Предметные фразеологизмы модели «сущ. + прил.» могут обозначать время, наделенное за счет прилагательных разнообразными характеристиками - положительными (*желанный час, вдохновенный час, покойные часы*) либо отрицательными (*песий час, безысходный час, неясный час, страшный час*). Фразеологизмы данной модели, описывая время суток, называют не конкретное утро, ночь, вечер, а философски обобщенный отрезок жизни, где сконцентрированы ощущения автора (*утренний час, вечерний час, лунный час, ночной час*). По модели «сущ. + сущ. в Р. п.» построены фразеологизмы, которые обозначают начальные и конечные точки отчета человеческого бытия (*час рожденья, час смерти*), а также обозначают моменты покоя, наслаждения жизнью (*час отдохновенья, час мира, час мечты, час (желанного) покоя*).

Индивидуальное значение фразеологизмов создается семами компонентов, входящих в него, и поэтическим контекстом. Например, поэтическое наименование *лунный час* представляет собой образ, назначение которого нарисовать картину уходящего дня, что символически ассоциируется с потерянным счастьем: «А день бежит, и доцветают розы \ В *вечерний, лунный, в безысходный час*, \ И, может быть, рассерженные слезы \ Готовы хлынуть из огромных глаз» («Счастливый домик»). Значение единицы *лунный час* – «*безрадостный момент грусти об уходящем счастье*». Не случайно, характеризуя момент времени, автор использует разные прилагательные, расположенные по градации, и создает три поэтических фразеологизма, которые дополняют значение друг друга: в это время еще светло (*вечерний*), но свет этот не яркий (*лунный*), он не приносит радости (*безысходный*).

Особенностью предметных фразеологических единиц с компонентом «час» является специфика их употребления в поэтических текстах. Для фразеологизмов модели «сущ. + сущ. Р.п.» и «сущ. + прил.» в поэтическом творчестве В. Ходасевича характерна форма винительного падежа с предлогом «в», что сближает значение этих единиц с классом качественно-обстоятельственных фразеологизмов. Рассмотрим, например, фразеологизм *час желанный*: «И ныне знаю: *в час желанный* — / За миг мученья — вознесусь. / Последней Правдой осиянный, / Меня обнимет Иисус!» («Пилат»). Единица *час желанный* соотносится по значению с наречием

времени, однако предметное значение актуальнее качественно-обстоятельственного, так как речь идет не об указании на конкретное время, а о характеристике времени, значение которого – «*момент исполнения желания*», а в данном контексте также «*момент избавления от страдания и мучения*». Поэтому мы считаем этот фразеологизм и единицы, подобные ему, предметными.

Качественно-обстоятельственных фразеологизмов с компонентом «час» в поэтических текстах В. Ходасевича в нашей картотеке немного. Поэт употребляет фразеологизмы *в тот час, в этот час, в такой час*, имеющие значение «*в этот момент, в это время*». В стихотворении «Время легкий бисер нижет» В. Ходасевич создает окказиональный фразеологизм *час за часом*, который является трансформацией узуальной единицы *день за днем* – «*однообразно, без каких-либо изменений, событий*». Поэт употребляет фразеологизмы *час за часом* рядом с единицей *день ко дню*, которая представляет собой преобразование узуального фразеологизма *изо дня в день* и имеет значение «*ежедневно, беспрестанно*». Использование приема градации позволяет Ходасевичу создать яркий образ равнодушного к человеку времени: «Время легкий бисер нижет: \Час за часом, день ко дню... \Не с тобой ли сын мой прижит? \Не тебя ли хороню? \Время жалоб не услышит! \Руки вскину к синеве.- \А уже рисунок вышит \На исколотой канве». В общем представлении о времени в поэтической картине мира В. Ходасевича качественно-обстоятельственные фразеологизмы вносят указание на момент протекания действия или явления, а также на бессмысленность и однообразие протекания времени, которое «легкий бисер нижет»; часы и дни уподобляются бисеру, каждый день и час – звено в бесконечной бисерной нитке.

Процессуальные фразеологизмы с компонентом «час» в нашей картотеке немногочисленны. Единицы этого класса представляют собой авторские трансформации узуального фразеологизма *час пробил* – «*настало время, пришла пора для чего-либо*». Например: «За буйный нрав меня не раз /Из королевства изгоняли /Но приходил, однако, час» («Я сердцеед, шутник, игрок...»). «Спи. Я бодрствую, бессонный... /Близок час, но не настал». («Спящей»). Для процессуальных фразеологизмов в стихах В. Ходасевича характерно дистантное расположение компонентов.

Грамматические и модальные фразеологизмы не свойственны поэзии В. Ходасевича, но и они участвуют в формировании общей картины времени поэта. Фразеологический союз *в час когда* употребляется три раза в стихотворении «Закат», где обозначает одновременное протекание событий, соприкосновение двух ситуаций во времени: «*В час, когда* пустая площадь \ Желтой пылью повита, \ *В час, когда* бледнеют скорбно \ Истомленные уста,— \ Это ты вдали проходишь \ В круге красного зонта. \ Это ты идешь, не помня \ Ни о чем и ни о ком, \ И уже тобой томятся \ Кто знаком и не знаком,- \ «*В час, когда* зажегся купол \ Тихим, теплым огоньком». Модальный фразеологизм с компонентом «час» представляет собой устойчивую формулу речевого этикета и включает вопрос о конкретном

времени: «...И еле внятно \ Мне слышен голос барышни: «Простите, \ *Который час?* » («Путем зерна»).

Рассмотрев фразеологизмы разных семантико-грамматических классов с компонентом «час» в поэзии В. Ходасевича (предметные, процессуальные, качественно-обстоятельственные, грамматические, модальные), мы увидели, насколько разнообразна их семантика. Нами не были обнаружены фразеологизмы с компонентом «час», относящиеся к атрибутивно-предикативным и количественным фразеологизмам, что связано с фразеобразующими особенностями компонента «час».

Лингвистический аспект описания фразеологизмов с компонентом «час» не в полной мере отражает их место в языковой картине мира В. Ходасевича. Раскрытие их роли и своеобразия в художественно-эстетических и философских обобщениях категории времени позволяет провести лингвокультурологический анализ. Сделаем некоторые замечания о времени в поэзии В. Ходасевича, дополняющие выводы, сделанные на основе анализа семантико-грамматических классов исследуемых фразеологизмов. «Часы» Ходасевича - минимальные отрезки времени, насыщенные эмоциональными переживаниями и соотносящиеся с разными сферами бытия. Фразеологизмы с компонентом «час», следовательно, можно соотнести с бытовым, бытийным и аналитическим временем [1,104].

Сфера описания бытового времени – повседневность, которая поддается счету, измерению; это время помнится и переживается (время эмоций и настроений). Его описывают, например, фразеологизмы *утренний час, вечерний час, час за часом*. Бытийное время касается событий, которые выведены из круга повседневности. События эти не могут быть запланированы, так как они уникальны, незабываемы, особенно значимы для поэта, соотносимы с духовной сферой человека. К этому времени можно отнести единицы *час рожденья, час смерти, страшный час, час вдохновенья, час настал*. Лирика В. Ходасевича философична по сути, поэтому фразеологизмов, которые называют бытийное время, в нашей картотеке большинство – 70 % от общего числа единиц. Аналитическое время – время стечения обстоятельств и сплетения событий самой разной природы и масштаба. Круг этого времени очерчивают, например, фразеологизмы *в тот час, в такой час*.

Анализ фразеологизмов с компонентом «час» показал, что особенности функционирования фразеологических единиц с компонентом «час» в поэтическом мире В. Ходасевича обусловлены творческим отношением автора к языку. В. Ходасевич создает окказиональную фразеологию по общеязыковым моделям. Значение фразеологизмов формируется при участии лексических компонентов, которые, характеризуя опорное слово, вносят свои семы во фразеологическое значение внутри поэтического контекста. Лингвокультурологический аспект анализа позволил выделить три пласта времени в индивидуальной фразеологической картине мира В. Ходасевича (бытовое, бытийное, аналитическое) и преобладание бытийного времени,

характерного для творческого, философского мышления автора и его художественного мира.

Литература

1. Коршкова Е. А. Предметные фразеологизмы с пространственным и временным значением в стихах Вл. Ходасевича // Сборник научных трудов аспирантов и соискателей курганского гос. университета. - Курган: Издательство КГУ, 2002. - С. 101 – 104.
2. Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений.- 2-у изд., испр. и доп.- М.: АЗЪ, 1995.- 928 с.

Семантическая структура ФЕ сферы эмоциональных состояний

Косякова Ю.Г.

Омск

Наиболее актуальной и дискуссионной в современной лингвистике является проблема формирования семантической структуры ФЕ. В исследованиях В.В. Виноградова, А.М. Бабкина, Р.Н. Попова, В.П. Жукова, Ю.А. Гвоздарева, В.М. Мокиенко, А.М. Чепасовой, А.М. Мелерович, Н.Ф. Алефиренко, Ю.П. Солодуба и других рассматривается сложная структура фразеологического значения, выявляются семантические преобразования слов при формировании фразеологического значения.

При анализе фразеологического материала мы использовали основные идеи концепции А.М. Чепасовой, в соответствии с которой в основе семантической организованности ФЕ лежит способность последних иметь типологически однородную со словом, группой слов, семантической категорией и целым классом слов семантическую структуру. Кроме того, данная концепция позволяет выявить механизм преобразования слова в компонент ФЕ, поскольку "при формировании ФЕ на основе нефразеологического словосочетания каждое слово словосочетания утрачивает семантическое ядро, сохраняя отдельные специфические семы, из которых возникает другое, новое ядро новой языковой единицы - ФЕ". Т.о. сущность механизма фразеобразования заключается в том, что отдельные семы из лексических значений слов-компонентов актуализируются и, взаимодействуя друг с другом, формируют новую фразеологическую семантику; остальные семы при этом погашаются, деактуализируются. Эта идея получила свое развитие в работах многих современных фразеологов. Так, В.А. Лебединская описывает механизм фразеобразования как трансформацию лексических значений компонентов, которые в процессе фразеологизации подвергаются разнообразным преобразованиям, в результате чего "...они исчезают как факт автономной номинации, превращаясь в один или несколько семантических элементов сложного по своей семантической структуре фразеологического значения. Во ФЕ происходят редукция, интеграция и переинтеграция семантических элементов, заложенных в исходном первоисточнике - свободном словосочетании, где эти семантические элементы формируются на базе

отдельных компонентов и всей грамматической структуры словосочетания". Н.Ф. Алефиренко отмечает, что "в процессе фразообразования происходит перераспределение ранговых позиций фразообразующих сем, иное их взаимодействие, деактуализация одних и возникновение других. В результате такой качественной трансформации семного состава компонентов синтезируется обобщенно-целостное значение фраземы". "Становясь компонентом ФЕ, - подчеркивает Е.Р. Ратушная, - слово испытывает семантические преобразования на уровне категориального, субкатегориального и индивидуального значения. Степень и характер семантических трансформаций различны и непосредственно связаны с ролью компонента в синтаксической структуре ФЕ. В роли грамматического центра ФЕ выступает грамматически главный компонент, способный предопределять не только категориальную, но и субкатегориальную семантику ФЕ.

ФЕ, выражающие эмоции, в соответствии с типами категориальных значений, относятся к разным семантико-грамматическим классам:

1. Основную часть состава ФЕ эмотивной семантики (297 единиц) составляют процессуальные ФЕ, грамматически главным компонентом которых является компонент - глагол, формирующий у ФЕ категориальное значение действия (воспрянуть духом-*regrendre le courage*, выйти из себя - *sortir de ses gonds*, метать громы и молнии - *jeter feu et flammes*, надрывать душу - *dechirer l'ame*, не находить себе места - *etre comme une ame en peine* и многие другие). Это объясняется тем, что эмоция, по большому счету, - это реакция человека на различные факторы воздействия на него, а реакция есть действие. В классе процессуальных ФЕ выделяются несколько групп в соответствии с типом эмоционального состояния. Подобные аналогии отмечены нами и во французском языке: а) психическое состояние: *упасть духом (perdre le courage)* - *расстроиться, огорчиться, потерять самообладание*; *вешать/повесить нос (baisser l'oreille)* - *загрустить, расстроиться*; б) переход из одного состояния в другое: *выйти из себя (sortir de ses gonds)* - *потерять самообладание, придя в состояние крайнего раздражения*; *потерять терпение (perdre patience)* - *утратить выдержку, перестать владеть собой, дать волю эмоциям*; в) воздействие на кого-либо: *довести до бешенства (mettre qn en rage)* - *вывести кого-либо из терпения, вызвать потерю самообладания*; *возгнать в краску (faire rougir qn)* - *заставить испытывать чувство стыда, неловкости*; *надрывать душу (dechirer l'ame)* - *причинять душевные страдания*; г) состояние - оценка: *кусать /себе/ локти (se mordre les goigts)* - *очень сильно сожалеть, сокрушаться о непоправимом, упущенном*; *не знать куда деваться (ne savoir ou se fourrer de honte)* - *испытывать волнение, неловкость*; *чувствовать себя дискомфортно*; *плакать горькими/горючими слезами (pleurer a chaudes larmes)* - *сильно переживать, сожалеть о чем-либо*.

2. Широко представлены качественно-обстоятельственные ФЕ (74), обозначающие признак или степень проявления эмоционального состояния: *горя мало (ca lui est bien egale)* - *кому-либо все нипочем, все легко без*

волнений, все безразлично; хуже горькой редьки (*en avoir marre*) – что-либо невыносимо надоело, раздражает.

3. Среди эмотивных ФЕ есть призначные (69), обозначающие признак или свойство испытываемой эмоции: *на седьмом небе (au septieme ciel)* - безгранично счастлив, глубоко удовлетворен, сам не свой (*comme une ame en peine*) - сильно взволнован, потрясен, расстроен.

4. ФЕ эмотивной семантики представлены также и классом предметных ФЕ (20), в котором выделяется: а) группа единиц, обозначающих чувства, настроения, переживания: *крокодиловы слезы (larmes de crocodile)* - притворное, неискреннее сожаление; *тоска зеленая (c'est a mourir d'ennyil)* - состояние необычайной тоски; *телячий восторг (gaeite folle)* – состояние крайнего восхищения, упоения чем-либо; *больное место (endroit sensible)* - что-либо причиняющее душевные страдания; ад крошечный (*enfer profond*) – невыносимо тяжелое душевное состояние; б) группа единиц, называющих что-либо, при этом ярко эмоционально характеризую называемое, т.е. ФЕ, у которых эмоциональная оценка является обязательным, а зачастую и преобладающим элементом значения: *бабы сказки (contes bleus)* - нечто вызывающее пренебрежительное отношение, *небылицы*; *ворона в павлиньих перьях (geai pare des plumes du paon)* – человек тщетно пытающийся казаться более важным, значительным, чем есть, и этим вызывающий иронию, насмешку; *мокрая курица (poule mouillee)* – человек, имеющий жалкий вид, подавленный и растерянный, вызывающий сожаление, иногда презрение.

ФЕ всех вышеназванных классов относятся к номинативной фразеологии, т.е. являются обозначениями различных сторон объективного мира и, следовательно, средством обозначения понятий.

5. За пределами этих классов находятся модальные ФЕ, служащие средством выражения разнообразных эмоциональных и рациональных отношений говорящего к высказываемой мысли. Так, например, ФЕ *боже мой! черт возьми! надо же!* могут выражать восторг, радость, удивление, разочарование, огорчение, возмущение, раздражение. Большинство модальных ФЕ могут выражать несколько эмоциональных состояний и зачастую диаметрально противоположных (восхищение и разочарование, радость и огорчение и т.п.). Термин «модальные ФЕ» является самым общим. ФЕ этого класса, выражающие эмоции, принято называть МЭИ (междометные эмоциональные идиомы).

В последнее десятилетие профессор Р.Н. Попов и его последователи активно ведут ономазиологические исследования, в рамках которых дискутируется вопрос о номинативном характере любой единицы языка. «Мы исходим из положения о том, что в языке нет не номинативных единиц, - пишет Р.Н. Попов, - можно говорить лишь о специфическом характере проявления номинативной функции каждой языковой единицы: существительного, глагола, междометия, союза, не принимая во внимание деление единиц языка на знаменательные и незнаменательные. Согласно этой точке зрения все виды языкового обозначения какого-либо факта,

события могут рассматриваться как явление номинации». Следовательно, и эмоциональные процессы можно рассматривать как явление номинации, так как «номинация является категорией, пронизывающей весь языковой материал и в самом общем виде соединяющей экстралингвистические явления с языковыми».

Во фразеологии русского языка проблемы МЭИ затрагивались в работах В.В. Виноградова, В.Г. Гака, В.Н. Телия, А.А. Уфимцевой, но они не были специальной темой исследования. Тем не менее, В.Г. Гак не раз обращался к этому вопросу в своих работах. Он определяет МЭИ как «устойчивые по форме, воспроизводимые, экспрессивные сочетания слов, обладающие целостным, как правило, переносным значением и служащие для выражения человеческих эмоций и оценок». В лингвистике французского языка подобные языковые единицы упоминаются в работах Р. Галиссона, где они также не являются целью исследования. Однако профессор Р. Галиссон справедливо отмечает, что «междометные фразеологические единицы, как и междометия, являются отличительной чертой устной речи, преимущественно разговорного стиля». В художественной литературе, - считает Р. Галиссон, - МЭИ используют в монологах и репликах персонажей, чтобы создать более яркую картину душевных переживаний и эмоционального состояния героев, находящихся в той или иной ситуации. Поскольку МЭИ не выражают понятия, а выражают только эмоции, то их лингвистическая сущность определяется в большей степени их значением и назначением, нежели особенностями строения.

Мы солидарны с учеными, выносящими МЭИ за пределы номинативной фразеологии, поскольку они подобно междометиям лишь выражают эмоции и отношения, не называя элементы объективной реальности, не имеют парадигматических форм, синтаксически не связаны со словами в предложении и выступают как самостоятельные и обособленные речевые единицы. Однако подчеркнем, что именно МЭИ, как никакие другие языковые единицы, способны к передаче всего многообразия субъективных ощущений человека. Это связано с основным категориальным значением МЭИ, каковым является выражение субъективного (модального) отношения говорящего к окружающему миру. Фразеологическое значение МЭИ образуется из сохранившихся семантических элементов компонентов ФЕ и грамматического значения синтаксической модели, которую эти компоненты составляют. Учитывая способность МЭИ выразить несколько эмоциональных состояний, следует признать, что большую роль в уточнении значения МЭИ играют контекст и интонация.

В итоге отметим, что описанный нами категориальный уровень семантической организованности ФЕ является наиболее общим и крупным в системе значения. На этом уровне ФЕ соотносительны со словами. Субкатегориальный уровень и уровень групповой относительности семантики ФЕ требует более детального рассмотрения материала, поскольку в образовании ФЕ эмотивной семантики принимают участие части речи, имеющие разную субкатегориальную и групповую отнесенность, их

фразеобразовательная активность различна, что связано с различными внутри- и внелингвистическими факторами. Кроме того, наш материал показал, что внутри фразеологии для выражения эмоциональных состояний и отношений существует два способа: номинативный (большая часть ФЕ) и неноминативный (МЭИ).

Литература

1. Чепасова А.М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов. - Челябинск, 1983.
2. Лебединская В.А., Усачева Н.Б. Семантика процессуальных фразеологизмов. – Курган, 1999.
3. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в системе современного русского языка. – Волгоград: Перемена, 1993.
4. Ратушная Е.Р. Семантическая структура фразеологизмов в процессе ее формирования и функционирования. – Курган, 2000.
5. Попов Р.Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. – М.: Высшая школа, 1976.
6. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – М.: Просвещение, 1989.
7. Galisson R. Ordre du texte, ordre de discours. Etudes de Linguistique Appliquee № 21, Paris, 1992.

Антонимические отношения процессуальных фразеологизмов психического состояния в военных рассказах В.М. Гаршина

Котлярова Г.Д.
Челябинск

Мы обратили внимание на язык произведений В.М. Гаршина, а именно на процессуальные фразеологизмы психического состояния в военных рассказах («Четыре дня», «Трус», «Из воспоминаний рядового Иванова»), т.к. помещение героев в экстремальные и пограничные ситуации, например между жизнью и смертью, позволяет писателю наиболее полно раскрыть и показать их внутреннее состояние.

В ходе анализа единиц используем термин *психическое состояние*, под которым мы понимаем психологическую категорию, в состав которой входят «разные виды отражения воздействия на субъекта как внутренних, так и внешних стимулов без отчетливого осознания их предметного содержания» (4, 293); его примерами могут быть бодрость, усталость, апатия, депрессия, отчуждение, утрата чувства реальности, скука и т.п. К психическим состояниям относятся и эмоции, которые сопровождают почти любые проявления активности субъекта. Эмоции – это психические процессы, связанные с инстинктами, потребностями и мотивами, отражающиеся в форме непосредственного переживания значимости действующих на индивида явлений и ситуаций внешнего мира.

Фразеологизм (фразеологическая единица) – общее название семантически связанных сочетаний слов, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с

общими закономерностями выбора слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава. Большинство фразеологизмов обладает экспрессивно окрашенным значением, которое несет сведения и о стилистической значимости фразеологизма. Мы обратились к процессуальным фразеологизмам, которые обозначают разнообразную деятельность человека, моральное или физическое состояние человека, переход из одного состояния в другое, различные чувства, переживания, желанья. Процессуальные фразеологизмы обладают сложной семантической структурой, то есть способны обозначать одновременно действие и состояние или действие и отношение, но главное здесь то, что значение фразеологизмов передается глаголом или глагольным словом.

Антонимические отношения – это тип семантических отношений, возникающих между словами-антонимами и фразеологизмами-антонимами. Для появления антонимических отношений между языковыми единицами необходимо наличие качественного признака в значении слова, который может градуировать и доходить до противоположного, а также общего логического основания, объединяющего взаимоисключающие понятия, вербализованные в словах-антонимах и фразеологизмах-антонимах. Антонимы – очень сильное стилистическое средство языка. Они нужны для передачи контрастов, для осуществления приема антитезы в ораторской и поэтической речи. Во фразеологии антонимические отношения представлены в гораздо меньшей степени, как показывают и наши наблюдения. Среди фразеологизмов-антонимов встречаются как одноструктурные, так и разноструктурные, как внешние (фразеологизм антонимичен слову), так и внутренние (в антонимическом ряду оказываются только фразеологизмы).

Так, внешними антонимами являются фразеологизмы *отдать жизнь* и глагол *уклоняться*: «...и всякий хотел найти в слове этого одного и в движении его руки неведомое, что вело нас на смерть. «Ты ведёшь нас, - думал каждый, - тебе мы *отдаём* свою *жизнь*; смотри на нас и будь покоен: мы готовы умереть» (1, 197); «Вот что: по-моему, война есть общее горе, общее страдание, и *уклоняться* от неё, может быть, и позволительно, но мне это не нравится» (1, 68). Используя эти антонимы, автор убеждает нас в том, что его герои – люди смелые, совестливые, чувствующие свою ответственность за совершающееся в мире зло, они понимают всю бесполезность военных действий, но всё же идут в бой, потому что «...всё равно она [война] будет, и если не пойдёте драться вы, возьмут другого, и всё-таки человек будет изуродован или измучен походом» (1, 68). В сущности, у Гаршина только один герой, но в разных мирах, – это человек, задумавшийся над самим собою, над окружающим его миром с его горем, несправедливостью и страданием. Оказавшись на поле боя, герои Гаршина страдают не только от мук физических, но и от мук душевных. Так, герой рассказа «Четыре дня», лёжа с перебитыми ногами рядом с гниющим трупом его врага турка, пытается преодолеть желание покончить с собой, потому что не хочет такой смерти: «Нет, не нужно *падать духом*; буду бороться до

конца, до последних сил.<...> Быть может, кости не тронуты; меня вылечат» (1, 33). Также оптимистичен герой рассказа «Из воспоминаний рядового Иванова»: «...идти было слишком тяжело. Ноги скользят, и люди часто падают в липкую грязь. Крепкая ругань раздаётся по батальону. Один Фёдоров *не вешает носа* и без усталости рассказывает мне историю за историей...» (1, 177). Здесь автор использует антонимы *падать духом* и *не вешать носа* не для того, чтобы противопоставить состояния героев, попавших на войну, а чтобы убедить читателя в том, что эти люди твердо уверены в своей миссии искоренить это зло во что бы то ни стало, даже если это будет стоить им собственной жизни. Но так происходит не всегда. Иногда герои не выдерживают и «*приходят в отчаяние* и плачут...» (1, 35). И это нормально на войне, именно так считает автор и выражает своё мнение через антонимы *не вешать носа* и *приходить в отчаяние*. Рисуя переживания героев, Гаршин заостряет трагизм жизненных ситуаций. Любое происшествие перерастает у Гаршина бытовые рамки и становится в сознании героев трагедией всечеловеческого значения.

Герои Гаршина, психологически неспособные избавиться от ощущения собственных недостатков, неудовлетворенности, неудач, уходят все глубже в себя, что умножает их мучение, но возвеличивает в глазах критиков и читателей. Они пытаются не думать, как герой рассказа «Четыре дня», но ему некуда бежать от своего сознания и своей совести. Гаршин стремится через переживания своих героев передать читателю потрясение человека, осознавшего свое бессилие в борьбе со злом, но не изменившего своему нравственному долгу. Любовь, бескрайняя, самоотверженная, слышна во всех рассказах Гаршина, к трусу ли, не желающему идти под пули без цели, или к солдату, во что бы то ни стало пытающемуся выжить, чтобы искоренить все зло. Гаршин любит всех своих героев, потому что считает, что человек и человеческая жизнь – это высшая ценность на земле.

Литература

1. Гаршин В.М. Рассказы. Статьи. Письма.– М.: Олимп, Аст, 2000. – 544с.
2. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов: Учебное пособие для институтов.– М.: Просвещение, 1978. – 160 с.
3. Лебединская В.А. Процессуальные фразеологизмы современного русского языка: Уч. пособие по спецкурсу – Челябинск: ЧГПИ, 1987. – 80 с.
4. Психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Педагогика-Пресс, 1999. – 440 с.
5. Порудоминский В.Н. Грустный солдат, или Жизнь В. Гаршина. – М.: Книга, 1986. – 285 с.
6. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.Н. Молоткова. – М.: Сов. энциклопедия, 1967. – 543 с.

Фразеосемантическое поле смерти в поэзии Анны Ахматовой

Кудрина Н.В.

Курган

Тема смерти занимает одно из важных мест в философии, искусстве и литературе, потому что смерть – это не только трагедия, но и непостижимая тайна. На протяжении всей истории человечества смерть воспринималась как завершение жизненного пути и как абсолютный предел. Необходимость усвоения факта неизбежности смерти и примирения с нею обусловили интерес к этой теме в мировой литературе.

Обращение А. Ахматовой к теме смерти было не случайно. Тенью через всё её детство пролегла смерть четырёхлетней сестры Ирины; две другие сестры – Инна и Ия - умерли от туберкулёза соответственно в 22 и 28 лет, сама Ахматова в молодости лечилась от этой болезни. Опыт встречи со смертью других людей, общение с умирающими нашли своё отражение в поэзии Ахматовой. Кроме того, тема смерти была традиционной для русской литературы XX века: революции и войны, разрушение традиционных гуманистических ценностей породили внутренний кризис человека, проявившийся в «пафосе самоуничтожения в русской литературе 20-30 годов» (Старостин, 1999), в романтизации смерти. Ахматова, будучи поэтом своего времени, отразила эту тенденцию русской литературы, например, в поэме «У самого моря», в «Поэме без героя», но в целом её отношение к смерти соответствовало христианскому мировосприятию, согласно которому физическая жизнь человека – это конечный отрезок пребывания души в смертном теле, сама же душа бессмертна. В творчестве А. Ахматовой смерть, подобно жизни, предстаёт как особая реальность. Поиск смысла смерти для человека всегда трагичен, но жизнь и смерть взаимосвязаны в ряду загадок бытия.

Всё множество используемых А. Ахматовой фразеологизмов, имеющих в своём значении семы «смерть» или «умереть», образуют фразеосемантическое поле смерти. В него входят фразеологизмы разных семантико-грамматических классов. Рассмотрим предметные и процессуальные фразеологические единицы, содержащие сему «смерть».

Среди предметных самую многочисленную группу составляют фразеологизмы-наименования смерти. Данные единицы, как правило, представляют собой символические образы, опредмечивающие смерть, чаще всего они являются индивидуально-авторскими: «Настигнут *смертной стрелой*, // Один из вас упал», «Когда он Пушкинскому Дому, // Прощаясь, помахал рукой // И принял *смертную истому* // Как незаслуженный покой»; «Так *Ангел Смерти* ждёт у рокового ложа». В некоторых случаях происходит олицетворение образа смерти: «И *гостью страшную* ты сам к себе впустил // И с ней наедине остался»; «И вот уж о невозвратимом // *Скрипач безносый* заиграл». В последнем случае окказиональная единица создана на основе суеверного представления о смерти как о костлявом старике или старухе в саване.

В религиозном мировосприятии физическая смерть уподобляется сну, поэтому Ахматова использует такие общеупотребительные фразеологизмы, как «вечный покой» и «могильный сон», которые представлены в её стихах в трансформированном виде: «За одну минуту покоя // Я *посмертный* отдам покой»; «Моя душа взлетит, // Чтоб встретить солнце, // И *смертный* уничтожит сон», - в обоих случаях наблюдается замена компонентов и их дистантное расположение. Фразеологизм *смертельный сон* может употребляться и тогда, когда речь идёт о неодушевлённом предмете: «Как навсегда исчерпанная тема, // В *смертельном сне* покоится дворец». Следует отметить, что в стихах А. Ахматовой широко представлены процессуальные фразеологические единицы с компонентами «лечь» и «спать», имеющие значение «умереть, быть мёртвым»: «Буду тихо на погосте // Под доской дубовой спать»; «Я не в свою, увы, *могилу лягу*»; «И напрасно стараешься быть весёлой - // Легче в *гроб* тебе *лечь* живой»; «Не страшно под пулями мёртвыми *лечь*»; «Сто раз я *лежала в могиле*, // Где, может быть, я и сейчас».

Традиционно в мировой культуре образ смерти связан с белым и чёрным цветами: чёрный – цвет траура по умершим, белый цвет символизирует загробную жизнь человека. Ахматова принимает эту символику. В её ранних стихах встречается фразеологизм *белая смерть*: «Я гощу у *смерти белой* // По дороге в тьму»; «Иль того ты видишь у своих колен, // Кто для *белой смерти* твой покинул плен?» (Ср. у Голенищева-Кутузова: «Любо с *подругою белой* плясать»). В 20-ые годы, когда было пограно право человека на личную смерть, а казни стали приобретать массовый характер, в стихах А. Ахматовой появляется антонимичная названной единица *чёрная смерть* для обозначения насильственной смерти: «Всё расхищено, предано, продано, // *Чёрной смерти* мелькало крыло».

В своём творчестве Анна Ахматова использует и такие единицы, которые называют то, что сопровождает обряд похорон: «А вокруг *погребальные звоны...*»; «Какой сумасшедший Суриков // Мой *последний* напишет *путь?*»; «Чугунная ограда, // *Сосновая кровать...*», «Нам *покаянные рубахи*, // Нам со свечой идти и выть».

Для поэта важно запечатлеть и момент смерти, когда душа покидает тело: «О, как сердце моё тоскует! Не *смертного* ль *часа* жду?»; «*Смертный час*, наклонясь, напоит // Прозрачную сулемой...». Форма родительного падежа данного фразеологизма приобрела частотность, и единица поменяла категориальное значение на качественно-обстоятельное: «Но образ твой, твой подвиг правый // До *часа смерти* сохраню»; «До *смертного часа* будь со мной!» Несколько раз на протяжении всего творчества Ахматовой встречается фразеологизм *поминальный день* - день смерти человека, когда его вспоминают друзья и родственники: «И ходить на кладбище в *поминальный день* // Да смотреть на белую Божию сирень»; «Пусть также они поминают меня // В канун моего *поминального дня*».

Христианское мировоззрение поэтессы проявляет себя в использовании общеупотребительной единицы *Божий суд* (у Ахматовой она представлена в трансформированном виде с заменой компонента –

Последний суд) – это, по представлениям верующих, суд, который будет устроен Богом над всеми людьми, когда наступит конец света: «Чёрных ангелов крылья остры, // Скоро будет *Последний суд...*»; «Где день и ночь, склоняясь в жары и холода, // Должна я ожидать *Последнего суда*».

Сема «смерть» присутствует в окказиональных фразеологизмах перифрастического характера, называющих Ленинград в период сталинских репрессий: «*Столицей распятой // Иду я домой*»; «*А не ставший моей могилой // Ты, гранитный, крошечный, милый,- // Побледнел, помертвел, затих*». Компонент «смерть» содержится в индивидуально-авторской единице *птицы смерти*, являющейся перифрастическим наименованием немецких самолётов, бомбивших во время войны многострадальный город: «*Птицы смерти в зените стоят. // Кто идёт выручать Ленинград?*».

Широко представлены в поэзии Анны Ахматовой процессуальные фразеологизмы, которые имеют сему «смерть». Следует отметить, что большая часть из них относится к субкатегории деятельности и обозначает гибель, смерть как процесс. Субъектом действия в таких фразеологизмах выступает, как правило, человек, который переходит из состояния жизни в состояние смерти: «*Я гощу у смерти белой // По дороге в тьму*»; «*А в этот час уже в бессмертье гений шёл...*»; «*Но третий, не знавший ничего, // Когда он покинул свет, // Мыслям моим в ответ // Промолвил...*» Субъект действия может отсутствовать: «*Забвенье боли и забвенье нег - // За это жизнь отдать не мало*». В некоторых случаях единицы данной группы могут образовывать каузативные пары: «*Кого ты на смерть проводила, // Тот скоро, о, скоро умрёт*» - «*И ты ушёл. Не за победой, // За смертью*». В окказиональной единице *метить дома (крестами)* в качестве субъекта действия выступает субстантивированное прилагательное *белая* – синоним к абстрактному существительному «смерть», что приводит к олицетворению образа: «*А здесь уж белая дома крестами метит // И кличет воронов, и вороны летят*»; «*Ты не бойся – дома не мечу*».

Несколько фразеологических единиц данной субкатегории обозначают действия, сопровождающие обряд прощания с умершим: «*...лучшему из юношей, рыдая, // Закрою я орлиные глаза*»; «*Видишь, ветер, мой труп холодный, // И некому руки сложить*»; «*В эту чёрную добрую землю // Вы положите тело его*»; «*А люди придут, зароят моё тело и голос мой*». Последний фразеологизм является окказиональным, он образован в результате структурно-семантических преобразований (произошла замена компонентов) и контаминации двух единиц: *предать (предавать) земле и зарыть (зарывать) талант в землю*.

Ряд фразеологических единиц данной семантической группы входят в субкатегорию отношения и обозначают отношения между объектами реальной действительности. В качестве субъекта действия в них выступают другие люди или неодушевлённые предметы, обрекающие лирических героев Ахматовой на смерть: «*Как расширяться он (дальнобойный выстрел при артобстреле – прим. моё – Н. К.) и рос, // Как равнодушно гибель нёс //*

Ребёнку моему»; «Прости меня, мальчик весёлый, // Что я *принесла* тебе *смерть*»; «Как волны выносят на сушу, // Что сами *на смерть обрекли...*».

Несколько единиц могут быть отнесены к субкатегории состояния, они обозначает «бытие объекта в реальной действительности» (Лебединская, Усачёва, 2001): «*Не бывать* тебе *в живых*, // Со снегу не встать»; «*Путь* мой жертвенный и славный // Здесь *окончу* я»; «Но третий, не знавший ничего, // Когда он *покинул свет*, // Мыслям моим в ответ // Промолвил...».

Нередко автор подвергает семантическим трансформациям узуальные фразеологические единицы, которые не имели семы «смерть». Эти фразеологизмы попадают в такой контекст, где происходит смысловое приращение к их образной основе, в результате чего их семантический облик меняется. Например, узуальное значение фразеологизма *истекать кровью* – «терпеть поражение в неравной борьбе, терять людей»; в стихотворении А. Ахматовой эта единица приобретает значение «умереть»: «...И под клики радости и стоны красной *кровью* до конца *истечь*». Фразеологизм *зря топтать землю* имеет узуальное значение «бесполезно, бесцельно проводить жизнь», в поэме «Реквием» эта единица подвергается буквализации, в результате чего её прямое, исходное значение актуализируется и выступает на первый план: «Опять поминальный приблизился час. // Я вижу, я слышу, я чувствую вас: // И ту, что едва до окна довели, // И ту, что родимой *не топчет земли*».

В некоторых случаях в результате структурно-семантических трансформаций процессуальные фразеологические единицы меняют своё категориальное значение на предметное. Например, на основе фразеологизма *отдавать/отдать жизнь* Ахматовой создана перифраза, являющаяся наименованием Лотовой жены, которая превратилась в соляной столб, потому что, вопреки воле Бога, оглянулась, чтобы в последний раз посмотреть на родной город: «Лишь сердце моё никогда не забудет // *Отдающую жизнь* за единственный взгляд».

Таким образом, фразеосемантическое поле смерти представлено в поэзии Анны Ахматовой очень большим количеством единиц, которые относятся к разным семантико-грамматическим классам. Эти фразеологизмы занимают важное место в создании индивидуального поэтического языка А. Ахматовой. Поэтесса относится к смерти как к трагичному, но неизбежному процессу перехода человеческой души в иной мир, но не принимает насильственной смерти. Используя узуальные и индивидуально-авторские фразеологические единицы, Ахматова по-разному называет смерть и процесс смерти, описывает действия, сопровождающие похоронный обряд, отражает христианское отношение к смерти.

Литература

1. Исупов К.Г. Русская философская танатология // Вопросы философии. - 1994. - №3.
2. Коршкова Е.А. Фразеологизмы с семантикой смерти в творчестве В. Ходасевича // История и перспективы этнолингвистического и социокультурного взаимообогащения славянских народов. -

- Материалы международной научно-практической конференции. - Тюмень, 2003. - С. 211-219.
3. Лебединская В.А., Усачёва Н.Б. Словарь фразеологизмов с компонентом *иметь* / Под ред. В. А. Лебединской – Курган: КГУ, 2000. – 165 с.
 4. Старостин Б.А. Пафос самоуничтожения в русской литературе двадцатых-тридцатых годов // Идея смерти в российском менталитете. - Спб.: Изд-во Российского христианского гуманитарного института, 1999.
 5. Фесенкова Л.В. Тема смерти в русском менталитете и утопическом сознании // Идея смерти в российском менталитете.- Спб.: Изд-во Российского христианского гуманитарного института, 1999.
 6. Фразеологический словарь русского литературного языка / Сост. Фёдоров А.И. – М.: Астрель; АСТ, 2001.

К проблеме системности лексических и фразеологических частиц²

Куныгина О.В.

Челябинск

В последнее время идёт активный процесс системного изучения лексических и фразеологических единиц современного русского языка.

Лексические и фразеологические частицы в современном русском языке существуют не изолированно друг от друга, а представляют собой систему, то есть являются элементами языка, находящимися в определённых отношениях и связях друг с другом и образуют целостность, единство.

В философии под понятием *система* понимается совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях между собой и образующих определённую целостность, единство (3, 408). В системном исследовании анализируемый объект рассматривается как определённое множество элементов, взаимосвязь которых обуславливает целостные свойства этого множества (3, 410).

В лингвистике термин *система* употребляется либо в частном смысле – как закономерно организованная совокупность однородных языковых элементов одного уровня, связанных устойчивыми (инвариантными) отношениями, либо в обобщающем смысле – как закономерно организованная совокупность локальных систем («подсистем»). Понятие системности градуально, то есть допускает различные степени системности (2, 452).

Лексические и фразеологические частицы представляют собой относительно самостоятельную систему на лексико-фразеологическом уровне языка. Эти единицы связаны определёнными отношениями не только между собой, но и с языковыми единицами других уровней языка.

В научной и учебной грамматике частицы изучаются в разделе, касающемся служебных частей речи. Это «особый тип слов, находящийся в

² Работа выполнена при поддержке Гранта Президента Российской Федерации № МК – 3911.2004.6

том же грамматико-семантическом кругу, к которому относятся предлоги, союзы и связки» (1, 522).

Особенность частиц заключается в том, что они не обладают номинативной функцией в строгом смысле этого слова, они не обозначают ни предмета, ни признака, ни процесса, а «вносят главным образом дополнительные оттенки в значения других слов, групп слов, предложений» (1, 520). Частицы, как лексические, так и фразеологические, обладают широтой семантики. На эту особенность обратил внимание В.В. Виноградов в книге «Русский язык»: «...семантический объём этих частиц очень широк, их лексико-грамматические значения очень подвижны...» (1, 520).

Фразеологические частицы, соотносимые по своему категориальному значению с лексическими частицами, вносят дополнительные семантические оттенки уточнения, ограничения, выделения, отрицания, усиления и т.д. в значения слов или словосочетаний.

В семантической структуре частиц вычленяются групповые семы, являющиеся важными, так как они лежат в основе общей семантической классификации описываемых единиц.

Групповым семам подчинены остальные, менее общие семы, уточняющие, конкретизирующие их, которые мы называем индивидуальными, так как они создают индивидуальность фразеологических и лексических единиц. На основе индивидуальных сем частицы определенной группы объединяются в подгруппы.

Например, в группе смыслоразличительных частиц мы выделили подгруппу усилительных частиц, включающих такие единицы, как *ведь, лишь, всё, и, вот ведь, ведь и, ни дать ни взять всё же(ж)*.

Зеркальце в ответ: А царевна *всё ж* милее, *Всё ж* румяней и белее (А.Пушкин. Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях). Какая *же* тебе нравится? – спросил Штольц (И.Гончаров. Обломов). Поэт приобретал *лишь* то, что его особенно интересовало и что ему необходимо было для его творчества (А.Гессен. Всё волновало нежный ум...).

Частицы, относящиеся к этой подгруппе, усиливают значение того слова, перед или после которого они находятся.

Служебные части речи, как и знаменательные, способны иметь более чем одно значение. Многозначные предлоги проанализировала в своих работах Г.А.Шиганова (4, 5). Многозначными могут быть как лексические, так и фразеологические частицы. Полисемия – внутреннее семантическое свойство частиц. При анализе многозначности мы учитывали лексико-семантическую сочетаемость, синонимические отношения и контекст.

Фразеологическая частица *хоть бы*, по данным нашей картотеки, имеет два значения: 1) выражает значение желания, 2) служит для ограничительного выделения слова.

– Чем бы, однако, заняться? – спрашивает он себя, – *хоть бы* лешего какого-нибудь нелёгкая занесла! (М.Е. Салтыков-Щедрин. Дикий помещик).
– А я лежу и всё думаю, *хоть бы* ладно-то все было (Ф. Абрамов.

Деревянные кони). – *Хоть бы* нас взять. Рабочие люди.. (Ф. Гладков. Вольница).

В приведенных примерах единица *хоть бы* выражает значение желания. Фразообразующий компонент *бы* актуализируют сему 'пожелание'. Если же фразообразующий компонент *хоть* актуализирует сему 'выделительность', то частица служит для ограничительного выделения слова.

[Ульм-Бородина:] Кто затынет «По мамину?» [Стеша Матута:] А *хоть бы* я (Л.Мей. Псковитянка). – Живёт дурища в России десять лет, и *хоть бы* одно слово по-русски!.. (А.Чехов. Дочь Альбиона).

Выражая второе значение, частица *хоть бы* связана с существительным *слово* и местоимением *я*.

Омонимия служебных частей речи тесно связана с явлениями переходности, так как «переходность является универсальным свойством языка, отражающим системную взаимосвязь и взаимодействие между языковыми единицами» (4, 205-206). Актуальным остаётся выявление закономерностей существования омонимических отношений служебных частей речи, в частности омонимия лексических частиц со словами других частей речи, а также омонимия фразеологических частиц с фразеологизмами, принадлежащих к другим семантико-грамматическим классам. Омонимические единицы различаются типом категориального значения, синтаксической и лексико-семантической сочетаемостью.

Задача решается *просто*¹. Эта девушка *просто*² красавица. В первом предложении *просто*¹ относится к глаголу, синонимично слову *легко*, в предложении выполняет роль обстоятельства, следовательно, является наречием. Во втором предложении *просто*² служит для выделения слова *красавица* и относится к выделительным частицам.

Он старался *так или иначе*¹ избежать разговора с ними (Пример из «Словаря эквивалентов слова» Р.П. Рогожниковой). *Так или иначе*² совместная жизнь Коралли и Шульженко дала новую серьезную трещину (В. Хотулев. К. Шульженко).

В первом предложении *так или иначе*¹ – качественно-обстоятельственный фразеологизм, относится к сказуемому *старался избежать* разговора, имеет категориальное значение 'качественный признак состояния', в предложении функционирует как обстоятельство, синонимичен наречиям *обязательно, непременно*.

Во втором предложении *так или иначе*² относится к классу фразеологизмов-частиц, усиливает семантику словосочетания *совместная жизнь*, служит для выражения значения усиления, синонимичен частице *все же*.

Семантические различия у фразеологических и лексических омонимов отчетливо проявляются в синтаксической и лексико-семантической сочетаемости. Качественно-обстоятельственные фразеологизмы и наречия в предложении относятся к сказуемому, сочетаются с глаголами и функционируют как обстоятельство, а фразеологические и лексические

частицы являются средством усиления, уточнения понятия, названного глаголом или именем. Качественно-обстоятельственные фразеологизмы вступают в синонимические отношения с наречиями, а фразеологизмы-частицы – с частицами.

Лексические и фразеологические частицы по своим семантическим свойствам и парадигматическим отношениям представляют собой систему взаимообусловленных и взаимосвязанных элементов двух уровней языка – лексики и фразеологии.

Литература

1. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Высш. шк., 1972. – 614 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
3. Философский словарь / Под ред. И.Т.Фролова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Политиздат, 1991. – 560 с.
4. Шиганова Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке: Монография. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2001. – 454 с.
5. Шиганова Г.А. Релятивные фразеологизмы русского языка. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2003. – 306 с.

Фразеологические единицы терминологического происхождения во фразеологических словарях

Лаухина С.С.

Омск

Вопрос о статусе терминологических сочетаний в лингвистической науке относится к числу спорных. Мнения ученых-языковедов расходятся полярно: 1) сторонники широкого подхода к предмету изучения фразеологии (Р.Н. Попов, Э.В. Кузнецова, В.Л. Архангельский, А.Н. Тихонов, Н.М. Шанский и др.) включают терминологические сочетания (составные наименования, фразеологические обороты терминологического характера) в состав фразеологических единиц; 2) приверженцы узкого подхода (Б.А. Ларин, А.М. Чепасова, А.М. Эмирова, А.Н. Кожин, А.Ю. Москвин, Н.А. Павлова и др.) выносят терминологические сочетания за рамки фразеологии. Наше понимание статуса терминологических сочетаний в лингвистическом строе языка соответствует второй точке зрения, т.е. мы квалифицируем данные единицы как особый разряд устойчивых сочетаний, находящийся за рамками фразеологии и являющийся источником развития фразеологии. Названные подходы к пониманию предмета фразеологии получают отражение во фразеологических словарях.

Задачей данной статьи является анализ фразеологических словарей с целью выявления единиц терминологического происхождения и изучения способов их описания.

"Фразеологический словарь русского языка" под редакцией А.Н. Тихонова [3] включает сочетания слов, которые "характеризуются

воспроизводимостью, устойчивостью, общеизвестностью, раздельнооформленностью, независимо оттого, обладают они или не обладают переносным значением" [3, с.4]. Таким образом, авторы словаря понимают предмет фразеологии очень широко. Теоретические позиции авторов проявляются в отборе материала: в словаре приводятся "составные названия" [3, с. 4] (классная доска, драматический кружок, резиновая дубинка, первое мая, народный учитель, манная крупа, женская рифма, зеркальный карп, кучевые облака, морской еж и др.); терминологические сочетания, пришедшие из разных областей человеческой деятельности, (даются соответствующие пометы *мат.*, *физ.*, *мед.*, *морск.* и т.п.) составляют треть словаря. Не совсем понятен принцип, которым руководствуются авторы, давая толкование фразеологическим единицам. Так, для фразеологической единицы "*квадратура круга*" словарь дает два значения (терминологическое и фразеологическое): 1) (*мат.*) *неразрешимая задача превращения круга в равновеликий квадрат*; 2) *о том, что вообще является неразрешимым* [3, с. 108.]. В других случаях автор отступает от данного способа передачи значения: у единиц "*привести к общему знаменателю*" [3, с.92], "*сесть на мель*" [3, с.145], "*второе дыхание*" [3, с.40], "*центр тяжести*" [3, с.297] и др. указано только фразеологическое значение; у единиц "*крестовый поход*" [3, с.122], "*кривое зеркало*" [3, с.123], "*летаргический сон*" [3, с.133], "*настоящее время*" [3, с.163], "*естественный отбор*" [3, с.183] и др. представлено лишь терминологическое значение. У читателя возникает справедливый вопрос: почему авторы словаря, являясь сторонниками широкого подхода к предмету фразеологии, не все вышеупомянутые фразеологические единицы трактуют как многозначные?

Во "Фразеологический словарь русского литературного языка" А.И. Федорова [4] и в "Школьный фразеологический словарь" А.Ю. Москвина [1] не включается узкоспециальная терминология, выраженная такими словосочетаниями, как "*играть первую скрипку*", "*выходить на орбиту*", "*смешать краски*", "*сушить весла*" и др. Тем не менее, на страницах данных изданий представлены составные термины, мотивация значений которых утрачена: "*антонов огонь*" (болезнь), "*венерины башмачки*" (растение), "*чертов палец*" (моллюск), "*грудная жаба*" (болезнь) и др. В словаре А.И. Федорова единицы "*мертвая голова*", "*перекати - поле*" толкуются как многозначные, и в качестве одного из значений выступает значение терминологического сочетания. Например, *мертвая голова* – 1. *Череп*. 2. *Ночная бабочка семейства бражников* [4, с.150]. А.Ю. Москвин, передавая значение фразеологизма терминологического происхождения в своем словаре, апеллирует к однословному термину, а не к терминологическому сочетанию. Например, *акция* – *свидетельство об участии вкладчика в долевом капитале предприятия*. "*Акции (мои) падают*" – *ко мне начинают терять доверие, у меня становится меньше шансов на успех*" [1, с.9]. Значение терминологического сочетания "*акции падают*" А.Ю. Москвин не рассматривает.

Авторы фразеологического словаря под редакцией А.И. Молоткова [2], являясь сторонниками узкого подхода к предмету фразеологии, составные термины оставляют за пределами фразеологии. По мнению авторов словаря, "составные термины – словосочетания, составляющие их слова не утрачивают признаков слов. И как любые словосочетания они могут стать прототипами фразеологизмов" [2, с.13]. По нашим данным, в словаре описывается 81 фразеологическая единица терминологического происхождения. Характеристика ФЕ в словарной статье состоит из толкования значения, указания на варианты формы, стилистическую принадлежность, иллюстративного материала. Нередко дается справка, указывающая на термин – источник, его значение и сферу употребления. Проиллюстрируем сказанное примерами из словаря: *божья коровка* – "тихий, безобидный, не умеющий постоять за себя человек". *Стало быть, будет петь, коли об заклад побился, божья коровка ты этакая.* Тургенев. *Певцы. [Генерал] ведь только петушился, а на деле он божья коровка и к этой службе совершенно не способен.* Лесков, *Смех и горе* [2, с.194]; *играть первую скрипку* – "быть главным в каком-либо деле". *Болтун может иногда играть первую скрипку, не сразу его раскусишь, не сразу поймешь.* Киров, *Статьи и речи 1934.* *Френсис милостиво позволял английскому поверенному вообразить, что Англия играет первую скрипку в делах интервенции.* Н.Никитин. *Северная аврора.* - *От выражения "играть в оркестре первую скрипку" (первая скрипка – название скрипки или группы скрипок в струнном или симфоническом оркестре, которая исполняет первую, ведущую партию)* [2, с.167].

А.М. Чепасова (автор словаря "Фразеологизмы в нашей речи" [5]) составные термины не рассматривает в рамках фразеологии: фразеологизмы, в ее понимании, вторичные наименования предметов, свойств, действий, признаков, количеств, образующие вместе со словом единый номинативный строй языка. В словаре, по нашим данным, дано многостороннее описание 34 фразеологизмов терминологического происхождения. Характеристика фразеологизмов состоит из толкования значения, грамматической характеристики, указания на варианты формы, на стилистическую принадлежность; приводятся омонимы, антонимы, если таковые имеются, дается в отдельных случаях этимологическая справка. Приведем в качестве примеров словарные статьи: *коэффициент полезного действия (КПД)* – "доля положительного влияния чего-либо на какой-то процесс, событие и т.п." *Употребляется только в форме ед. числа. Возможны все надежные формы, наиболее частыми являются именительный, винительный, творительный (коэффициент полезного действия человеческих усилий; "раскрепостить" мышление человека, повысить его КПД; стать лабораторией с высоким коэффициентом полезного действия).* *Фразеологизм сочетается с прилагательными высокий, высок, ничтожный, низкий, низок, и с глаголами повышать/повысить, падать/упасть.* [5, с.35]; *первая скрипка* – "человек, от которого очень многое зависит в каком-либо деле". *Употребляется в форме ед. и множ. числа. Возможны формы всех*

падежей, но чаще всего употребляется в именительном и творительном в роли именной части сказуемого (...Юрий Ахромкин – не первая скрипка в оркестре, но на вахте нет второстепенных ролей; все они первые скрипки могущественного ансамбля; среди нас был первой скрипкой); в форме родительного падежа выполняет роль несогласованного определения (роль первой скрипки); такую же роль выполняет фразеологизм в форме предложного падежа (вопрос о первых скрипках большого венского чемпионата по хоккею). В речи встретились употребления, которые свидетельствуют о появившемся новом значении – "что-то очень важное в какой-либо деятельности, в чем-либо" (показателю номенклатуры с учетом выполнения заказов надо передать первую скрипку) [5, с.9].

Своеобразием данного словаря, как видно из последней словарной статьи, является отражение динамичности многих описываемых фразеологизмов. Это очень ценный речевой материал, свидетельствующий о постоянном развитии языковых единиц. Несомненным достоинством словаря является точность и научная корректность в выборе способов толкования значений фразеологизмов.

Анализ содержания фразеологических словарей свидетельствует о разных подходах к отбору материала и его описанию. Несомненно, на наш взгляд, одно: термины – богатейший источник для рождения новых языковых ФЕ, которые, в свою очередь, должны быть предметом выявления и разностороннего описания в словарях.

Литература

1. Школьный фразеологический словарь русского языка / Сост. Москвин А.Ю. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2002. – 639с.
2. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Астрель•АСТ, 2001. – 512с.
3. Фразеологический словарь русского языка / Сост. А.Н. Тихонов. – М.: Рус. яз.- Медиа, 2003. – 336с.
4. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. / Сост. А.И. Федоров. – М.: Цитадель, 1997.
5. Чепасова А.М. Фразеологизмы в нашей речи: Учеб. толковый словарь. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2000. – 292с.

Структурные модели компаративных фразеологизмов в поэзии К.Бальмонта

Лебединская М.И.
Курган

Первые сборники К. Бальмонта «Под северным небом» (1894 г.), «В безбрежности» (1895 г.) и «Тишина» (1898 г.) носят символично-романтическую окраску. Лирический герой характеризуется непостоянством, частой сменой настроения: он то просит смерти, не принимает действительность, то умиляется природе, возносит жизнь и любовь.

Противоречивость бальмонтского отношения к жизни отражается при создании фразеологических компаративных единиц. Обязательным для

всех компаративов является наличие союза **как** и его вариантов (**точно, словно, как будто** и др.), которые, формируя фразеологическую единицу, преобразуют служебную семантику в те или иные компоненты значения компаративной единицы, участвуют наряду с другими компонентами в образовании индивидуального фразеологического значения.

Фразеологические единицы компаративной семантики в стихотворениях К. Бальмонта могут быть двух-, трех-, четырех- и многокомпонентными.

Наиболее часто автор использует двухкомпонентные сравнительные фразеологизмы (83 употребления). Это связано, прежде всего, с тем, что двухкомпонентная структура позволяет кратко, точно и ярко охарактеризовать предмет сравнения, а также наилучшим образом передать высокую степень экспрессивности. Самой распространенной морфологической моделью является модель **как + существительное**, в которой насчитывается 47 единиц (*как вздох, как волна, как дым, как звезда, как ландыш, как мертвецу, как саваном, как саранча, как сталь, как тучка, как червь*):

Мадонна, солнце между звезд, мадонн прекрасных украшень,
Ты в сладость обращаешь скорбь, даешь и смерть и возрожденье.

Как саламандра, я горю в огне любви, но не сгораю,

Как лебедь, песню я пою, и после песни умираю.

Мадонна, цвет среди цветов, среди красавиц украшень,
Тебе — мой вздох, тебе — мой стих, нежней, чем утра дуновенье,

Как феникс, я хочу сгореть, чтобы восстать преображенным,

И для мадонны умереть, и для мадонны жить влюбленным.

К. Бальмонт. Трубадур

Модель **точно + существительное** представлена 9 единицами (*точно годы, точно дети, точно зов, точно саркофаги, точно свеча*). Значительное преобладание модели с генетическим союзом **как** связано с тем, что сравнительный союз **точно** имеет производный характер (в современном русском языке функционируют прилагательное *точный* — ‘совершенно верный, отражающий действительность’ и его многочисленные производные) и, образуя единицу, привносит оттенки дополнительного номинативного значения в семантику компаративной единицы:

Слушай! Уж колокол плачет вдали.

Я умираю.

Что мне осталось? Прижаться лицом к Аргули!

Точно свеча, я горю и сгораю.

К. Бальмонт. Аргули

Фразеологические единицы, состоящие из трех компонентов, К. Бальмонт употребляет в два раза реже, в нашей картотеке зафиксировано 42 таких фразеологизма. Трехкомпонентная структура формируется двумя способами: за счет включения в двухкомпонентные единицы слов атрибутивной семантики и слов субстантивной семантики.

При первом способе структурная модель выглядит следующим образом: **как или точно + атрибутивный компонент + существительное** (*как ангел неземной, как гвоздика лесная, как злой вампир, как легкий сон, как прозрачный кристалл, как сон таинственный, точно бурный вал, точно снежные цветы, точно сказкой певучей*). В качестве атрибутивного компонента в абсолютном большинстве случаев (25 употреблений) выступают имена прилагательные, большей частью качественные, характеризующие сущностные внутренние и внешние признаки предметов. Прилагательные, ставшие компонентом сравнительных фразеологизмов, несут большую символическую нагрузку:

Засветилась лампада
Пред иконою святой.
Мир далекий, мир-громада,
Отлетел, **как сон пустой**.

Значительно реже (в 4 случаях) атрибутивный компонент представляет собой генетическое причастие, подвергшееся процессу адъективации, утратившее многие глагольные признаки: *как сверкающий луч, как тающий воск, как тонущая даль, точно призрак умирающий*. Семантика причастий претерпевает значительные изменения, характеристика процессуального признака предмета деактуализируется, уступает место метафорическому обозначению одного из признаков предмета, являющегося опорным компонентом сравнительной фразеологической единицы.

Точно призрак умирающий,
На степи ковыль качается,
Смотрит Месяц догорающий,
Белой тучкой омрачается.

Второй способ образования трехкомпонентных сравнительных фразеологизмов заключается в том, что опорный компонент-существительное конкретизируется за счет распространения существительным в родительном падеже с атрибутивным значением. Таких единиц, имеющих модель **как или точно + существительное + существительное**, насчитывается в стихах К.Бальмонта 6 (*как вестник мая, как ветка сирени, как ложа ласк, как чувство любви, как шелест камышей, точно стаи птиц*). Отношения между субстантивными компонентами отличаются большой степенью спаянности, цельности, в свободном синтаксисе такие отношения называют комплетивными.

Уникальную структуру имеют единицы *точно искрится звезда (точно + глагол + существительное)*, *как в сказке (как + предлог + существительное)*.

31 сравнительная фразеологическая единица содержит в своем составе четыре компонента. Наиболее представлены следующие модели:

1) **как или точно + существительное + прилагательное + существительное** - 6 единиц (*как груды темной пыли, как враг обычной красоты, как очертания причудливой волны, как полчища уродливых врагов, как чары детской сказки, точно демонов яростный топот*). Эта модель

образуется на базе двухкомпонентной единицы путем присоединения к ней субстантивированного элемента, распространенного качественным (или в процессе фразеологизации приобретшим качественные свойства – *детский* в значении ‘добрый, веселый, беззаботный’) прилагательным;

2) **как или точно + существительное + причастие + существительное** – 5 единиц (*как мерцанье умирающих планет, как проблески блуждающих огней, как взмахи птицы опьяненной, точно вздох отлетевшего сна, точно песни забытой отчизны*). Включение в состав двухкомпонентной единицы существительного, распространенного причастием, позволяет создать яркий, выразительный образ;

3) **как + прилагательное + прилагательное + существительное** - 4 единицы (*как хищные прожорливые птицы, как хрустальные немые города, как нежный близкий зов, как тихий дальний топот*). В этой модели образование четырехкомпонентной единицы обусловлено стремлением автора уточнить наиболее важные признаки предмета, актуализировать их. Эти признаки могут быть синонимичными (*хищные прожорливые*) или характеризовать предмет с разных сторон (*нежный близкий*).

Остальные структурные модели четырехкомпонентных фразеологизмов малопродуктивны.

Многокомпонентных фразеологических сравнений в нашей картотеке 27. Большое количество компонентов усложняет формирование целостного фразеологического значения, но в поэтической речи создает неповторимые образы, яркие и неординарные, что, в целом, присуще всей фразеологии К. Бальмонта.

Поэтический язык К. Бальмонта отличается особой символичностью, высокой экспрессивностью и образностью, благодаря чему компаративная фразеология автора оригинальна, его сравнения метки и точны.

Место фразеологических единиц в структуре лексико-семантического поля *возраст*

Литвиненко Ю.Ю.
Омск

Метод поля является одним из ведущих и эффективных в современных семантических исследованиях, так как он позволяет рассмотреть единицы языка в их всевозможных связях. По словам Ю.Н. Караулова, семантическое поле представляет собой основной содержательный элемент языковой картины мира (ЯКМ) [1, с.269]. Вся совокупность представлений о мире, возникающая в результате взаимодействия мышления, деятельности и языка, структурируется в сознании носителей в виде микросистем – семантических полей (СП). Каждое поле отражает частичку действительности, члена ее присутствия только данному языку способом. При этом микросистемы не изолированы друг от друга, они взаимодействуют, пересекаются. Лексические единицы в разных значениях могут входить в несколько СП, тем самым сближая их и формируя целостную картину в языке.

В литературе нет однозначного определения СП, существует набор структур, которые принято считать СП: лексико-грамматические разряды, синонимические и антонимические объединения, тематические группы, функционально-семантические поля, парадигмы, семантико-синтаксические синтагмы [2, с.126]; сети, цепочки, циклы, партитивы, таксономии, фреймы [3, с.139] и т.д. Мы понимаем лексико-семантическое поле (ЛСП) как многомерный целостный объект, имеющий иерархически организованную структуру: его единицы входят в парадигматические, синтагматические и ассоциативно-деривационные отношения. (По классификации Л.М. Васильева, это комплексное СП).

ЛСП, с одной стороны, универсально, так как отражает общечеловеческие мыслительные процессы (движение от общего к частному, помещение в центр классификации человека [1, с.250], а с другой стороны, национально специфично. Национальное своеобразие поля проявляется, во-первых, в исторической обусловленности его состава и структуры, во-вторых, в особенностях его внешних связей. В большей степени оно формируется за счет входящих в СП фразеологических единиц (ФЕ), представляющих собой “ценнейший источник сведений о культуре и менталитете народа” [4, с.41]. В них репрезентируются фоновые знания носителей языка, культурно-исторические традиции народа, практический опыт личности. Поэтому фразеологизмы играют особую роль в создании ЯКМ.

Предметом нашего изучения является ЛСП *возраст*, которое отражает представления человека о себе и мире сквозь призму одной из важнейших для сознания категорий – категории возраста. Это обязательная, неотъемлемая характеристика человека, актуализирующаяся в различных сферах жизнедеятельности и получающая определенные оценочные смыслы.

В построении поля мы опирались на метод оппозиций, компонентный анализ, принцип ассоциативности. Его ядром являются лексема *возраст* и ее синонимы *лета*, *года*. Исходя из их словарной дефиниции, архисемой поля будем считать «отнесенность к определенной ступени развития». Центр поля представляет собой гипонимическую корреляцию, образованную лексемами *детство*, *отрочество*, *молодость*, *зрелость*, *старость*, называющими отдельный возрастной этап. Разветвленная полевая структура формируется за счет разнообразных лексико-семантических групп (ЛСГ).

ЛСГ-1: субстантивы, обозначающие лиц, находящихся на определенной ступени развития (например, *ребенок*, *юнец*, *старик*).

ЛСГ-2: адъективы, указывающие на признак лица, находящегося на определенной ступени развития (например, *молодой*, *взрослый*, *старый*).

ЛСГ-3: глаголы перехода с одной ступени на другую (например, *взрослеть*, *мужать*, *стариться*, *исполнилось*).

ЛСГ-4: наречия, обозначающие признак, характерный для действий и состояний лица, стоящего на определенной ступени развития (например, *по-детски*, *по-старушечьи*, *зрело*).

ФЕ входят в круг центральных лексем и во все ЛСГ и вносят коннотативные оттенки, актуализируют внутренние и внешние связи поля. Рассмотрим ФЕ, расположенные в центре поля. ФЕ *утро, рассвет, заря жизни* (детство, юность), *золотая пора* (лучшее, счастливое время жизни (детство, юность)), *золотое время* (пора детства, юности, молодости) выражают положительную оценку и экспрессию при обозначении конкретных этапов. Сочетания *бальзаковский возраст, вторая молодость, собачья старость* (преждевременное старение духа) называют этапы, не обозначенные лексемами в свободном значении и осмысленные с позиции не только физического, но и духовного взросления. Фразеологизмы *еще не вечер* (пока еще не наступила старость), *вечер жизни, на закате дней, на склоне лет* (в глубокой старости) образно интерпретируют лексему *старость*, закрепляя устойчивые сравнения этого периода жизни с вечером, закатом, движением по склону вниз.

К ЛСГ-1 относятся обороты: *беситанная команда* (дети, обычно маленькие), *желторотый птенец, необстрелянный птенец, сопля зеленая, старый гриб, старый пень, старый хрен, старая скворечница, чертова перечница, божий одуванчик, мышинный жеребчик* (молодящийся пожилой человек или старик, любящий волочиться за молодыми женщинами). Фразеологизмы фиксируют шутливо-презрительное отношение к лицам детского, юного и старческого возраста. По всей вероятности, это отражение первобытных представлений о зависимом положении и незначительной социальной роли ребенка и старика, находившихся на периферии общественной жизни. В то время как центральной фигурой был зрелый человек [6, с.18-19]. Кроме того, ФЕ этой группы вводят растительную и животную семантику.

ЛСГ-2. Шутливо-пренебрежительное отношение проявляется в ФЕ *под стол пешком ходит, сопля под носом, от горшка два вершка, нос не дорос, молоко на губах не обсохло, молодозелено, из молодых да ранний, в обед сто лет, песок сыплется*. Последний фразеологизм вызывает аналогию с природным явлением – разрушением горных пород с течением времени. В старости человек осыпается как гора. Нейтральное констатирующее значение имеют обороты *не первой молодости* (немолодой, средних лет), *в летах, в годах* (пожилой), *на возрасте* (взрослый, достигший зрелости; обычно о женщине). Семантико-синтаксическая параллель *девушка на возрасте / девушка на выданье* выявляет древнюю традицию определения возраста женщины степенью готовности к семейной жизни и выполнению репродуктивной функции. На стадии высшего развития, расцвета физических сил человек получает такие определения: *во цвете лет, в самом (полном) соку, в самом прыску, в зените*. Внутренняя форма этих ФЕ актуализирует связь и сходство человеческой жизни с процессами роста и развития растений.

В ЛСГ-3 фразеологизмы *вступить в года, входить в возраст, выходить из пеленок, годы подходят, года вышли, выходить в годы* имеют сходные компоненты и общее значение – «становится взрослым». Глаголы

создают образ жизни-пути, вводят сему необходимого движения в заданном направлении. Отметим актуализацию этимологии слова *возраст*, восходящего к глаголу *возрастать* («прибавлять в росте, увеличиваться»). *Возраст* (и синонимы *лета*, *года*) – период зрелости. Поэтому закономерно появление фразеологизма *выходить из годов* - «становиться совсем старым». Современное понимание возраста как ступени в развитии зафиксировано в ФЕ *выжить из лет* (*утратить качества, свойственные определенному возрасту*), *выходить из возраста* (*становиться старше какого-либо возрастного предела*). Возможным оказывается и «обратное движение» по жизненному пути: *впадать в детство* (*в младенчество*), *впадать в ребячество*, *тряхнуть стариной*. Другие ФЕ выражают двоякое отношение к долгожителям: с одной стороны, уважение, преклонение перед мудростью, накопленным опытом (*век Мафусаила жить, жить Аредовы веки, дожить до седых волос*), с другой стороны, неодобрение, указание на физическую немощь и общественную бесполезность (*до клюки дожить, в чужой век жить, заживать чужой век*).

ФЕ, входящие в ЛСГ-4, связаны с понятием нормы, типичным поведением в соответствии с возрастом: *не по годам* (*летам*), *не под лета*. Сема «отклонения от возрастной нормы» присутствует в ФЕ других ЛСГ: *мышинный жеребчик, из молодых да ранний*.

ФЕ занимают важное место в структуре ЛСП *возраст*, формируя его концептуальное содержание. Они отражают как линейное, так и циклическое представление о жизни. В первом случае это индивидуальное движение по возрастным ступеням, во втором – это типичная повторяемость жизненных этапов, обязательных для каждого члена человеческого рода. Состав «возрастных» ФЕ эксплицирует глубоко укорененное в сознании человека представление о связи собственной жизни с природными явлениями: движением солнца по небосклону, процессами вегетации, изменениями земной поверхности. Так как подобное представление формировалось на ранних этапах развития человечества, можно предположить, что рассмотренные ФЕ имеют соответствия в других языках. Национальная специфика проявляется в преобладании единиц с отрицательной эмоциональной окраской. Пейоративность и антропоцентричность считаются основными признаками ЯКМ, создаваемой фразеологизмами [4, с.68]. ФЕ в ЛСП *возраст* фиксируют отдельные культурные стереотипы, реализуют основополагающие для языкового сознания оппозиции: подъем – упадок, цикличность – линейность, молодость – старость, представляя один из фрагментов русской ЯКМ.

Литература

1. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М., 1976.
2. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М., 1990.
3. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М., 1988.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М., 2001.
5. Толстых А.В. Возрасты жизни. – М., 1988.

Внутренняя форма фразеологических единиц как мотивирующее основание коннотации

Мазаева А.Ю.

Пятигорск

Понятие внутренней формы – понятие сложное, привлекающее к себе внимание и имеющее различную интерпретацию. Выделение внутренней формы фразеологизма неразрывно связано с формированием фразеологического значения, для возникновения которого необходимо целостное переосмысление словосочетания.

Понятие «внутренняя форма языка» (innere Sprachform) было введено в лингвистику выдающимся немецким ученым Вильгельмом фон Гумбольдтом.

«Язык есть как бы внешнее проявление духа народа; язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык – трудно себе представить что-либо более тождественное». Под внутренней формой Гумбольдт представляет некое объединение звукового материала и психического содержания, «духа народа». По его мнению, понятие «дух народа» включает в себя психический склад народа, его образ мыслей, философию, науку, искусство и литературу, т.е. все то, что определяет мировоззрение этого народа, находит отражение в языке.

В. фон Гумбольдт произвел разграничение внешней и внутренней форм языка. Подобное деление можно сопоставить с выделением Гумбольдтом двух субстанций: внешняя форма является звуковой формой и представляет внешний, материальный аспект, а внутренняя форма – формальной организацией психической, ментальной субстанции, представляющей нематериальный, идеальный аспект; язык – единство материального и идеального [1].

Во многих работах по фразеологии отмечается важная роль внутренней формы в семантической структуре фразеологизмов. В применении к слову внутренняя форма обычно понимается как его исходно-этимологическое значение или как образные элементы в его значении. Такого понимания внутренней формы придерживался А.А. Потебня: «...этимологические значения... тоже есть форма, только внутренняя» [3]. «Внутренняя форма есть центр образа, один из его признаков, преобладающих над всеми остальными» [3].

А.А. Потебня, рассматривая внутреннюю форму слова как производящее значение в отношении к производному, в то же время подчеркивает, что «она всегда включает в себе один только признак» [2]. Этот признак, или *знак значения*, есть то общее, что обнаруживается между ранее познанным и вновь познаваемым, признак, по которому в слове обозначают вновь познаваемое [2]. Посредством этого признака выражается отношение предыдущего значения к последующему: «Знак (внутренняя форма) по отношению к значению предыдущего слова есть лишь указание, отношение к этому значению, а не восприятие его» [4].

Представленное А.А. Потебней понимание внутренней формы как признака, ассоциирующегося со всей звуковой оболочкой слова (или как совокупности признаков, соответствующих семантике словообразующих элементов), убедительно раскрывает связь внутренней формы с языковой материей. Внутренняя форма, будучи объективным содержанием (непосредственно объективированным в языковой форме), является знаком, символом другого, субъективного по отношению к ней содержания. Внутренняя форма – это «та форма, в которой нашему сознанию представляется содержание мысли» [4]. А.А. Потебня говорит о внутренней форме как о выраженном словом признаке, который «воспроизводится при всяком восприятии» [2]. Следовательно, внутренняя форма обладает устойчивостью, воспроизводимостью, закрепляясь за каждым отдельным значением, ассоциирующимся через ее посредство с определенным звуковым комплексом.

П.А.Флоренский, выделяя внешнюю форму слова /план выражения/ и внутреннюю /план содержания/, уподобляет внешнюю форму слова телу организма, внутреннюю же форму слова он сравнивает с душой. «...Душу слова образует объективное его значение, содержащее сколько угодно признаков, имеющее полутона духовной окраски, ассоциативные обертоны: это целый мир смысла, тут свои пропасти и вершины...» [7].

По сравнению со словом, роль внутренней формы для ФЕ значительно выше: она создает богатый мотивирующий подтекст, благодаря которому формируется коннотация, служащая отличительной чертой фразеологизмов.

Л.И. Ройзензон рассматривает внутреннюю форму ФЕ как «связь, которая существует между фразеологическим значением оборота и реальным (современным и историческим, древним) значениями компонентов (всех или хотя бы одного), из которых оборот состоит» [5]. Автор отмечает, что внутренняя форма ФЕ может формироваться не только на основе целого словесного комплекса путем его переосмысления, но и на базе лишь какой-нибудь части данного комплекса или даже одного компонента [5]. В этой трактовке заложены возможности разграничения различных типов внутренней формы ФЕ.

Структура внутренней формы ФЕ зависит от способа образования фразеологического значения, от характера фразеологической абстракции, от принадлежности фразеологической единицы к тому или иному структурно-семантическому типу.

Внутренняя форма ФЕ чаще всего представляет ряд семантических элементов, при этом отдельные ее элементы ассоциируются с разными лексическими компонентами. Членение внутренней формы ФЕ в соотношении с компонентами звуковой формы обеспечивает ее гибкость, возможность ее частичного видоизменения в определенных ситуациях.

Внутренняя форма ФЕ – это ее первоначальное денотативное значение, вытекающее из суммы реальных значений слов – компонентов.

Значение фразеологизма формируется только при наличии образа в любой его разновидности.

Внутренняя форма в одних ФЕ прозрачна и понятна всем носителям данного языка: *палец о палец не ударить* - другие же единицы обладают затемненной внутренней формой и могут быть ясны лишь специалистам: *Гог и Магог* (о свирепом человеке); *led captain* (говорится о прихлебателе, паразите).

Идиомы, имеющие внутреннюю форму, представляют ее в виде образа, который возникает как ассоциативная связь между значением слов свободного употребления и значением ФЕ в целом: *медный лоб*; *soft in the head* (о глупом человеке).

Внутренняя форма является как бы посредником между предметом реальной действительности, его характерными чертами, действиями и тем понятием, которое возникает посредством образного представления. Внутренняя форма – обязательное условие возникновения образной фразеологической единицы, ее (внутреннюю форму) можно представить как образный стержень.

Внутренней формой фразеологической единицы, считает А.И. Федоров, является развернутое образное представление. (Когда произносится сочетание *телячий восторг*, то мы представляем себе резвого теленка и его *восторг*). Внутренняя форма, т.е. образное представление, определяет оценку “вещественного” значения фразеологизмов; ФЕ – это избыточное средство в языке, и оправдано их употребление только потребностями экспрессивной характеристики, оценочности [6].

Таким образом, субъективно-модальное отношение в ФЕ выражается ее внутренней формой и реализуется посредством образа, вызывая определенное эмотивно-оценочное отношение к объекту высказывания у реципиента, создавая тем самым эффект экспрессивности.

Литература

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. - М.: Прогресс, 1984. – 375 с.
2. Потебня А.А. Мысль и язык. - М., 1999. – 300 с.
3. Потебня А.А. Слово и миф. - М.: 1989. – 253 с.
4. Потебня А.А. Эстетика и критика. - М.: Просвещение, 1976. – 163 с.
5. Ройзензон Л.И. Русская фразеология. Учеб. пособие. – Самарканд: Изд-во Самарканд. гос. ун-та, 1977. – 122 с.
6. Федоров А.И. Развитие русской фразеологии в конце ХУШ – начале ХІХ в. - Новосибирск: Наука, 1973. – 211 с.
7. Флоренский П.А. Имена: Сочинения. - М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 1998. – 912 с.

Фразеологизмы с темпоральной семантикой в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»

Медведева Н.А.
Курган

Особенности моделирования времени в романе «Евгений Онегин» определяются спецификой литературы как вида искусства: литература

традиционно рассматривается как искусство временное, она воссоздает конкретность течения времени. Эта особенность любого литературного произведения определяется свойствами языковых средств, формирующих его образный строй: грамматика определяет для каждого языка порядок, который распределяет пространственность во времени.

Время в романе многомерно и характеризуется временными смещениями, экспозициями. Автор устанавливает условное настоящее время повествования, которое соотносится с повествованием о прошлом действующих лиц, с характеристикой ситуаций в различных временных измерениях. При лингвистическом исследовании романа несомненно важным является вопрос о языковом воплощении художественного времени, тем более что работ, посвященных системному анализу языковых средств в романе, нами не обнаружено.

Художественное время опирается на определенную систему языковых средств. Это, прежде всего, система видовременных форм глагола, их последовательность и противопоставление, лексические единицы с темпоральной семантикой, падежные формы со значением времени, хронологические пометы, синтаксические конструкции, которые создают определенный временной план, имена исторических деятелей, мифологических героев, номинации исторических событий.

Художественное время в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» создается всеми выше перечисленными элементами текста, а также фразеологизмами, семантическая структура которых может содержать элементы временных значений. Среди таких ФЕ выделяем предметные, призначные, качественно-обстоятельственные.

Фразеологизмы со значением предмета автор использует для обозначения промежутка той или иной длительности, в который совершается что-нибудь, например, «младые дни» (в значении «молодость»): «Там, там под сению кулис *Младые дни* мои неслись». (Гл. I, XVIII)

В том же значении употребляется фразеологизм «начало жизни молодой»: «Как в лес зеленый из тюрьмы Перенесен колодник сонный, Так уносились мы мечтой К началу жизни молодой». (Гл. I, XLVII)

Антонимичен им фразеологизм «худая череда» (в значении «старость»): «А нынче все мне темно, Таня: Что знала, то забыла. Да, Пришла худая череда!» (Гл. III, XVII)

Еще один смысловой оттенок фразеологизма с семантикой предмета – обозначение времени дня, года: «пора меж волка и собаки» (в значении «ночь»): «Люблю я дружеские враки И дружеский бокал вина Порою той, что названа *Пора меж волка и собаки*, А почему, не вижу я». (Гл. IV, XLVII); «время года»: «Родные люди, вот какие: Мы их обязаны ласкать, Любить, душевно уважать И, по обычаю народа, О рождестве их навещать, Или по почте поздравлять, Чтоб остальное *время года* Не думали о нас они...» (Гл. IV, XX); «утро года» (в значении «весна»): «Улыбкой ясною природа Сквозь сон встречает утро года». (Гл. VII, I)

Фразеологизмы со значением признака (призначные ФЕ) способны обозначать признак, свойство предмета и признак, состояние лица. Нам интересно было отметить, что фразеологизмы типа «темной старины», «прежних лет», «минувших дней» употреблены в романе при существительных со значением небольших рассказов – «шутки», «анекдоты», «преданья» - и имеют значение «соотнесенные с каким-либо промежутком времени»: «Приходит муж. Он прерывает Сей неприятный *tete-a-tete*; С Онегиным он вспоминает Проказы, шутки *прежних лет*». (Гл.VIII, XXIII); «Но *дней минувших* анекдоты От Ромула до наших дней Хранил он в памяти своей». (Гл.I, VI); «То были тайные преданья Сердечной, *темной старины*». (Гл.VIII, XXXVI)

Характеристика героев романа по возрасту передана фразеологизмами «в полном цвете лет», «минувших дней», «столько лет»: «И молодежь *минувших дней* За нею буйно волочилась». (Гл.VIII, III); «Увы! подруга *стольких лет*; Ее голубка молодая, Ее наперсница родная, Судьбою вдаль занесена, С ней навсегда разлучена». (Гл.VII, XIII); «По имени Владимир Ленский, С душою прямо геттингенской, Красавец, *в полном цвете лет*, Поклонник Канта и поэт». (Гл.II, VI)

В классе качественно-обстоятельственных фразеологизмов объединяются ФЕ, являющиеся обозначением признака или обстоятельства действия или степени проявления действия и признака предмета. Большой разряд фразеологизмов этого класса является средством обозначения различных обстоятельств, при которых совершается действие, в частности, времени.

Одним из «излюбленных» устойчивых сочетаний у А.С.Пушкина является фразеологизм «и день и ночь» в значении «постоянно»: «Но, боже мой, какая скука С больным сидеть *и день и ночь*, Не отходя ни шагу прочь!» (Гл.I, I); «Увы! теперь *и дни и ночи*, И жаркий одинокий сон, Все полно им». (Гл.III, VIII); «Сомненья нет: увы! Евгений В Татьяну как дитя влюблен; В тоске любовных помышлений И день и ночь проводит он». (Гл.VIII, XXX)

Следует отметить, что фразеологизмы с качественно-обстоятельственной семантикой в романе достаточно многочисленны. Среди них: от Ромула до наших дней (I, VI); в стары годы (I, XVII); до сих пор (I, XXX); в ту же пору (II, VI); сей же час (I, II); в наши дни (III, XXIX); час от часу (IV, XXV); за гробом – в значении «после смерти» (VII, XI); каждый день (VIII, XXX; VII, XLIV; II, XIII); в наши лета (I, XLIV; II, XX); в мощны годы (IV, XXXIII); на утренней заре (IV, XLI); на время (VII, XXI); с первыми лучами (VII, XXVIII); под старость (VII, XLII); на долгий срок (I, LI).

Такое обилие фразеологизмов позволяет автору передать все оттенки временных значений, делает текст романа ярким, выразительным, богатым.

Фразеологические единицы в пространстве публицистического текста

Мезенцева В.Ю.

Кубань

В пространстве публицистического текста необходимы фразеологизмы, поскольку они являются одним из самых ярких и действенных средств языка. Они обладают повышенной информативностью, вызывают активность восприятия мысли автора, а значит, являются действенным оружием в руках публициста.

Среди главных языковых особенностей публицистического текста следует назвать принципиальную неоднородность стилистических средств: использование специальной терминологии и эмоционально окрашенной лексики, в том числе и фразеологических единиц (ФЕ). Как пишет О.Н. Буянова, «эмоциональное отражение действительности в языке происходит через эмоциональный вид познания, при котором личность эксплицирует мир и его составляющие в форме эмоциональных образов, лингвистически закрепленных. Данное отражение всегда пристрастно, так как осуществляется с помощью заинтересованной в нем языковой личности. В этом плане следует выделить в ФЕ коммуникативную, прагматическую, аксиологическую, номинативную, эмотивную и эмоциогенную функции, определяющие своеобразие фразеологизма как знака языка и реалии культуры».

Наиболее часто употребляемым приемом у писателей и журналистов на сегодняшний день является использование фразеологизмов-синонимов: **два сапога пара, одного поля ягода** (один другого не лучше); **перековывать мечи на орала, вложить меч в ножны** (закончить войну, распрю) и др. А также использование фразеологизмов-антонимов: **засучив рукава – спустя рукава, заварить кашу – расхлебывать кашу, тяжел на подъем – легок на подъем** и др.

Так как большая часть ФЕ отображает глубоко народный, самобытный характер русского языка, современные журналисты в пространстве публицистического текста все чаще стараются преобразовать ФЕ. Преобразованию подвергаются, как семантика, так и структура фразеологизмов. Трансформация фразеологизмов возможна потому, что они обладают внутренней формой. А эта их особенность позволяет авторам «реставрировать» в той или иной степени стершийся образ и приспособить обобщенный, метафорический смысл того или иного выражения к конкретным условиям контекста. Но это, как правило, приводит к появлению фразеологических каламбуров. Например: «Петр Первый **рубил в Европу окно**, когда надо было учиться пользоваться дверью. Вчера в Брюсселе президенту России показали ключ от заветной двери, который окончательно попадет к нам в руки года через полтора – два». («Куранты» 10 дек 1993г.) Или такой пример: «НО в нашем случае, видно, актрисе нужно побольше **пыли пустить в глаза**. А уж когда **пыль совсем столбом стоит**, то, по сути, ничего не видно» («Начало», №41, 1993г.)

Становится понятно, что ФЕ придают публицистическому тексту красочность, живость, выразительность. Часто в пространстве публицистического текста происходит переосмысление ФЕ, их обновление, что является специальным стилистическим приемом.

Литература

1. Буянова О.Н. Культурно-языковая специфика фразеологической единицы // Коммуникативно-прагматические аспекты фразеологии: Тез. докл. междунар. конф. Волгоград, 1999. - С. 151-152.

Об особенностях функционирования ФЕ в поэзии и возможностях ее фразеографической репрезентации

Мелерович А.М.

Кострома

При исследовании особенностей функционирования ФЕ в поэзии важно учесть целый ряд отличительных признаков поэтического текста как уникальной функционально-эстетической системы, выделяемых в лингвистике поэтического текста (ПТ). Уникальность ПТ как функционально-эстетической системы определяется такими его свойствами, как метаморфность, проявляющаяся в трансформациях, которые претерпевают единицы языка, выполняющие эстетическую функцию [Якобсон 1987]; выполнение в ПТ функций смысловыражения одновременно разноуровневыми единицами языка. При этом доминанта в ПТ может быть фоносемантической, словообразовательной, лексической, фразеологической и т.п. [Казарин 2001]. Е.Г. Эткинд говорит о семантизации всех элементов поэтической речи как о важнейшем законе стиха: «В контексте стиха каждый элемент звуковой формы становится окказиональным носителем содержания» [1998: 272]. Особый характер поэтической номинации, ее способы и виды обеспечивают ту или иную степень экспрессивности единиц языка и ПТ в целом. Системе ПТ свойственна поэтическая энергия [Николаева 2001: 206]: «Языковая энергия претерпевает глобальную трансформацию в процессе формальных, смысловых, дискурсных, а главное – культурных, эстетических и духовных реализаций единиц языка в функционирующей системе ПТ» [Казарин 2001:226]. Выделяются также такие специфические для ПТ свойства, как герметичность (устойчивость формально-смысловых авторских кодов), идиоматичность, неаддитивность [Лукин 1999:41].

Ю.М. Лотман дает следующую обобщающую характеристику ПТ как функционально-эстетической системы: «Стихотворение – сложно построенный смысл. Все его элементы суть элементы смысловые, они являются обозначениями определенного содержания» [1972:38]. Следовательно, включаемые в ПТ слова и ФЕ, становясь элементами этого уникального фоносемантического единства, в его составе могут подвергаться трансформациям как в плане выражения, так и в плане содержания, мотивированным эстетической функцией. Покажем это на примере закономерных для ПТ лексико-фразеологических парадигм, широко эксплицирующих характерные для идиом многообразные текстовые

семантические поля. Входящие в их состав ФЕ реализуют внутритекстовые ассоциативно-семантические связи (парадигматические, синтагматические, деривационные). Сами сочетания образов-концептов, представляемые текстовыми конфигурациями ФЕ, идиоматичны, уникальны для данного идиолекта, специфичны для идиостиля. Приведем пример лексико-фразеологического микрополя в стихотворении Б. Слуцкого «Не за себя прошу»: «За себя никогда никого не просил. / Но просить за других, унижаться, терпеть, / Даже Лазаря петь, / Даже Лазаря петь, и резину тянуть. / Спину гнуть, Спину гнуть / и руками слегка разводить, / Лишь бы как-нибудь убедить, / Убедить тех, кому все равно, / Это я научился давно». Доминантой данного ПТ является лексико-фразеологическая парадигма, манифестирующая определенный поведенческий стереотип, выработанный условиями социального существования, совмещающий бескорыстную целеустремленность и приспособленчество – «лишь бы как-нибудь убедить тех, кому все равно». Экспрессивность ПТ мотивирована его семантикой и формой: члены текстовой парадигмы образуют градационный ряд, в составе которого семантика ФЕ *гнуть спину*, *разводить руками* подвергается двойной актуализации, наряду с характеристикой поведенческого стереотипа обозначая символизирующие его телодвижения. Фразеологические повторы, инверсия компонентов ФЕ обусловлены здесь фоносемантической организацией ПТ в целом.

Основная единица языковой номинации – слово в поэзии приобретает особую смысловую и экспрессивную значимость. В поэтическом контексте актуализируются потенциальные ассоциативные смыслы слов, в других контекстах приглушенные или не проявляющиеся: «В центре поэтического искусства в конечном счете стоит слово со всей совокупностью его прямых и косвенных смыслов» [Эткинд 1998: 86]. Б.В. Томашевский пишет о специфической для поэзии формальной и смысловой актуализации слов: «Слово в поэзии как бы выпирает, выходит на передний план... развитие стиховой речи ведется главным образом по тесным словесным ассоциациям, от слова к слову, от предложения к предложению, от «образа» к «образу» [Томашевский 1927: 73]. Слова в поэтическом контексте (в том числе и словные компоненты ФЕ) стремятся к автономности, которая достигается посредством выделения их такими характерными или специфическими для стиха средствами, как ритм, рифма, повторение слова, неожиданные звуковые ассоциации, синтаксис, трансформация ФЕ.

Ведущим приемом трансформации ФЕ в ПТ является двойная актуализация, создающаяся посредством семантического и звукового сопоставления компонента ФЕ со словом (словосочетанием) в свободном употреблении: «Ах, оборотистый народец - / поэты! Бедный оборотец и тот пускаем в оборот: / бросаешь камешек соседу, / а он булыжник — мельче нету, / — как говорится, общий счёт». (О. Чухонцев, Прощанье со старыми тетрадами). Здесь актуализирован компонент *камешек* (узуальная форма ФЕ *бросать камешки в огород* чей) благодаря его сопоставлению со словом *булыжник*. На первом плане буквальное значение сопоставляемых слов.

Однако здесь буквализация сочетается с развернутой метафорой, распространяющейся и на слово *булыжник*.

Часто наблюдается семантическая актуализация компонента ФЕ, возникающая в результате сопоставления его с однозвучным компонентом другой ФЕ. При этом сопоставление основывается в первую очередь на звуковых ассоциациях: Ум – домосед. А дурь живет на воле. / *Свирепствующий в глупой голове / Известный ветер – ищет ветра в поле; / Два ветра сибились; дури стало две.* (Н. Матвеева, Этапы глупости). Здесь словосочетание *известный ветер* является актуализированной частью оборота *свирепствующий в глупой голове известный ветер*, представляющего собой трансформ ФЕ *ветер в голове*. На основе его сопоставления с ФЕ *ищи ветра в поле* создан авторский каламбурный афоризм *Два ветра сибились; дури стало две*, в котором обыгрывается ассоциативный смысл слова *ветер* – «легкомыслие, непостоянство, несерьезность», сопряженный также с такими словами и оборотами, как *ветренность, ветреник, бросать на ветер, болтать на ветер*.

Актуализацию слов-компонентов ФЕ в ПТ могут создавать характерные для поэзии звуковые и лексические повторы, синтаксический параллелизм. Так, в стихотворении Б. Слуцкого «Без меня» основную текстообразующую функцию выполняет градационный ряд образных перифраз, параллельных синтаксических конструкций, продуцируемых ФЕ *капля в море*, созданных по ее модели. Здесь слово компонент ФЕ *капля* и его контекстуальные корреляты *секунда, слезинка, снежинка* служат выражению ощущения поэтом своей сопричастности огромному, необъятному миру: «Можно обойтись и без меня. / Но зачем? Секундой в толще дня, / каплей в океане моря / и слезинкою в рыданье горя / пригодиться я еще могу. / И еще — снежинкою в снегу».

Слово в поэзии многомерно. В системе ПТ содержание слова мотивируется всеми образующими его элементами. ФЕ в поэзии создают своеобразный замкнутый контекст, в пределах которого возникают особые окказиональные значения слов и сочетаний слов компонентов. Наиболее полное, глубокое их осмысление сопряжено с выходом в контекст стихотворения, поэтического цикла, творчества поэта в целом.

Построение проектируемого словаря «Фразеологизмы в русской поэзии» (СФРП) основывается на принципах, разработанных для СФРП [Мелерович, Мокиенко 1997], но также предполагает разработку специальных принципов построения, отражающих специфику функционирования ФЕ в поэтических жанрах. Основная задача СФРП – представить систематизированные материалы типического для поэзии и индивидуально-авторского употребления ФЕ, отражающего своеобразие поэтических идиостилей в их сложном взаимодействии. Словарная разработка ФЕ в поэзии поможет обнаружению ключевых образов в творчестве разных поэтов, выявлению и систематизации фразеологических символов, репрезентирующих определенные константы русской поэтической картины мира (см., например, высокочастотные в поэзии ФЕ *земной шар, белый свет*,

запретный плод, смертный час, час пробил, кануть в лету, порости быльем, нести крест, испить чашу (до дна), сходить с ума, оставить след, парить в облаках, витать в эмпириях, строить воздушные замки). Важно с помощью лексикографических приемов фиксировать и систематизировать характерные для поэзии способы преобразования значения и формы ФЕ.

Словарная разработка употреблений ФЕ в ПТ будет способствовать более глубокому проникновению в концептуальное содержание поэтических произведений, более полному описанию их структурной, формальной организации. СФРП как словарь-справочник будет способствовать выявлению эстетической функции ФЕ в ПТ, поможет восстановлению забытых ПТ по сохранившимся в памяти употреблениям ФЕ, уточнению авторства поэтических строк.

Литература

1. Казарин Ю.В. Поэтический текст как уникальная функционально-эстетическая система // Текст. Структура и семантика: Доклады УШ международной конференции. - М., 2001, Т.1.
2. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. - М., 1972.
3. Лукин В.А. Художественный текст. Основы лингвистической теории и элементы анализа. - М., 1999.
4. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. - М.: Русские словари, 1997.
5. Николаева О. Поэзия как энергия // Знамя, 2001, № 2.
6. Томашевский Б.В. Теория литературы (Поэтика). - М.-Л., 1927.
7. Эткинд Е.Г. Материя стиха. - СПб, 1998.
8. Якобсон Р.О. Работы по поэтике. - М., 1987.

Устойчивые словесные комплексы старославянского языка как объект описания в «Старославянском словаре (по рукописям X-XI веков)»

Мишина Л.Н.

Магнитогорск

Устойчивые словесные комплексы (УСК) старославянского языка практически не исследованы, хотя лингвисты признают, что часть русских УСК возникла на базе УСК литературно-книжных памятников, «которые, в свою очередь, усвоили их из церковной книжности» (1, с. 15), то есть, в том числе из старославянских памятников. Н.Г. и Л.Н. Самсоновы начали описание фразеологического (в широком понимании термина) состава старославянского языка в учебном пособии «Старославянский язык: Лексика. Фразеология. Словообразование» (2), но, в силу объёма издания, ограничились рассмотрением библеизмов, проникших в русский язык через посредство старославянского. Однако для понимания старославянских текстов, а также для воссоздания языковой картины мира, которая, по мнению исследователей, наиболее объективно и полно выражается именно на материале обширных массивов фразеологии (3, с. 68), необходимо описание всего фразеологического состава старославянского языка. Одним из начальных этапов изучения всего объёма УСК старославянского языка

может быть анализ УСК, зафиксированных в словарях старославянского языка – «Словаре старославянского языка» Чехословацкой Академии наук (1956-1997) и «Старославянском словаре (по рукописям X-XI веков)» (1994) под редакцией Э. Благовой, Р. М. Цейтлин и С. Геродес. Более строгое описание УСК представлено во втором словаре, т.к. в нём использованы данные только старославянских памятников, в то время как составители второго словаря извлекали материалы не только из самих старославянских рукописей, но и из более поздних церковнославянских.

«Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков)» является толковым, каждая единица старославянского языка объяснена с помощью аналогичных по значению единиц современного русского, чешского и древнегреческого языков. Словарь даёт полное описание зафиксированных в нём УСК старославянского языка: их семантических, грамматических, структурных, функциональных и (в ряде случаев) этимологических свойств. Словарная статья отмечает следующие свойства УСК:

I. Семантические свойства, то есть наличие у УСК нескольких значений, ограничение сочетаемости и сферы употребления УСК, синтагматику УСК. Наличие у УСК нескольких номинативных значений фиксируется двумя способами: второе значение даётся после знака • или значения перечисляются по списку: въ истин@, по истинѣ действительно, на самом деле, воистину /.../ • правдиво, правильно (4, с. 271); до връха а) доверху /.../ б) в высшей степени, полностью (4, с. 124); възложити р@цѣ, р@к@ на кого а) возложить руку, руки на кого-л. /.../ б) поднять руку, взять (4, с. 139).

Наличие у УСК переносного значения обозначается пометой *перен.*: ж#тва пока"ниа *перен.* приношение покаяния (4, с. 222); земл" забъвена *перен.* земля забвения, преисподняя (4, стр. 142).

В словаре отмечены случаи ограничения употребления УСК определённой синтаксической позицией: б@ди иже в знач. союза если и (4, с. 104); хот#ма" бгти с мн. в знач. сущ. то, что будет, будущее (4, с. 104); не б@ди, да не б@деть в знач. межд. нет (4, с. 104). Функционирование некоторых УСК ограничено церковной обрядовой сферой, что обозначается пометой *спец.*, которая находится либо до, либо после такого УСК: *спец.* гласъ искръ плагальный лад (4, с. 265); *спец.* исповѣднь бгти чесо признаться, исповедоваться (4, с. 286); лѣто при>то *спец.* юбилейный год, лето оставленья (в иудейской традиции - год прощения) (4, с. 315).

Некоторые УСК имели ограниченную сочетаемость, что также отражено в словаре: тако ми с вин. клянусь кем (4, с. 67), изити на с вин. выступить (в поход) против кого (4, с. 254); виньнь, виньна сътворити кого обвинить (4, с. 116).

II. Грамматические свойства УСК, то есть их парадигматика. Под парадигмой УСК понимается такое варьирование составных элементов УСК, которое не дифференцирует ни УСК, ни его значения (5, с. 25). Можно выделить следующие виды парадигматических изменений УСК:

а) изменение знаменательного слова в составе УСК: жила гов#жда или соурова плеть (4, с. 218); въ подобно врhm#, въ благо врhm# удобно, вовремя (4, с. 125); о лhв@\ (о шю\)\ слева (4, с. 314); любг дh"ти, творити любить (4, с. 317);

б) изменение предлога с сохранением падежа имени существительного или прилагательного: отъ или изъ ложеснь от утробы матери (4, с. 310); отъ, изъ мрътвгихъ вьстати воскреснуть (4, с. 334);

в) изменение падежа и/или числа имени существительного: въ дъне, въ дъни, въ дънь днѣм (4, с. 202); господинъ храминг, храминh хозяин (4, с. 175), подь владгко\, подь владгками под властью, в подчинении, подвластный (4, с. 117);

г) изменение числа неличного местоимения: надь вьсhмь, надь вьсhми сверх того, кроме всего этого (4, с. 162);

д) использование супплетивных форм числа и лица личного местоимения: чьто ~сть тебh, намъ и т.п. что тебе, нам и т.п. до того (4, с. 104);

е) изменение формы имени прилагательного: овьча, овьчи" к@пhль пруд в Иерусалиме Овечья купальня (4, с. 302); ново, ново~ лhто Новый год (4, с. 315);

ж) перестановка элементов УСК местами: дънь и ноть, ноть и дънь днѣм и ночью (4, с. 202).

III. Системные свойства УСК, то есть их включенность в лексическую и фразеологическую (в широком понимании термина) систему языка.

Антонимы даны только у нескольких УСК в заглавной части словарной статьи в виде «не + исходный УСК»: по воли (не по воли) добровольно (4, с. 121).

Синонимическая парадигма представлена более подробно: после иллюстративной части статьи для сравнения предлагаются близкие или идентичные по смыслу слова и конструкции. В качестве синонимов УСК могут выступать: а) слова – идольска" слоужьба идолопоклонство /.../ – Ср. коумирослоужени~ (4, с. 247); зьло глаголати поносить, злословить /.../ – Ср. зьлословити (4, с. 241); въ займъ въз#ти оу кого /.../ – Ср. за>ти (4, с. 226); б) другие УСК – зьлодh>и с# на новг мhс#ц# быть лунатиком /.../ – Ср. мhс#чьнг> зьлг нед@гг имг (4, с. 240); приставл~ни~ домовьно~ управление домом, хозяйство /.../ – Ср. стро~ни~ домоу (4, с. 194).

Иногда в словаре представлена включенность словесного комплекса в семантическую парадигму языка: после иллюстративной части статьи приведены слова и УСК одной с ним тематической группы, например, лъжесъвhdhтель бгти лжесвидетельствовать /.../ – Ср. лъжипослоухъ, лъжь (лъжь съвhdhтель) (4, с. 312).

IV. Некоторые словарные статьи объясняют способ образования того или иного УСК. Для этого в словаре используются: а) ссылка на язык, из которого было заимствовано УСК: о измhноу\тмиихъ с#, о измhн#тмиихъ с# и о измhнъшиихъ с# *дословный перевод с греч. на месте евр. Шеноным - музыкальный инструмент или начало песни «Лилия закона»* (4, с. 256); б)

называние языкового приёма, лёгшего в основу образования УСК: безбрашно брашно (*игра слов*) еда без пищи (4, с. 79).

Словарные статьи «Старославянского словаря (по рукописям X – XI веков)» отмечают различные свойства УСК: однозначность или многозначность, наличие или отсутствие ограниченности употребления, возможность варьирования состава устойчивого словесного комплекса, его валентность, включенность в систему языка, происхождение. Данные словаря могут служить основой для изучения всего массива УСК старославянского языка и составления полного словаря этих единиц.

Литература

1. Волков С.С. Устойчивые словосочетания – штампы для обозначения определённых житейских ситуаций в русских челобитных XVII века // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии: Тезисы конференции. Октябрь 1975 г. Москва. Вып. 1. – М., 1975. — С. 13–16.
2. Самсонов Н.Г., Самсонова Л.Н. Старославянский язык: Лексика. Фразеология. Словообразование: Учебное пособие. — Якутск: Изд-во Як. ун-та, 1999. — 64 с.
3. Никитина Т.Г. К вопросу о классификационной схеме фразеологического идеографического словаря // Вопр. языкознания. – 1995. – № 2. – С. 68 – 82.
4. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков): Около 10000 слов / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М.: Рус. яз., 1994. – 841 с.
5. Огольцев В.М. О грамматических пометах в словаре устойчивых сравнений // Семантико-грамматические характеристики фразеологизмов русского языка: Сб. научных трудов. – Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена. – 1978. – С. 21-29.

Функционирование процессуальных фразеологизмов в романах Ф.М. Достоевского: стилистический аспект

Навроцкий А.А.
Челябинск

Многие исследователи отмечали «глагольность» лексического состава романов Ф.М. Достоевского. Динамизация повествования достигается различными средствами: в том числе и частым употреблением процессуальных фразеологизмов. Неслучайность использования тех или иных сверхлексемных единиц доказывает их смыслообразующее значение для всей поэтики Ф.М. Достоевского, убеждает нас в справедливости тезиса о том, что через лингвистические особенности текста можно выйти на предельно обобщенные вопросы всего художественного мира. При анализе фразеологических единиц, наполняющих текстовое пространство рассмотренных произведений Ф.М. Достоевского («Записки из подполья», «Преступление и наказание», «Бесы», «Игрок», «Идиот»), нам показалось концептуальным, более того, принципиально значимым, выделить среди

всего проанализированного материала процессуальных фразеологизмов узуальные, окказиональные и архаические.

Преобладание узуальных ФЕ видится нам вполне закономерным явлением, не вызывающим особых вопросов. Ф.М. Достоевский вынужден был учитывать тот лингвистический базис литературного языка, на основе которого он создавал свои произведения в XIX веке. Преодоление фонетических, словообразовательных норм синтаксической организации текста войдет в качестве творческой задачи в произведения писателей уже XX века («Улисс» Дж.Джойса, проза У.Барроуза и Х. Кортасара, драматургия С.Беккета и Э.Ионеско, поэзия Д.Хармса и т.д.).

На этапе развития литературного языка и национальной словесности второй половины XIX века, характеризовавшихся присутствием в них резких социально-критических мотивов, высокой политической ангажированности, стремлением к предельно точному, детальному выписыванию окружающей действительности, Ф.М. Достоевский не мог выступать всеобъемлющим реформатором еще только полвека назад сформированного национального, литературного, русского языка. Поэтому фразеологизмы: «Аглая *рассердилась не на шутку* и вдвое похорошела» (4, 257), «Улучить минуту и *показать себя* – пусть же скажут: хоть и смешон, да умен... и... и... одним словом, черт с ними!» (6, 817), «...я даже боюсь дотронуться до него чем-нибудь новым, чтобы он не *разлетелся в дым*» (5, 449») – явление закономерное, мы бы даже сказали, социально обусловленное. Чего нельзя сказать о стремлении Ф.М. Достоевского к преодолению норм сочетаемости слов, тенденции к замене узуальных единиц языка окказиональными. Этот знаменательный выход за пределы языковой нормы в языке произведений Ф.М. Достоевского является фундаментальной особенностью его стиля. Данный выход «за» осуществляется, на наш взгляд, не столько за счет широкого привлечения в текстовую структуру ненормативной лексики (просторечие, жаргон), сколько «...за счет именно соединения в одном уровне несочетаемых, с нормативной точки зрения, единиц...» (1, 249): «...надо бы непременно и немедленно... *обняться со всем человечеством...*» (6, 803), «Вообще целую неделю она продолжала *находиться в* довольно ясном *настроении духа*, чего давно уже не было» (4, 190), «...некто Гулливер, возвратясь из страны лилипутов, где люди были всего в какие-нибудь два вершка росту, до того *приучился считать себя* между ними великаном, что...» (3, 7). Некоторые окказиональные фразеологизмы Ф.М. Достоевского можно было отнести к простым образным выражениям его художественной речи, если бы не их систематическая, наполненная смыслом повторяемость и варьирование, игра с многозначностью семантики, высвечивающая сквозь ничего, казалось бы, особенного не значащие структурные сочетания слов «...более важные, сверхлексемные смыслы» (1, 250).

Присутствие в романах писателя архаической лексики и фразеологии - лингвистическое явление, осмысление которого не требует особых размышлений. То, что для Ф.М. Достоевского было актуально с точки зрения

речевой и коммуникативной, нам в настоящий момент видится устаревшим, архаичным: «Генеральша решительно рассердилась на эти замечания и готова была *биться об заклад*, что князь явится, по крайней мере, на другой день...» (4, 250), «...давным-давно уже *возымел про себя* фантастическую мысль припасти на всякий случай этот паспорт...» (3, 540), «Я боялся за нее; мне решительно казалось, что у нее *ум мешается*» (5, 469). Во фразеологизмах, отнесенных нами к архаическим, большое значение имеет именно компонентный состав.

Эпистолярное и публицистическое наследие Ф.М. Достоевского хранит для нас высказывание, ставшее уже спустя полвека после смерти писателя хрестоматийным: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и, ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время: я занимаюсь этой тайной...» (7, 60).

Литература

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского – М.; 1979.
2. Виноградов В.В. О задачах стилистики. // О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980.
3. Достоевский Ф.М. Бесы: роман. – М., 1998. – 608 с.
4. Достоевский Ф.М. Идиот: роман. – М., 1998. – 640 с.
5. Достоевский Ф.М. Избранное. – М., 1998. – 976 с.
6. Достоевский Ф.М. Избранное. – М., 1998. – 864 с.
7. Достоевский Ф.М. Письма к друзьям и современникам. – М.; 1976.

Фразеологические единицы в рассказе Б.К. Зайцева «Авдотья-смерть»

Орехова М.В.

Орел

Как известно, фразеология является одним из ярчайших языковых средств, формирующих идиостиль писателя. Фразеологические единицы (далее - ФЕ) способны сделать повествование более красочным, образным. Борис Константинович Зайцев, один из самых талантливых представителей русского зарубежья, блестящий прозаик, также использует ФЕ на страницах своих произведений. Выбор фразеологизмов зависит от характера произведения и его тематики, поэтому набор ФЕ и их количество в различных произведениях Б.Зайцева отличаются. Например, в рассказе «Волки» мы не обнаружили ни одной ФЕ, в рассказе «Мгла» - 5 ФЕ, в рассказе «Авдотья-смерть» - 22 ФЕ. Именно последний рассказ привлек наше внимание.

Рассказ «Авдотья-смерть», появившийся в 1927 году в Париже, относится к числу лучших произведений Б. Зайцева. Главная героиня Авдотья, прозванная «смертью» за необычайную худобу и высокий рост, несмотря на внешнюю грубость и жестокость, порой вызывает жалость и сочувствие. Для того чтобы раскрыть образ Авдотьи и через него идею произведения в целом, автор среди прочих средств использует и ФЕ.

На десяти страницах рассказа путем сплошной выборки было выделено 22 ФЕ, т.е. на одну страницу текста приходится по 2,2 ФЕ. Этот показатель

является очень высоким для произведений Б. Зайцева. Для сравнения: в автобиографической повести «Валаам» степень фразеологической насыщенности текста более чем в два раза ниже, она составляет 1,03 ФЕ. В «Валааме» и рассказе «Авдотья-смерть» также разный характер фразеологии, что зависит от задачи автора [Орехова: 121].

Для раскрытия образа Авдотьи автор часто использует речевую характеристику. Речь героини наполнена разговорными и просторечными ФЕ, состав которых указывает на социальный статус, уровень развития, характер: «А как я теперь без пропитания да бабка *на руках* слепая – *разрази ее Господь* – да Мишка несмышленный, жрать-то нечего, прямо *как рыбочка бьешься...*» [Зайцев: 286]. Характерно, что если в речи героини распространены разговорные ФЕ, то речи автора свойственны нейтральные: «И обычная тоскливость, тяжесть встречи *легла на сердце*» [Зайцев: 291]. Такой контраст дает возможность лучше понять героиню и глубже проникнуться идеей автора.

Интересен и состав ФЕ с точки зрения их соотношенности с частями речи. Среди 22 ФЕ 9 соотносятся с глаголом, 6 – с наречием, 7 – с незнаменательными частями речи (4 – с междометием, 3 – с модальными словами). При этом не было выделено ни одной субстантивной и адъективной ФЕ, нет фразеологических номинативов, которые встречаются в других произведениях Б. Зайцева, например, в повести «Валаам» [Орехова: 123].

В рассказе «Авдотья-смерть» наиболее распространены глагольные ФЕ, однако интересно, что эти единицы характеризуют не столько действие, сколько внутреннее, психологическое состояние героев, передают их мысли и чувства, например, ФЕ *выводит из себя* ‘раздражать’: «Но огорчало, *выводило из себя*, что бабка “много жрет”» [Зайцев: 289], ФЕ *остаться при своем* ‘не изменить свое мнение’: «Лиза *осталась при своем*» [Зайцев: 295]. Использование таких фразеологизмов свидетельствует о том, что для Б. Зайцева важно показать не столько внешние действия героев, сколько, прежде всего, те чувства и мысли, которыми были вызваны эти действия, так как внутреннее состояние персонажа для автора важнее внешних проявлений.

Адвербиальные ФЕ, используемые Б. Зайцевым для характеристики действий героини, отражают ее характер и образ жизни. Авдотья постоянно куда-то спешит в поисках пропитания для себя и родных, поэтому появляется в ее речи ФЕ *одним махом* ‘очень быстро’: «Я тут *одним махом*, к обеду домой...» [Зайцев: 291], - и синонимичная ФЕ *одним духом*: «Я тут, милок, *одним духом...*» [Зайцев: 296]. Если в речи героини используются наречные ФЕ со значением образа и способа действия, то в речи автора появляется фразеологизм с временным значением *первое время* ‘сначала’: «После «реприманда» Варвары Андреевны Авдотья *первое время* была потише...» [Зайцев: 292]. Адвербиальные фразеологизмы являются ярким средством характеристики действия, а в данном случае указывают на темп жизни героини, на отношение автора к ее поступкам.

Для раскрытия образа героини особенно важны ФЕ, соотносящиеся с междометиями, которыми насыщена речь Авдотьи. Интересно, что автор использует здесь как общеязыковые, так и диалектные ФЕ. К узуальным относится ФЕ *прости Господи*, использующаяся как «выражение, сопровождающее высказывание, резкость которого осознается самим говорящим» [ФСРЯ: 340]: «Барыня, дозвольте ту сосенку-то, во-о, над прудом, мужичкам срезать, там аккурат моей гроб выйdet – ох уж долгая же уродилась, *прости Господи...*» [Зайцев: 292]. Однако наиболее яркими являются диалектные единицы: «Ах ты, *пралик тебя расшиби, волосатик тебя заешь*, - кричала она мужским голосом...» [Зайцев: 289]. Эти ФЕ имеют то же значение, что и просторечная общеязыковая ФЕ *разрази тебя* [*его, ее, вас, их*] *гром* [ФСРЯ: 356], они используются для выражения возмущения и негодования, однако диалектные ФЕ, употребленные в пределах одной фразы, дают более яркую характеристику героини, простой деревенской жительницы, отражают сознание и менталитет русского народа в целом. Кроме того, включение подобных выражений в текст характеризует Б. Зайцева как писателя, мастерски владеющего языком и умело использующего различные его пласты.

В речи автора трижды встречается модальная ФЕ *может быть* (*быть может*), имеющая значение ‘возможно, вероятно’. Используя ее, писатель пытается передать мысли и чувства Авдотьи: «И Авдотья завывала: так полагалось в деревне, а *может быть*, не только что и полагалось...» [Зайцев: 293]. Зайцев не навязывает читателю своего мнения: он рассказывает о действиях героини, предполагает, какие чувства она испытывает, о чем думает, но оставляет за читателем право делать выводы. Использование модальных ФЕ способствует приобщению читателя к творческому процессу, заставляет его размышлять над произведением, задумываться над тем, что хотел сказать автор и как он оценивал описанные события.

Таким образом, фразеограмматическая характеристика ФЕ имеет очень большое значение: автор тщательно выбирает используемые ФЕ, каждая идиома точно передает его мысль, ни одна из них не является случайной.

При анализе произведений Б. Зайцева нами было замечено, что писатель достаточно редко прибегает к индивидуально-авторским преобразованиям ФЕ, однако именно поэтому такие примеры заслуживают внимания исследователей. В рассказе «Авдотья-смерть» встречается ФЕ *кануть в пучину дней*: «Разговор был разговором, *канул*, как и все, *в пучину дней*» [Зайцев: 295]. ФСРЯ приводит 3 узуальные ФЕ, содержащие компонент «кануть»: *кануть в вечность* - ‘исчезнуть навсегда, минуть’, *как в воду канул* - ‘бесследно исчез, пропал’, *кануть в Лету* - ‘быть забытым, бесследно исчезнуть’ [ФСРЯ: 180], однако только последняя ФЕ имеет значение ‘быть забытым’, схожее со значением преобразованной единицы. Значение ‘пропасть, исчезнуть’ едва ли может быть реализовано в данном контексте. Это свидетельствует о том, что Зайцев в этом предложении использует не только формальное преобразование (в данном случае это

субституция), но и семантическое: объединяя несколько языковых ФЕ, он выделяет только одно конкретное значение, которое реализуется в контексте.

В другом случае автор, сохраняя общеязыковое значение, изменяет общую форму фразеологизма. ФЕ *биться как рыба об лед* 'тщетно, безрезультатно прилагать все усилия, чтобы выйти из бедственного материального положения; бедствовать' [ФСРЯ: 34] превращается в дважды встречающуюся ФЕ *биться как рыбочка*. Зайцев опускает компонент «об лед» и изменяет морфемный состав слова «рыба», сохраняя узуальное значение, характеризующее бедственное положение героини: «Вы-то небось барскую землю забрали, а ведь я тоже обчужденная, как рыбочка бьюсь, бабка слепая, Мишка несмышленный...» [Зайцев: 287]. В данном случае преобразование ФЕ изменяет ее стилевую принадлежность: из нейтральной она превращается в разговорно-просторечную, что в большей степени свойственно речи героини и соответствует языковому окружению. Благодаря формальным изменениям ФЕ становится более ярким средством характеристики Авдотьи.

Эти примеры говорят о том, что Б. Зайцев очень внимателен к богатству языка и бережно его использует: часто обращаясь к фразеологии, он редко использует преобразования, но, прибегая к ним, всякий раз вкладывает в изменения глубокий смысл. Это немаловажная черта идиостиля Б.Зайцева.

Если сравнить фразеологический состав рассказа «Авдотья-смерть» с фразеологизмами, используемыми в повести «Валаам», то можно сделать вывод, что выбор фразеологизма зависит от темы произведения, его жанровой принадлежности. В «Валааме», где речь шла о посещении монастыря и приобщении к вечным ценностям, активно использовались ФЕ с компонентами религиозного характера, большинство из которых являлись стилистически нейтральными. В рассказе «Авдотья-смерть» значительную роль играют разговорные и просторечные ФЕ, призванные характеризовать героиню, ее чувства, эмоции, поступки, однако немаловажную роль играют и нейтральные ФЕ, фигурирующие в основном в авторских ремарках. При этом независимо от жанра и темы произведения, Зайцев остается мастером прозы, блестяще владеющим языком и очень трепетно к нему относящимся. Обращаясь к разным пластам языка, он тщательно отбирает каждое слово, чтобы наиболее точно выразить свою мысль. Если возникает необходимость, писатель использует различные способы преобразования, однако редкое к ним обращение тоже является своеобразной чертой манеры письма Зайцева.

Таким образом, ФЕ в творчестве Б.К.Зайцева играют значительную роль. Их использование делает его произведения более выразительными, приобщает читателя к творческому процессу, заставляет задуматься над идеей, которую автор пытался воплотить с помощью фразеологии.

Литература

1. Зайцев Б.К. Авдотья-смерть // Дальний край. Повести. Рассказы. – М.: Дрофа, 2003. – 400 с. – С. 286-296.

2. Орехова М.В. Фразеологические единицы в повести Б.К. Зайцева “Валаам” // «Вопросы лексики и фразеологии русского языка»: Сборник научных статей. – Орел: Издательский Дом «Орлик», 2004. – С. 120-127.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
4. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И.Молоткова. – М.: ООО «Издательство АСТ», ООО «Издательство Астрель», 2001. – 512 с.

Особенности создания комического посредством фразеологии в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Павлова А.Э.
Кострома

В романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» среди языковых средств создания комического значительная роль отводится фразеологии, которая представляет широкие возможности формирования комической тональности текста, участвует в создании идиостиля автора. В романе представлено многообразие приемов создания комического посредством ФЕ как в узуальном, так и индивидуально-авторском употреблении.

Рассмотрим разнообразные приемы создания комического эффекта с использованием фразеологизмов без изменения их значения и состава, т.е. при прямом введении узуальных ФЕ в контекст романа «Мастер и Маргарита».

В романе «Мастер и Маргарита» Булгаков использует коннотативно маркированные ФЕ с закрепленной за ними эмоционально-экспрессивной комической окраской, придающие высказыванию шутливый характер. Все эти ФЕ фиксируются во фразеологических словарях часто с пометками «шутл.», «ирон.»: *ФЕ ум за разум заходит, ФЕ ни к селу ни к городу, ФЕ отколоть штуку, ФЕ на закуску* и др. Например: «*Слуга покорный, - трубил Амвросий, - представляю себе твою жену, пытающуюся соорудить в кастрюльке в общей кухне дома порционные судачки а натюрель! Ги-ги-ги!.. Оревуар, Фока! – и, напевая, Амвросий устремился к веранде под тентом*» (глава 1). Здесь доминантой создания комического эффекта является ФЕ *слуга покорный* как форма выражения отказа или несогласия, придающая ироническую окраску всему высказыванию в целом.

С целью создания комического эффекта Булгаков широко использует стилистически маркированные слова и ФЕ официально-делового стиля и разговорно-просторечные ФЕ и слова. Сами по себе эти слова и ФЕ не являются средством создания комического эффекта: комический эффект возможен только при определенной художественной обработке языкового материала, связанной с целевой установкой автора. Насыщение речи отдельных персонажей коннотативно маркированными словами и ФЕ становится средством создания сатирических образов персонажей.

В речи большинства сатирических персонажей реального мира

отражается пристрастие к лексике, фразеологии, клишированным формулировкам официально-делового стиля, что служит приемом сатирической типизации речи персонажей. Так, распространенный вид речевых штампов, включающих в свой состав такие «универсальные» слова и ФЕ, как *вопрос, точка зрения*, содержится в речи большинства сатирических персонажей реального мира, Например, высказывание Берлиоза: *«Видите ли, профессор, <...> мы уважаем ваши большие знания, но сами по этому вопросу придерживаемся другой точки зрения»* (глава 1) или *«Какая-то нелепая постановка вопроса»* (глава 1); отрывок из внутреннего монолога Бездомного: *«Если как следует провентилировать вопрос, выходит, что я, в сущности, даже не знал-то как следует покойника»* (глава 11); высказывание Босого, переданное в форме косвенной речи: *«Но деловой и осторожный Никанор Иванович заявил, что ему прежде всего придется увязать вопрос с интуристским бюро»* (глава 9).

Часто Булгаков пародирует злоупотребление речевыми штампами в речи сатирических персонажей, высмеивая их пристрастие к канцеляризмам, когда под прикрытием канцелярских словечек они пытаются скрыть свою неприглядную сущность, истинные намерения, пытаются показать собственную значимость. Возникновению пародийного эффекта способствуют персонажи ирреального мира, которые, повторяя или каламбурно обыгрывая употребление того или иного речевого штампа, тем самым стилистически снижают его звучание.

Прием повторения в тексте наименований, оценочных слов и выражений, которые с определенной мотивировкой (для характеристики персонажа, его речи, в связи с развитием действия и т.п.) давались в произведении ранее, используется в романе «Мастер и Маргарита» с целью сатирического изображения тех или иных персонажей реального мира. Например, на заявление Босого о том, что *«ему прежде всего придется увязать вопрос...»*, Коровьев отвечает: *«Я понимаю, <...> как же без увязки, обязательно. Вот вам телефон, Никанор Иванович, и немедленно увязывайте...»* (глава 9). Здесь комический эффект усиливается благодаря многократному пародийному обыгрыванию в речи Коровьева значения данной ФЕ с использованием синонимичных конструкций: отглагольного существительного *увязка*, которое придает речи канцелярскую окраску, и словосочетания *немедленно увязывайте*, имеющего характер волеизъявления, также свойственного официально-деловому стилю. Коровьев так же, как и в случае с Босым, ернически передергивает фразу Семплиярова Аркадия Апполоновича, представляя ее в ином, ироническом тоне: *«Зрительская масса требует объяснения». - «Зрительская масса, - перебил Семплиярова наглый гаер, - как будто ничего не заявляла?»* (глава 12). В романе функцию сатирического разоблачения выполняет не только Коровьев, но и другие персонажи ирреального мира, например Воланд, который на слова Берлиоза: *«...мы уважаем ваши большие знания, но сами по этому вопросу придерживаемся другой точки зрения»*, - отвечает: *«А не надо никаких точек зрения!»* (глава 1) или на оправдание Сокова:

«Осетрину прислали *второй свежести*» - замечает: «*Вторая свежесть – вот что вздор!*» (глава 18).

Своеобразным приемом достижения комического звучания является прием семантической трансформации многих ФЕ, например, ФЕ с компонентом «черт» в романе «Мастер и Маргарита».

Многokrатно употребленные в тексте ФЕ с компонентом «черт» создают образ вездесущей нечистой силы. Чаще всего использование данных ФЕ связано с проделками сатаны и его свиты. Семантическая трансформация ФЕ с компонентом «черт» создает смысловую двуплановость, сопоставление двух смысловых планов ФЕ становится источником комического: исходное, прямое значения сочетания как образная основа ФЕ представляет ирреальный план романа, а фразеологическое значение оборота представляет реальный план романа. Комический эффект создается благодаря противопоставлению пресуппозиций персонажей реального и ирреального миров.

Часто возникающая при актуализации значения фразеологизма так называемая внешняя омонимия фразеологизма и свободного словосочетания рождает каламбур, который актуализирует моменты игры взаимопроникновения реального и ирреального мира. Каламбур как прием создания комического эффекта в романе «Мастер и Маргарита» имеет особенность: одно из значений каламбура, представляющее ирреальный план романа (Воланда и его свиту, их действия), заключено как бы в подтексте, и весь контекст каламбурно намекает на это значение. Такая утонченная форма игры слов в романе насыщена иронией. Например, «*Маг, регент, чародей, переводчик или черт его знает кто на самом деле – словом, Коровьев – раскланялся, и широко поведя лампадой по воздуху, пригласил Маргариту следовать за ним*» (глава 22). Созданию комического эффекта служит смысловое преобразование ФЕ *черт его знает*. Здесь использована двойная актуализация ФЕ, при этом второй план значения фразеологизма (исходное, прямое значение) вычленяется в контексте всего произведения в целом: кем является Коровьев на самом деле, знает только черт Воланд.

Булгаков избирает такие приемы создания комического эффекта, как: ирония, каламбур, пародирование - которые позволяют проявиться интенции автора опосредованно, иносказательно, в соответствии со сложившейся социально-политической обстановкой тех лет.

Литература

1. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи: Словарь. - М., 1997.
2. Соколов Б. В. Булгаковская энциклопедия. - М., 1998.
3. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. - М., 1997.

К этимологии фразеологизмов русского языка, объединенных архисемой «обувь»

Першикова А.В.

Курган

Вопрос о происхождении фразеологических единиц (ФЕ) давно находится в центре внимания лингвистов. Так, еще в начале XIX века были предприняты первые попытки объяснить устойчивые сочетания слов с исторической и этимологической точек зрения. Раскрывая исходный образ каждого фразеологизма, мы сталкиваемся с различными реалиями русского быта, фактами истории, древними народными верованиями, обычаями и обрядами. И фразеологизмы в данном случае представляют собой очень ценный фактографический материал, т.к. именно фразеология, являясь одной из самых образных и «консервативных», по мнению В.М. Мокиенко, языковых подсистем, сохранила в себе устаревшие слова, архаические формы, характеризующие глубину и своеобразие русской национальной многовековой культуры.

Говоря о происхождении ФЕ русского языка с компонентами «лапоть», «сапог», «башмак», «калоша», объединенных архисемой «обувь», следует заметить, что многие из них восходят к глубокой древности и отражают давно забытые реалии, явления и обычаи старины, ставшие неотъемлемой частью русской фразеологии и паремиологии. Анализ паремиологического фонда русского языка продемонстрировал наличие довольно большого числа пословиц и поговорок с компонентом «лапоть», который лег в основу целого ряда фразеологизмов. Так, из обнаруженных нами 16 ФЕ с указанными компонентами в составе 7 ФЕ содержится компонент «лапоть». Вот некоторые из них: *(не) лаптем щи хлебать; откидывать/откинуть лапти [кверху]; в лапоть звонить; обувать/обуть в лапти*. Подобной фразеобразовательной способностью обладает компонент «сапог», встречающийся в составе 6 ФЕ: *судить не выше сапога; сапоги каши просят* и др. В меньшей степени представлены ФЕ с компонентами «башмак» (2 единицы) и «калоша» (1 единица), речь о которых пойдет далее.

Как видно, из всех рассматриваемых компонентов наиболее высокой фразеобразовательной активностью обладают компоненты «лапоть» и «сапог», что может быть обусловлено экстралингвистическим фактором, влияние которого мы рассмотрим, прежде всего, на примере ФЕ с компонентом «лапоть».

Лапти – это, наверное, одна из немногих реалий, утративших свою актуальность в наши дни, но воспринимаемая как исконно русская, свойственная русскому крестьянству. И в самом деле, вся Русь крестьянская ходила в лаптях, которые стали символом минувшей эпохи, отличительной особенностью русского быта, частью русской фразеологической системы. И это не случайно. Если учесть, что упоминания о таком социально дифференцирующем виде обуви, как лапти, встречаются в источниках по истории быта на Руси, датированных 18 веком, а основная часть современной русской фразеологии, по мнению Ю.А. Гвоздарева, формировалась именно в

этот период, то становится вполне объяснимым наличие в русском языке довольно большого числа фразеологических единиц, в состав которых входит компонент «*лапти*» [3, 146].

Кроме того, у русского лаптя богатая история и широкая сфера применения. Помимо своего прямого назначения, лапти использовались при решении земельных споров. Так, в старину липовый лапоть выступал в виде меры длины при общинных переделах плодородной почвы. Пахари становились друг напротив друга и, считая вслух, приставляли один лапоть к другому, отмеривая таким образом равные участки земли. Этот исторический факт послужил основой для возникновения фразеологизмов *войти в один лапоть* – «разделить что-либо поровну, справедливо» и *отойти (отступит) на лапоть (на три лаптя)* – «подвинуться, отойти от кого-либо».

Фразеологический фонд русского языка содержит целый ряд устойчивых выражений, связанных с бытовыми хозяйственными работами, историей развития ремесел у древних славян в общем и обработкой дерева в частности. Привычный склад жизни повторялся у нескольких поколений, хотя и претерпевал частичные изменения, что нашло свое отражение в языке. Например, такое традиционное занятие крестьян 18 века, как плетение лаптей, которое считалось делом нехитрым, не требующем особого умения, запечатлелось в языке в виде известного нам фразеологизма *плести лапти*, где переносное значение глагола *плести* – «устраивать что-либо сложное, запутанное», «говорить что-либо несуразное, глупое» тесно связано с прямым, а именно – с очень простым делом.

Характерно также и то, что свое отражение в русской фразеологии нашел и сам материал, который чаще всего использовался для изготовления лаптей – *лыко*. Лыко, как и изделия из него, было атрибутом бедного крестьянского быта. А потому не удивительно, что в языке существует так много ярких, метких пословиц и поговорок с компонентом «*лыко*», которые, благодаря своей образности, трансформировались во фразеологизмы. В качестве примера приведем следующие ФЕ: *лыком шит; не лыком шит (подпоясан); лыком горе подпоясано; (не) всякое лыко в строку; хуже лапотного лыка; лыка не вяжет; горе лыковое* и др.

Рассматривая ФЕ с компонентами «*лапоть*» и «*сапог*», нельзя не отметить довольно интересный факт. Дело в том, что в русской фразеологии *лапти* противопоставляются *сапогам*. Подобный антагонизм между этими видами обуви объясняется тем, что лапти изначально были признаком бедности, нищеты, символом простого человека, в то время как ходить в сапогах считалось признаком достатка, богатства и знатности [3,146]. До наших дней дошел афоризм неизвестного автора, очень точно характеризующий социальное неравенство на Руси: «Странно распределены блага жизни между людьми: нищим ничего, бедному мало, богачу много, а довольно – никому». Этот контраст отразился в русском языке, а именно в поговорках: *правда - в лаптях, а кривда - в сапогах; лапоть знай лаптя, а сапог - сапога* и др.; во фразеологизмах: *два сапога пара; переобуть из сапог*

в лапти. Есть и такие фразеологизмы, которые за счет алогичной сочетаемости компонентов, т.е. объединяя в себе несовместимые признаки, передают идею нелепости. Например, ФЕ *сапоги всмятку*. Некоторые из ФЕ – *в сапогах ходит; на сапоги*, являясь простонародными, архаизируются и исчезают из активного словаря в 19 веке в связи с тем, что данная реалья утратила свою актуальность: сапоги перестали быть недоступным товаром.

Наряду с рассмотренными выше фразеологизмами, в русском языке существуют устойчивые выражения, в состав которых входят компоненты «*башмак*» и «*калоша*». Они не так многочисленны, как ФЕ с компонентами «*лапоть*» и «*сапог*», и представлены лишь тремя единицами: *быть под башмаком; башмаков еще не износила; сажать / посадить в калошу*.

Что касается фразеологизмов с компонентами «*башмак*» и «*калоша*», то они, в отличие от ФЕ с собственно русскими компонентами «*лапоть*» и «*сапог*», являются заимствованными. Так, ФЕ *быть под башмаком*, как отмечается в историко-этимологическом справочнике, восходит к древней традиции ставить ногу на побежденного соперника в знак своей власти над ним. К тому же данный фразеологизм, вероятно, является калькой с французского *être sous la pantoufle*, что также указывает на заимствованный характер этой единицы. Другая фразеологическая единица *башмаков еще не износила* является цитатой из монолога Гамлета в одноименной трагедии У. Шекспира в переводе Н.А. Полевого. В основе данного фразеологизма лежит исторический факт, заключающийся в том, что в древности количеством изношенных пар башмаков определялось расстояние и время [1,43].

Исследуя семантику фразеологизмов, объединенных архисемой «*обувь*», мы пришли к выводу о том, что все они направлены на человека, обозначая его признаки, состояния или отношения. Причем характеристика, заложенная в том или ином фразеологизме, не всегда положительная. Так, например, ФЕ *быть под башмаком*, имея значение абсолютного подчинения одного человека другому, часто употребляется по отношению к безвольным, несамостоятельным людям, неспособным вырваться из-под навязчивой опеки. Другой фразеологизм *башмаков еще не износила* характеризует женщин как существ непостоянных, часто меняющих свои привязанности. Что касается ФЕ с компонентами «*лапоть*» и «*сапог*», необходимо заметить, что в русском языке существительные *лапоть* и *сапог* выступают в качестве одних из наиболее ярких характеристик, создавая образ серого, некультурного, отсталого, неловкого, неумелого и не разбирающегося в каком-либо деле человека. Вполне очевидно, что в данном случае одно существительное, будь то *лапоть* или *сапог*, употребленное вне фразеологизма, способно создать целый образ, чего нельзя сказать о других существительных – *башмак* и *калоша*. Наверное, данный факт можно объяснить тем, что у этих существительных, ставших компонентами фразеологизмов, различные источники происхождения и давность существования в русском языке. Вероятно, поэтому *лапти* и *сапоги*, являясь собственно русскими по происхождению, обладают большей образностью.

Таким образом, становится очевидным, что роль обуви в русской фразеологической системе не так незначительна, как это может показаться на первый взгляд. Как видно, во фразеологизмах, объединенных архисемой «обувь», особенно с компонентами «лапоть», «сапог», «калоша», отражены потерявшие свою актуальность предметы быта. Однако давно исчезнувшие реалии по-прежнему продолжают жить в языке и сознании его носителей, что свидетельствует о силе образов, заложенных в предметах и явлениях старины, которые послужили благодатной почвой для образования фразеологии, донося до нас историю жизни и быта наших предков в яркой и образной форме.

Литература

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / Под ред. В.М.Мокиенко – СПб.: Фолио-Пресс, 2001. - 704 с.
2. Вакуров В.Н. Лапти плести – лыко драть // Русская речь – 1980. - №4. - С. 41-45.
3. Гвоздарев Ю.А. Рассказы о русской фразеологии. – М.: Просвещение, 1988. - 192 с.
4. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. - М.: Высш. шк., 1980. - 208 с.
5. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н.Ушакова. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1939.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. - М.: «Прогресс», 1967.

К вопросу о специфике фразеологии научного стиля

Петриченко М.А.

Украина, Кривой Рог

Фразеология принадлежит к тем разделам лингвистики, объём и проблематика исследования которых постоянно расширяются. Возникнув в 20-40-ые годы XX века как учение об устойчивых фразеологизмах-идиомах, в которых «семантическая монолитность довлеет над структурной раздельностью составляющих [их] элементов» [1, 503], уже в конце 50-х годов фразеология определяется как наука о фразеологических единицах – воспроизводимых, преимущественно экспрессивных, относительно устойчивых словосочетаниях и предложениях (В.В. Виноградов, С.И. Ожегов и др.). Десятилетие спустя Н.Н. Амосова поставила перед фразеологами задачу исследовать все сочетания слов, так как «совмещение в слове хотя бы двух значений автоматически превращает каждое из них в несвободное, контекстуально связанное» [2, 32]. С 80-х годов особую актуальность приобретает изучение форм системной организации фразеологического состава языка и выявление фразеологических универсалий (В.М. Мокиенко, А.Д. Райхштейн, Ю.П. Солодуб и др.). В последнее время фразеология активно включается в проблематику, связанную с исследованием текстового уровня языка, с выявлением

специфики фразеологии разных стилей и жанров (Л.П. Дядечко, С.И. Походня, Н.М. Шанский и др.).

Задача данного сообщения – обратить внимание на используемые в лингвистике терминологические определения и цитаты как на составную часть фразеологии научного стиля и учебно-дидактический материал с большим интеллектуальным и эмоционально-экспрессивным содержанием.

Ярким признаком текстов по языкознанию является широкое употребление в них терминов-слов и целостных словесных групп, относимых к фразеологическим единицам [3, 27]. Активно протекающий в лингвистике процесс терминоосвоения и терминовтвора, наличие нескольких научных парадигм понимания природы и сущности языка и множество аспектов его исследования ставят перед каждым лингвистом задачу «определиться с терминологией». Таким образом, в текстах по лингвистике так же широко, как и термины, употребляются определения к ним. Вхождение термина в терминосистему науки означает воспроизводимость его дефиниции. Если термин включается в школьные учебники, то сопровождающее его определение выходит за пределы собственно научного стиля [4, 18].

Среди лингвистических работ много таких, которые посвящены именно интерпретации дефиниции термина. Так, В.В. Виноградов, определив предложение на первой странице объёмной, отразившей многие идеи современного лингвистического мышления статьи «Основные вопросы синтаксиса предложения (На материале русского языка)», раскрывает далее значимость каждого слова в этом определении [5]. Приведем ещё один пример из работ по фразеологии: «Признание за фразеологизмом категориальной экспрессивности во многом зависит от теоретико-терминологического угла зрения того или иного исследователя – прежде всего от дефиниции той единицы, которой он придерживается. Заметим лишь, что, чем шире понимание фразеологизма, тем неизбежнее отказ от признания за ним экспрессивности как категориального признака. Если, скажем, под фразеологизмом понимать лишь устойчивые и воспроизводимые единицы, то в корпус фразеологии необходимо включить и составные термины и номенклатуры...» [6, 211].

Традиция интерпретировать определение уходит к истокам языкознания.

Научное исследование всегда продолжает предшествующие ему во времени. Логика «добычи» и освоения знания требует от исследователя освещать в научной работе историю вопроса, анализировать имеющийся научный опыт, доказывать новизну и ценность полученной информации. Это неизбежно приводит к цитированию. Цитата подкрепляет мысль автора научной работы ссылкой на авторитетное мнение, проверенный факт, соотносит одно мнение с другими, указывает на пути и приёмы решения проблемного вопроса, содержит в себе ценный фактический материал – при этом неизменно иллюстрирует знания автора, широту его научных интересов, оригинальность мысли, умения собирать, квалифицировать,

оценивать научные факты. В качестве цитаты используются обычно фрагменты прецедентного текста об актуальности исследования, его значимости, дефиниции и наиболее чёткие формулировки, выводы, заключения, привлекающие внимание всех, работающих над одинаковыми или соотносимыми проблемами. Если какое-либо предложение прецедентного текста точно, экспрессивно, ёмко и образно (в применении этих коммуникативных качеств речи к научному тексту) передаёт сообщение (вопрос) об актуальном языковом или научном явлении, факте, то оно, как правило, обречено на воспроизводимость в качестве цитаты, то есть переходит в разряд фразеологизмов научной речи. Лингвистические фразеологизмы-определения и цитаты, онтологизирующие концепты высокой степени абстракции (слово, модальность, экспрессивность и др.), противопоставлены афоризмам, паремиям, максимам и другим крылатым словам общенародного языка, в которых отражаются главным образом конкретные понятия (человек, его характеристика, действия, его «вещный» мир), наполненные «субъективной семантикой» (А.В. Жуков). Энциклопедические лингвистические словари, словари лингвистических терминов, учитывая понимание дефиниций терминов и воспроизводимых цитат как фразеологических единиц, можно рассматривать в качестве лингвистических фразеологических изданий лингвистической метаречи.

Для повышения эффективности обучения языку при работе над первоисточниками и с учебными пособиями по культуре речи, современному русскому языку, стилистике, общему языкознанию и другим дисциплинам лингвистического цикла преподавателю следует вводить в светлое поле сознания студентов лингвистические фразеологизмы. Например, заметно активизируют познавательную деятельность студентов такие «цитатные задачи»: кто автор этой цитаты; что вы о нём знаете; что хотели бы узнать; из какого произведения извлечена цитата; какова цель цитирования; можно ли обойтись без него; есть ли в цитате признаки «крылатости»; каковы лексические и синтаксические особенности цитаты; какие фрагменты из конспектируемой вами статьи можно использовать: а) для обоснования актуальности (такого-то) исследования; б) для опровержения/подкрепления (той или иной) конкретной мысли и др.

Дефиниции терминов, цитаты из научных текстов могут широко использоваться также как материал для синтаксического и пунктуационного разбора. Совершенно особую роль играет работа с металингвистической фразеологией при изучении стилистики, общего языкознания. Например, для наглядного представления стилистики как науки можно предложить студентам начертить таблицу, схему или нарисовать рисунок к данному Г.О. Винокуром определению предмета стилистики: «Стилистика... изучает язык по всему разрезу его структуры сразу...», тот же самый материал, который по частям изучается в других отделах языка, но зато с особой точки зрения. Эта особая точка зрения и создает для стилистики в чужом материале его собственный предмет» (подчёркнуто нами – М.П.) [7]. Такие темы общего языкознания, как «Язык и мышление», «Вопрос о природе и сущности языка

в истории языкознания», «Язык и речь», «Язык как знаковая система» и др., можно сделать более обозримыми в концептуально-хронологическом плане, если расположить соответствующие определения, высказывания учёных в порядке смены одной научной парадигмы другой. Можно, например, дать студентам задание найти общее в характеристике языка как «широкой ткани, в которой каждая нить более или менее заметно переплетена со всеми другими» – Гумбольдт, 1936; как «комплекса членораздельных и знаменательных звуков и созвучий, соединённых в одно целое» – Бодуэн де Куртенэ, 1870; как «совокупности взаимозависимых элементов» – Ф. де Соссюр, 1916 и др.

Конечно, работа с лингвистической фразеологией должна, прежде всего, расширять научный кругозор студента, вызывать у него уважение и интерес к научному труду, повышать эффективность обучения, а не сводить его к начётничеству.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1969.
2. Амосова Н.Н. Значение фразеологии как особой отрасли языкознания // Проблемы фразеологии и задачи её изучения в высшей и средней школе. – Вологда, 1967.
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 1972.
4. Дядечко Л.П. О влиянии экстралингвистических факторов на формирование фонда крылатых слов русского языка. – Русский язык и литература в учебных заведениях. – 1998. - № 7-8.
5. Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975.
6. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – М., 1989.
7. Петриченко М.А. Таблицы и упражнения по стилистике. – Кривой Рог, 2002.

Русско-болгарские фразеологические параллели

Петрова Г.И.

Прага

„Необычные выражения“, „сгущенные мысли“, „слитные речения“, „устойчивые словарные комплексы“, „устойчивые фразы“, „фраземы“, „фразеологические обороты речи“, „фразеологические единицы“, „фразеологизмы“ – все это знакомые, на первый взгляд, понятия и сложные в исследовании определяющие компоненты фразеологии, требующие не всегда однозначного ответа.

Особое внимание среди них вызывают фразеологические единицы (ФЕ), в лексическом составе которых наблюдаются „как бы особые словесные инкрустации, вкрапления, всякого рода устаревшие лексико-семантические факты и слова с закрепленным употреблением“, например: „темна вода во облацех“, „притча во языцех“, „беречь как зеницу ока“,

„вложить персты в язвы“, „продать за тридцать сребреников“, „бить челом“, „ничтоже сумняшеся“ и пр.

Безусловно, речь идет о фразеологизмах с архаическим компонентом, который является ядром, основным признаком фразеологичности многих единиц русской и болгарской идиоматики.

Анализ ФЕ с архаичным компонентом русского и болгарского языков показывает сложную систему отношений сходств, различий и частичных совпадений близкородственных славянских языков.

Исследуемый нами слой устойчивых словосочетаний содержит, на наш взгляд, особые дифференциальные признаки, являющиеся настоящими показателями фразеологичности. Архаичные элементы, накапливающиеся в компонентном составе фразеологизмов, являются важным и постоянным свойством их материальной структуры. Лексический архаизм в структуре ФЕ, например: «на смертном одре» (болг. «на смъртен одър») - «при смерти» является показателем ее фразеологичности. Содержащиеся в структуре фразеологизма грамматические архаизмы имеют тоже особую роль: они увеличивают устойчивость и «прочность» его лексико-грамматического состава, содействуют стабильности порядка расположения слов и незыблемости его словоформ, так как последние оказываются изолированными от современной грамматической системы.

С помощью лексических, грамматических и других архаизмов устойчивые словосочетания четко отграничиваются от свободных или «переменных». В этом и заключается, на наш взгляд, их важная дифференциальная функция.

Особый интерес вызывает структурная организация, семантическая квалификация и систематизация русских ФЕ с архаичным компонентом, а также их функционально-стилистическая маркированность в сопоставлении с соответствующими характеристиками болгарских ФЕ с архаичным элементом.

Контрастивный аспект исследования обоих языков позволяет нам выделить несколько групп фразеологизмов с архаичным компонентом, различающихся разной степенью сходства по своей стилистической принадлежности и продуктивности употребления: от полного совпадения стилистической окраски до абсолютной безэквивалентности. Среди них значительное место занимает группа ФЕ книжного характера, основной сферой употребления которой является строго нормированная литературная речь, где наблюдается и полное совпадение в стилистической принадлежности, напр.: «святая святых» и др.

Примерами разговорно-бытовых фразеологизмов, при том и почти полных эквивалентов в русском и болгарском языках могут служить такие, как «сломя голову», «скрепя сердце» и пр.

Большую трудность для болгарской аудитории, изучающей русский язык, представляют ФЕ с архаичным компонентом группы частичных эквивалентов и группы безэквивалентов.

Например, „во всю ивановскую“ со следующими значениями: 1) *очень громко (кричать, храпеть и т.п.)*; 2) *„очень быстро, со всей силой и т.п.“ (делать что-либо)*.

Данная ФЕ в сочетании с глаголом *кричать (орать)* имеет следующие эквиваленты в болгарском языке: *„викам колкото ми глас държи“*, *„дѣра си гърлото“*, *„силно викам“* и др. - два последних из которых являются свободными словосочетаниями. „Во всю ивановскую“ в сочетании с глаголом *„храпеть“* имеет эквивалент *„хъркам като мех“*. Как видно из переводов, даже там, где в болгарском языке есть фразеологический эквивалент, теряется образность (основной признак экспрессивности) этой ФЕ, на которой держится вся его семантика. Чтобы изучающему русский язык болгарскому ученику или студенту стал понятен внутренний образ этого фразеологизма, он должен обратиться к русской истории и познакомиться с тем периодом, когда царские указы сообщались на Ивановской площади в Кремле глашатаем, который кричал так, чтобы все его услышали, и выражение *„во всю ивановскую“* тогда имело прямое значение. В историческом и страноведческом толковании нуждаются и ФЕ *„верста коломенская“*, *„турусы на колесах“* и др.

К этому же типу относятся и фразеологизмы, содержащие в качестве исторического, в смысле устаревшего, вышедшего из употребления или обычая или компонента реалии быта: *„лаптем щипать хлеб“* и др. Число таких фразеологизмов велико, и многие из них имеют эквиваленты в болгарском языке, но по своей образности они уникальны и абсолютно коннотативны. Они настолько национально окрашены (как и в данном случае), что даже самый удачный перевод все равно стирает и уничтожает весь их колорит. Не случайно, что многие из них и безэквивалентны.

Большие сложности в освоении русского языка в болгарской аудитории вызывают особенно ФЕ, вторгающиеся из „новой цивилизации“ XXI века, с техноцивилизацией, с какой-то антиэстетикой и массовыми штампами, когда налицо, т.н. пиджинизация, т.е. крайнее оскудение словарного запаса, когда язык опускается до такой степени, что превращается в эрзац.

Русский и болгарский язык, по нашему мнению, стоят на пороге перехода в эрзац. Уходят в забвение десятки, если не сотни фразеологических сочетаний. Многие из сохраняющихся ФЕ вызывают сомнения, переосмысливаются семантически, оценочно, стилистически и меняются. Вместе с этим идет процесс высмеивания и насмешливого отбрасывания надоевших фразеологизмов, и это захватывает все новые сферы. Как будто былые слова Юшкевича, переданные в письме Амфитеатрова Горькому в 1911 году, приобретают новую силу: *„Мы должны испортить русский язык, преодолеть Пушкина, объявить мертвым русский быт, словом заслонить Русь современности и русский народ от русского общества, свести на нет русскую оригинальность“*.

Важно отметить, что за счет этого идет и массовое напряженное фразеотворчество, дополняющее всеохватывающую проверку на

пригодность для новых условий всех привычных терминов и ходящих формул.

Достаточно вспомнить сочетания „*Neu Russians*“, „*новые русские*“, „*богатые Буратино*“, которые сразу переходят из английского в псевдокальки как „*новые русские*“. Они соответствуют вкусовым ориентациям представителей нового класса и подчеркивают их оценку остальными.

Характерно, что появление аналогичных людей в Болгарии тоже вызывает свое обозначение – „*новите богаташи*“, „*новобогаташи*“ – буквально „*новые богачи*“, „*новобогачи*“.

Огромную роль, на наш взгляд, и в русском, и в болгарском языках играет метафоризация. Проявляется и стремление к вербальному обновлению, обращение к другой грамматической структуре, а иногда просто в моду входит какое-то выражение.

Мы считаем, что в процессе эволюции ФЕ русского и болгарского языков нельзя быть ни пуристами, ни бесшабашными хвалителями всякого новшества.

Мы убеждены, что сопоставление фразеологизмов обоих языков предоставляет большие возможности для раскрытия «национальной» специфики плана содержания близкородственных языков (русского - восточнославянского, болгарского – представителя южнославянской ветви), своеобразия их «внутренней формы», их самобытный образ, прелесть и неповторимость, что в конечном итоге имеет важное общеобразовательное значение.

Литература

1. Георгиева С.И. Специфика фразеологизмов, связанных с историей. - Пловдивски университет, 2000. - С. 405-412.
2. Костамаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. - М., Изд. 2-ое, испр. и доп., 1977. - С. 175-304.
3. Леонидова М. Проблемы структурно-семантической типологии болгарских и русских фразеологизмов. – София, 1986.
4. Попов Р.Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. - М., 1976.
5. Попов Р.Н. Фразеологические единицы современного русского литературного языка с историзмами и лексическими архаизмами. - Сев. зап. кн. изд., 1967.

Функционирование узуальных фразеологизмов в жанре литературного портрета (на материале мемуаров г. Иванова «петербургские зимы»)

Попкова М.В.

Омск

В ряде исследований, посвящённых изучению функционирования языковых единиц в различных сферах художественной коммуникации, реализуется жанрово-дифференцированный подход, что обусловлено как наличием взаимосвязи между жанровыми параметрами и языковой

организацией текста, так и неоднородностью жанров с точки зрения присущей им лингвистической специфики.

Вопрос о типологии мемуарной литературы до настоящего времени относится к числу дискуссионных. Нам представляется возможным рассмотрение терминов «мемуарная литература» и «литературный портрет» (ЛП) в качестве родового и видового (подобной точки зрения придерживаются Т.А. Марахова, А.Г. Тартаковский, В.С. Барахов, В. Кардин, Л.Я. Гинзбург и др.).

Специфика мемуарного жанра определяется такими параметрами, как:

- личностное начало: «в поле зрения» мемуариста входит всё то, что прошло через его личный опыт, что было известно ему как современнику;
- ретроспективность (наличие временной дистанции между описываемыми событиями и временем создания мемуаров);
- установка на подлинность описываемых событий;
- хронологическая подвижность. Воспоминание не восстанавливает всей непрерывной связи событий, а выхватывает лишь самые яркие, оставившие глубокий след;
- слабая выраженность сюжетности;
- опора на механизмы памяти;
- композиционная вариативность, позволяющая автору расставить нужные акценты для полного выражения идеи.

Литературному портрету как жанру мемуарной прозы присущи следующие дифференциальные признаки:

- мемуарно-автобиографическое начало: речь должна идти о современнике, с которым портретист встречался когда-то лично;
- эскизность и фрагментарность, обусловленные специфичностью механизмов человеческой памяти и замыслом автора. Предлагая свою концепцию, портретист последовательно её проводит, противопоставляя другим трактовкам;
- воссоздание в той или иной мере культурно-исторического фона, лично значимого для объекта и субъекта (упоминание конкретных событий, фактов, реальных лиц);
- стремление к типизации: портретист, выбирая наиболее колоритные фигуры своего времени, пытается в индивидуальном облике человека найти характерные черты целой категории людей, своего рода общественный тип [1].

В полной мере указанным признакам жанра соответствует цикл литературных портретов Г. Иванова «Петербургские зимы» с доминирующей темой «потерянного рая».

Анализ конкретных текстов позволяет говорить о влиянии жанровой специфики на характер фразеосемантических объединений, составляющих фразеосемантическую область «Человек». ФЕ, выполняя функцию вторичной номинации и неся определённую стилистическую нагрузку, помогают реально описать человека: показать его душевное состояние,

внешний облик, взаимоотношения с другими людьми, охарактеризовать его деятельность.

Самую многочисленную группу составляют ФЕ со значением эмоции и чувства, вызванные поступками, действиями как самого говорящего, так и других людей, характеризующие человека как существо сложной душевной организации, способное испытывать широкую гамму чувств и эмоций.

Эмоциональные состояния, чувства способны передавать ФЕ разных семантико-грамматических классов.

Обратимся к тексту.

«<...> Это совершенно больной человек. Такой больной, что доктора разводят руками – как он ещё живёт» [2, С. 127]. - *Разводить (развести) руками* – «недоумевать, удивляться» Процессуальный [3].

«Дело же народного гения – «выявлять стихию». Вот оно что?!» [2, С. 67]. - *Вот оно что?!* – «выражение удивления, изумления» Модальный [4].

«<...> я постучал ещё и назвал себя. В. сейчас же открыл.

– Голубчик! Какими судьбами? Желаете согреться? <...>» [2, С. 9]. - *Какими судьбами?* – «выражение удивления, радости при неожиданной встрече» [5].

Чувство грусти, душевной боли, тягостного состояния передаёт процессуальный фразеологизм *сердце сжимается* – «становится очень тяжело, грустно на душе» [4]: «Удивительно она это проделывает. Сердце сжимается» [2, С. 192]. Такое влияние оказывает танец А.Дункан на С.Есенина.

Как показывает анализ материала, ФЕ дают возможность автору выразить как позитивные, так и негативные эмоции.

«Отец – не в духе. Он всегда не в духе, отец Мандельштама» [2, С. 92]. - *Не в духе* – «находящийся в плохом, упадническом настроении» Призначный [4].

«Но Есенина, уже успевшего напиться, поцелуй Айседоры привёл в ярость» [2, С. 190]. - *Приводить /привести в ярость* – «сильно разгневать» Процессуальный [6].

С помощью ФЕ человек охарактеризован как существо социальное во всём многообразии его контактов с окружающими: «И вы мне нравитесь, господин. – Слава Богу... Вижу, с кем имею дело!» [2, С. 115] *иметь дело* (с кем) – «вступать в какие-либо отношения, входить в какие-либо связи» Процессуальный [4].

Эти взаимоотношения, как известно, могут иметь как положительные, так и отрицательные последствия (последние, по мнению Г.Иванова, наступают чаще). Иногда эти последствия носят отрицательный характер «по вине» субъекта.

«Казалось бы, что дурного, если известный и влиятельный петербургский писатель так дружественно, так широко и охотно идёт навстречу начинающим» [2, С. 66]. – *Идти/пойти навстречу* (кому) – «отзываться на чьи-либо нужды, интересы, помогая, оказывая содействие в чём-либо» Процессуальный [4]. Г.Иванов считает, что «известный

петербургский писатель» С.Городецкий не обладает достаточным вкусом и его помощь молодым поэтам, впоследствии названным «крестьянскими», придаёт их поэзии лубочный характер.

«Враги» – естественно – стремились ущемить, насолить, подставить ножку Сологубу, которого она (А. Чеботаревская. – М.П.) обожала» [2, С. 145]. - *Подставить ногу (ножку)* кому – «исподтишка с умыслом вредить, пакостить» Процессуальный [4].

ФЕ в тексте часто характеризуют человека со стороны его деятельности, оценивают способности, полезность его участия в общественной жизни: «А мальчишка стоящий, с волей, страстью, горячей кровью. Не чета нашим тюткам из «Аполлона» [2, С. 182]. - *Не чета* (кому, чему) – «такой, который не соответствует другому(-им) по каким-либо качествам» Призначный [6].

«Сочиняет стихи на ходу» [2, С. 110]. - *На ходу* – 2) «одновременно с другим занятием, попутно»; 3) «с лёгкостью, без усилий» Качественно-обстоятельствственный [4].

«...Борис ...Эх, Борис, зачем ты огород городил...» [2, С. 50]. *Огород городить* – «затевать какое-либо хлопотное дело» Процессуальный [4]. В контексте ФЕ выражение реакции посетителей на закрытие «Бродячей собаки» .

Единичны случаи употребления ФЕ, характеризующих внешность человека: «Рядом тоже «духовное лицо», лысый, заплывший жиром дьякон, расстриженный за сношения с сектантами» [2, С. 134]. - *Заплыл жиром* – «стал тучным, толстым» Призначный [3]. Резюмируя сказанное, подчеркнем, что ФЕ в «Петербургских зимах» Г.Иванова – одно из средств самой разной характеристики человека. Данная функция предопределена жанровым своеобразием литературного портрета.

Литература

1. Барахов В.С. Литературный портрет: Истоки, поэтика, жанр. - Л., 1985. – 311 с.
2. Иванов Г. Мемуарная проза. - М., 2001. – С. 3–220.
3. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь фразеологических синонимов русского языка. - М., 2001. – 496 с.
4. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2-х томах. - М., 1997.
5. Яранцев Р.И. Русская фразеология. - М., 1997.
6. Чепасова А.М. Свод фразеологизмов. - Челябинск, 1987.

Лакунарность образования причастных и деепричастных форм процессуальных фразеологизмов

Радченко Е. В.
Челябинск

Определенная упорядоченность компонентов фразеологизма, интерпретируемых как элементы разных уровней языка в их взаимоотношениях, составляет структуру фразеологической единицы (ФЕ).

Под процессуальными фразеологизмами нами понимаются фразеологизмы, обозначающие любые действия, состояния, изменения как процесс. Хотя процессуальные фразеологизмы соотносятся с глаголами (имеют то же категориальное значение, обладают одинаковыми морфологическими категориями, выполняют одну и ту же синтаксическую функцию в предложении), они не повторяют их. Фразеологизм всегда шире и сложнее по значению, чем отдельная лексема, сравните: покрывив душой (перед кем) – ‘обманув кого-либо’; взяв за живое (кого) – ‘взволновав кого-либо’, отдавая концы – ‘умирая’. Сложность и структурность значения фразеологизма подчеркивается его раздельнооформленностью: оно включает в себя семы сразу нескольких слов. Но в то же время значение фразеологической единицы всегда едино, цельно. Названные семантические особенности процессуальных фразеологизмов оказываются основной причиной их лакуарности (термин А. М. Чепасовой).

Под лакуарностью вслед за А. М. Чепасовой мы понимаем “отсутствие номинативного, морфемного, грамматического средства в языке, которое должно было бы иметь место” (1, с. 18).

Как показал наш материал, далеко не все процессуальные фразеологизмы имеют полную парадигму. Наличие той или иной формы у процессуального фразеологизма зависит от грамматических показателей глагольного компонента – вида, залога – и от того, относится ли глагольный компонент к продуктивному классу.

Полную парадигму форм могут иметь глаголы продуктивных классов. Судя по нашему материалу, продуктивные глаголы, став компонентами процессуальных фразеологизмов, образуют абсолютное большинство причастных и деепричастных форм – 60% употреблений. Самыми продуктивными оказались глагольные компоненты, вне фразеологизма относящиеся к продуктивному классу на –а – 47% причастных и деепричастных форм процессуальных фразеологизмов.

На втором месте по продуктивности оказались глагольные компоненты, вне фразеологизма относящиеся к продуктивному классу на –и. От них образуется 44% причастных и деепричастных форм процессуальных фразеологизмов.

Третье место занимают глагольные компоненты, вне фразеологизма относящиеся к классу с суффиксом –ну – 16% причастных и деепричастных форм процессуальных фразеологизмов.

Непродуктивные группы глаголов в отличие от продуктивных классов представляют собой замкнутые объединения, не пополняющиеся за счет новообразований. Глагольные компоненты, вне фразеологизмов относящиеся к непродуктивным группам, в нашем материале оказались в меньшинстве – 38% причастных и деепричастных форм. Среди них самыми большими формообразовательными возможностями обладают глагольные компоненты, вне фразеологизма относящиеся к группе на –а.

На втором месте по продуктивности оказались глагольные компоненты, вне фразеологизма относящиеся к группе на –а-е.

Также достаточно представленными являются причастные и деепричастные формы, образованные от глагольных компонентов, вне фразеологизма относящиеся к группе на – з-с.

Среди одиночных древнейших глаголов высокой продуктивностью и частотностью отличаются формы четырех глаголов: дать, есть, идти, быть.

Формообразовательные возможности глагольных компонентов можно представить в виде общей таблицы.

	Продуктивные классы	Непродуктивные группы	Одиночные глаголы
Количество употреблений	372	237	14
Процент от общего количества причастных и деепричастных форм	60	38	2

Наш материал показал, что глагольные компоненты, относящиеся к непродуктивным группам, ограничены в образовании деепричастных форм. Так, глаголы, относящиеся к непродуктивной группе на -а типа *драть, плясать, казать, рвать, резать, спать, пыхать* не могут образовать деепричастные формы. Другая группа глаголов *вязнуть, пахнуть* с суффиксом –ну, который не сохраняется при образовании форм прошедшего времени, тоже не может образовать деепричастной формы.

В приведенных примерах глагольных компонентов проявляется грамматическая лакунарность образования деепричастных форм процессуальных фразеологизмов, которая является следствием исторического развития языка. В подобных случаях лакунарность, по наблюдениям А.М. Чепасовой, “не восполняется, а квалифицируется как нормальное для данного языка свойство, как достаточность, как его специфическое свойство” (1, с. 19).

Таким образом, лакунарность образования деепричастных форм от глаголов непродуктивных групп является следствием того, что названные глаголы постепенно уходят из грамматики русского языка как живой системы форм.

С другой стороны, в силу специфики своего значения и формы, процессуальные фразеологизмы частично восполняют этот пробел в образовании деепричастных форм. Так, в современном русском языке глаголы с чередованием в корне и//й не могут образовать деепричастных форм: *бить, лить, пить*. Но в нашем материале встречаются примеры процессуальных фразеологизмов с устаревшим глагольным компонентом в деепричастной форме: *бля себя в грудь, лия слезы*.

О собственных просчетах Муса Джалиль говорил откровенно и остро, не рисуясь, не бля себя в грудь. (С. Колечкин. Светом мир богат); Трепещуща, бледна, чуть дыша, полумертва, Лишенная красы, На небо тусклый взгляд вперя, ломая персты, Себе ждет смерти, лия потоки слез, в рыдании стонет (Г. Державин. Персей и Андромеда).

Другим проявлением лакунарности образования причастных и деепричастных форм процессуальных фразеологизмов является диалектическое противоречие у названных единиц с объектными глаголами, вне фразеологизма обозначающими активное физическое воздействие на объект. Единицы с этими глагольными компонентами не образуют форм страдательных причастий в связи с тем, что в названных формах утрачивается сема активного действия.

Так, глаголы **бить**, **ломать**, **резать**, **хватать** вне фразеологизма свободно образуют форму страдательного причастия прошедшего времени. Но фразеологизм с этим глагольным компонентом не может образовать формы страдательного причастия:

*бивший в колокол, но * битый в колокол*

*бивший мимо цели, но * битый мимо цели*

*бивший в глаза (кому), но * битый в глаза (кому)*

*ломающий дурака, но * ломаемый / ломанный дурак*

*режущий душу (кому), но * резанная душа (кем)*

*хватаящий за сердце (кого), но * хватаемый за сердце (кем).*

Как видно из примеров, фразеологизмы с глагольным компонентом **бить**, **ломать**, **резать**, **хватать** всегда обозначают активный процесс. При попытке образовать форму страдательного причастия, обозначающую пассивный признак, приписываемый субъекту, фразеологическая единица разрушается.

Из всего сказанного следует, что недавно открытое профессором А.М. Чепасовой явление лакунарности как свойство единиц одного или нескольких языков помогает исследователю выявить новые стороны семантического и формального развития языка.

Литература

1. Чепасова А. М. Предметные фразеологизмы русского языка. – Челябинск: Издательство Челябинского государственного педагогического университета, 2003. – 267 с.

Номинация человека по родственным отношениям как фрагмент языковой картины мира

Ратушная Е.Р.
Курган

Номинация лица по родственным отношениям играет важнейшую роль в жизни каждого человека. Будучи членом общества, человек идентифицируется прежде всего по его родственным связям и отношениям, по его положению в семье как ячейке общества.

В русском языке существуют различные лексико-фразеологические средства для наименования лица по данному признаку.

В лексике имеется группа имен существительных, обозначающих лицо по родству или породнению, внутри которой выделяются семантические множества, номинирующие человека по прямому и непрямоу родству (родители, дети, мать, отец; племянник, дядя и др.), по

породнению (отчим, мачеха), по официальным и неофициальным брачным отношениям (супруг, муж, жена и др.) и другие (подробнее см. А.С. Белоусова, с. 90-92). Такие наименования в целом весьма детально характеризуют картину родственных взаимосвязей человека, которая, однако, была бы неполной без учета фразеологических средств номинации лица по данному признаку.

Как показывает наш материал, в русском языке выделяется группа фразеологизмов-антропономинантов, обозначающих лицо по различным родственным взаимоотношениям: по прямому родству, по положению в семье, по породнению. В соответствии с характером родственных связей можно выделить несколько фразеологических групп.

В первую группу входят фразеологические единицы, обозначающие кровных родственников - людей, находящихся в отношениях прямого, кровного родства: детей, родителей и т.д. Так, фразеологизмы **своя кровь, кость от кости, плоть и кровь, плоть от плоти** служат наименованием родного ребенка. При этом идея прямого, кровного родства передается с помощью субстантивных компонентов **кровь, плоть, кость**.

Отношения “дети - родители” передаются фразеологизмами **виновник дней** - “отец, родитель”, **отецкая дочь, отецкий сын** (устар., нар.-поэтич.) - “дочь (сын) почтенного, уважаемого человека”. Более отдаленное родство (через одно поколение) передается с помощью фразеологизмов **деды и прадеды** - “предки”, **внуки-правнуки** - “потомки”, **отцы и деды** - “представители двух поколений”, **отчичи и дедичи** (устар., теперь шутл.).

Фразеологизмы также могут называть людей, которые находятся в отношениях очень дальнего или сомнительного родства. Эти единицы, образующие синонимический ряд, содержат ироническую, презрительную коннотацию: **седьмая (десятая) вода на киселе, десятая вода на квасине, нашему слесарю через дорогу двоюродный кузнец, нашей курице двоюродный петух, от седьмой курицы двоюродный цыпленок, нашему огороду двоюродный плетень** (1). Например:

В Сибири ... родство, свойство и кумовство считается чуть не до двадцатого колена. **Седьмая вода на киселе, десятая вода на квасине** и всякая с боку припека из роду из племени не выкидывается. (М.-Печерский. На горах).

Некоторые фразеологические единицы называют человека, полностью утратившего родственные связи, совершенно отчужденного от своей семьи; например: **отрезанный ломоть** - “человек, который отделился от семьи, стал самостоятельным и живет своей жизнью”.

Вторую группу составляют фразеологизмы, называющие лиц по породнению, т.е. людей, изначально не связанных никакими родственными отношениями. Родственные связи в этом случае возникают в результате совершения определенных обрядов, религиозных и других действий. Среди них выделяются фразеологические гнезда с компонентами **названный, крестный, посаженный, молочный**.

Фразеологизмы с компонентом **названный (-ая)** обозначают лиц, совместно участвовавших в обряде крещения: **крестный отец, крестная мать** - “восприемник (восприемница) по отношению к тому, кого крестят”, **крестная дочь, крестный сын** - “крестимые по отношению к своим восприемникам”, **крестная сестра, крестный брат** - “люди, имеющие одних и тех же восприемников”. Например:

Затем у Рибасов родилась вторая дочь. Обеим им, Анне и Софии, Екатерина П. стала **крестной матерью**. (журн. “Крестьянка”). В столовую принесли окрещенного ребенка. За старухой-бабкой шли: **крестный отец** ребенка, Ипполит Аполлонович, **крестная мать**, Марфа Антоновна. (Ф. Решетников. Свой хлеб).

Фразеологизм **крестовый брат** (устар.) называет человека, с которым заключен союз на вечную дружбу, закрепленный обменом нательными крестами; например:

- Архипьевна, - сказал Колобов, - я привез к тебе этого молодца... Мы с ним - душевные приятели, крестами давно поменялись. - Сиречь, вы - **крестовые братья**. Так, батюшка, так! (М. Загоскин. Брынский лес).

Фразеологизмы с компонентом **посажённый** обозначают лиц, исполняющих роль отца или матери жениха в свадебном обряде:

- Буду у вас на свадьбе. Даже **отцом посаженным** могу быть. Завтра же поеду вашу невесту смотреть. (А. Чехов. Дурак).

Фразеологическое гнездо с компонентом **названный** включает единицы **названная мать, названный отец** - “приемная мать (отец) по отношению к своим приемным детям”, **названная дочь, названный сын** - “приемные дочь (сын) по отношению к своим приемным родителям”; **названная сестра, названный брат** - “та (тот), с которой (-ым) побратались”.

Фразеологизмы с компонентом **молочный (-ая)** обозначают лиц, имеющих одну и ту же кормилицу: **молочный брат, молочная сестра** - “сын (дочь) кормилицы по отношению к чужим детям, вскормленным его (ее) матерью”.

Фразеологизмы с компонентами **крестный, посаженный, названный, молочный** характеризуются не только семантическим, но и структурным сходством, имеют одинаковый механизм фразеобразования. Грамматическим центром в них выступает личное существительное, обозначающее человека по родственным отношениям: отец, мать, брат, сестра, лети, родители. В процессе фразеологизации грамматически главный компонент сохраняет свое групповое значение “родственные, семейные отношения”, однако семы “кровное родство” и “прямое родство” заменяются семой “родство по породнению”. Перечисленные компоненты имеют фразеологически связанные значения, реализуемые только в сочетании с ограниченным, узким кругом слов - именованый человека по прямому родству в первом поколении (мать, дочь и др.) или только с некоторыми из них.

Аналогичные процессы наблюдаются при формировании фразеологических единиц с компонентами **двоюродный** и **троюродный**,

которые имеют фразеологически связанное значение: двоюродный - “находящийся в родстве по деду ил бабушке”, троюродный - “находящийся в отдаленном непрямом родстве”. Данные компоненты являются семантически неполнозначными, они могут реализовать свое значение только в сочетании с определенными терминами родства: брат, сестра, дядя, тетка, племянник, внук и др.

В составе второй группы выделяются также фразеологизмы, называющие лиц по брачным отношениям: **спутник жизни** (книж., высок.), **друг жизни** - “супруг, муж”; **законная половина** (разг., шутл.), **спутница жизни** (высок.), **подруга жизни, дражайшая половина** (устар., шутл.) - “супруга, жена”; **старосветские помещики** - “мирные, тихие, патриархальные супруги”; **Филемон и Бавкида** (устар.) - “счастливые, мирные супруги”; **суженый-ряженный** (нар.-поэт.) - “жених”; **суженая-ряженная** (нар.-поэт.) - “невеста”. Данные фразеологизмы вступают в синонимические отношения с лексемами муж, жена, супруг, супруга, однако семантическая структура фразеологических единиц оказывается более сложной: денотативно-сигнификативный макрокомпонент фразеологического значения, как правило, осложняется разнообразными коннотативными оттенками.

Фразеологизмы с компонентом **соломенный** называют человека, временно утратившего своего супруга или не живущего с ним: **соломенная вдова, соломенный вдовец, соломенный муж**.

В данную группу также входят фразеологизмы **старая дева (девка), христова невеста** (во втором значении) и **вековечная невеста**, обозначающие женщину, не вступавшую в брак; эти единицы имеют негативную коннотацию:

“А я обрекла себя на незамужнюю жизнь и чувствую себя весьма счастливою; никто не запретит вспоминать сии блаженные времена...” - А, **старая девка!** - подумал Петр Иваныч. - Не мудрено, что у ней еще желтые цветы на уме! (И. Гончаров. Обыкновенная история).

К рассматриваемой группе принадлежат и фразеологизмы, обозначающие человека по его роли, влиянию в семье: **глава семьи (семейства)** - “человек, имеющий семью и занимающий в ней главное положение, играющий ведущую роль”; **отец семейства** - “мужчина, имеющий семью, воспитывающий детей”; **мать семейства** - “женщина, имеющая семью, воспитывающая детей”.

Таким образом, в языковой картине мира важное место занимают лексические и фразеологические средства, обозначающие человека по его родственным связям и отношениям: по прямому и непрямому родству, по породнению и т.д., в соответствии с чем внутри рассматриваемой группы выделяются различные семантические объединения. Лексические и фразеологические единицы данной группы взаимно дополняют друг друга. Семантика лексем в ряде случаев оказывается более детализированной, благодаря чему существительные приобретают способность указывать на определенное, конкретное свойство лица. Однако в семантической структуре

фразеологических единиц зачастую выявляются коннотативные элементы, передающие разнообразные отношения к характеризуемому человеку. Кроме того, фразеологизмы-антропониманты в большинстве случаев являются стилистически окрашенными. Необходимо также отметить, что многие фразеологические единицы заполняют лакуны, существующие в лексической системе языка. Например, это фразеологизмы с компонентами названный, молочный, крестный и др., а также фразеологизмы, обозначающие очень отдаленное, сомнительное родство, которые не имеют синонимичных лексем. Фразеологизмы-антропониманты имеют тенденцию объединяться во фразеологические гнезда, характеризующиеся сходным механизмом фразеологического образования.

Литература

1. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. - М.: Русские словари, 1997. - 863 с.
2. Словарь русского языка: В 4-х т. Т.т. 1-4. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. - М.: Русский язык, 1985.
3. Белоусова А. С. Русские имена существительные со значением лица (лексический класс и его словарное описание). - Дис. на соискание уч. степ. канд. филол. наук. - М., 1986.

Семантика полифункционального слова *Не без основания (-й)*

Сергеева Г.Н.
Владивосток

Объектом исследования является слово *не без основания (-й)*, которое в лингвистической литературе специально не рассматривалось, однако даже имеющиеся сведения о нём вступают в несоответствие с теми наблюдениями, которые вытекают из анализа фактического материала. Необходимость его изучения диктуется и тем, что, не будучи высокочастотным, оно, по наблюдениям Ю.Н. Караулова, включается в «число новых синтаксических явлений» наряду с множеством «клишированных оборотов, ставших неотъемлемой частью нашей современной устной и письменной речи, но неизвестных в пушкинскую эпоху» (*в итоге, в среднем, с размахом, на уровне* и др.) [3: 97].

Образования, подобные слову *не без основания (-й)*, в современном русском языке получили разную номинацию: фразеологизмы (в трудах исследователей Челябинской фразеологической школы), формы-идиомы (П.А. Лекант, М.Ф. Палевская); эквиваленты слова (Р.П. Рогожникова). Мы называем их лексикализованными предложно-падежными словоформами и видим суть лексикализации в создании в предложной конструкции некоего единства, при котором происходит включение предлога в семантику словоформы и – как следствие – образование единиц нового качества, средств номинации, функционально и семантически соотносительных со словом и отличающихся от него лишь раздельнооформленностью [6: 60]. Поэтому для обозначения таких единств мы принимаем рабочий термин

«слово», но считаем наше представление о лексикализованных словоформах максимально приближающимся к определению фразеологизма, предложенному А.М. Чепасовой [см., напр.: 9: 4; 10: 224], а вслед за ней – и В.А. Лебединской, которая под фразеологизмом понимала «самостоятельную номинативную единицу языка, качественно отличную от слова, обладающую признаками устойчивости, семантической целостности, сверхсловности, раздельнооформленности и воспроизводимости» [4: 3].

В коллективной монографии исследователей Челябинской фразеологической школы, представляющей собой наиболее полный каталог фразеологизмов современного русского языка, среди морфологически неизменяемых трёхкомпонентных фразеологизмов модели «не + предлог + имя в косвенном падеже» *не без основания (-й)* не приводится. В разделе о морфологическом варьировании форм числа даны варианты других лексем модели «без + род. п. сущ.» (без частицы *не*): *без колебания (колебаний), без основания (оснований), без преувеличения (преувеличений)* [8: 62]; соответственно в разделе, в котором приведены модели комбинированного варьирования, зафиксировано количественное + морфологическое варьирование *без основания (без основания / без оснований / без всяких оснований)* [Там же: 170]. *Не без основания (-й)* тоже допускает «количественное» варьирование, но если *не без всяких оснований*, действительно, можно признать фразеологизмом, то наличие других распространителей, тоже местоименного характера (*не без некоторых (известных) оснований*), меняет положение дел и является подтверждением неполной лексикализации.

Обратимся к данным словарей. В качестве вокабулы *не без основания (-й)* отсутствует в толковых словарях русского языка; нет его и в специальном словаре эквивалентов слова [5]. Оно зафиксировано только в «Толковом словаре служебных частей речи русского языка» Т.Ф. Ефремовой как обстоятельственное наречие причины (*‘Не без причины; неспроста’*) с пометой *разг.* Дается также ближайший синоним – *небезосновательно* – как качеств. наречие и предикатив с оценочной семантикой [1: 350]. В «Словаре синонимов русского языка» слово *основание* входит в синонимический ряд *причина, основание, резон (разг.), мотив, повод, предлог* со значением *‘То, что объясняет, делает понятным чьи-л. действия, поступки и т.д.’* Основным словом для выражения этого значения названо слово *причина; основание, резон* – веская причина [7: 272].

Существенным для семантики всего сочетания является значение предлога (аналога предлога) *не без*, зафиксированного Р.П. Рогожниковой в «Толковом словаре сочетаний, эквивалентных слову»: *НЕ БЕЗ, О предлог, с род. п.* С некоторой долей чего-л. ● *С (СО)*. В качестве иллюстраций приводятся речения и цитаты, содержащие предложно-падежные формы *не без хитрости, не без удовольствия, не без грусти* и др. [5: 248]. Предлог *без* в сочетании с *не* образует конструкции с двойным отрицанием, в результате чего создаётся утвердительный смысл с оттенком неполноты утверждения – «смягчённого» утверждения, или некатегоричности

высказывания. Таким образом, **не без основания (-й)** – наличие некоторых оснований, «определённая доля» оснований в контексте, но и оценочная характеристика ситуации, чьих-либо действий как имеющих достаточное основание для чего-либо.

Основываясь на данных словарей, можно выделить в семантической структуре **не без основания (-й)** два компонента: 1) причинный, мотивированности действия, содержащийся в семантике исходного существительного; 2) модальный, оценки ситуации с точки зрения достоверности/недостоверности, уверенности/неуверенности говорящего в истинности высказывания. Напр.: *В 1838 году Михаил Лермонтов стараниями своей бабушки получил милостивое разрешение вернуться в свой родной лейб-гусарский полк с Кавказа, куда был сослан за «возмутительные» стихи, написанные им на смерть Пушкина. Столица с восторгом приняла молодого поэта, овеянного ореолом героизма. В нём «не без основания» видели преемника Пушкина (Сельская молодёжь. 1991. № 7).*

Не без основания (-й) можно рассматривать как средство аргументации, которое помогает говорящему выразить личностные отношения к описываемому. Это «модально отмеченное» (Е.С. Яковлева) слово, которое, не являясь формально вводным, не будучи выделенным пунктуационно, предполагает наличие субъекта речи, эксплицирует смысл ‘я думаю’, ‘я считаю’, ‘я знаю’, ‘я оцениваю’. **Не без основания (-й)** служит знаком того, что говорящий по каким-то причинам настаивает на своей оценке информации, заключённой в предложении. Напр.: *Но Афонину ещё повезло. Многие его коллеги работали без средств защиты почти у самой АЭС. Теперь вот расплачиваются за то собственным здоровьем. Двое недавно умерли от онкологических заболеваний. И врачи не без основания предполагают, что вызваны они были радиацией (Сов. милиция. 1991. № 4).* Предложение выражает достоверность сообщения и без данного слова, однако модальность **не без основания** усиливает аргументированность высказывания и, кроме того, помогает говорящему установить причинно-следственные связи между двумя ситуациями, то есть принимает участие в оформлении модусных смыслов предложения.

Одним из способов осложнения предложения по линии модуса является авторизация – указание на источник информации. **Не без основания (-й)** семантически согласовано с авторизирующими синтаксемами, прежде всего – с авторизирующими глаголами (глаголы речи, интерпретации чужого мнения: *говорить, утверждать, находить, считать, видеть, характеризовать, называть, полагать, предполагать* и др.) [2: 288-289]. Напр.: *Вячеслав Иванов не без оснований характеризовал произведения Ф.М. Достоевского как романы-трагедии (В.Е. Хализев. Теория литературы).*

Если говорящий хочет обосновать достоверность информации, он может использовать **не без основания (-й)**, не раскрывая сути «основания», полагаясь на осведомлённость слушателя. В большинстве же случаев «основания» без труда усматриваются в контексте – в предыдущем или

последующем. Объём контекста, необходимого для реализации значения *не без основания (-й)*, предопределён коммуникативными задачами автора.

Таким образом, даже беглый анализ значения *не без основания (-й)* свидетельствует о том, что это слово имеет сложную семантическую структуру и отличается от наречия в традиционном его понимании тем, что сочетает в себе дифференциальные свойства разных частей речи – наречий, модальных слов и служебных слов, оформляющих отношения в тексте, то есть отвечает признакам дискурсивных слов. Однако определение категориального статуса *не без основания* с опорой на его функционально-синтаксические особенности – это задача другого исследования.

Литература

1. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. - М.: Рус. яз., 2001. - 863 с.
2. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. - М.: Ин-т рус. яз. РАН; МГУ, 1998. - 528 с.
3. Караулов Ю.Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. - М.: Наука, 1992. - 168 с.
4. Лебединская В.А. Процессуальные фразеологизмы современного русского языка: Учеб. пособие по спецкурсу. - Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ин-та, 1987. - 80 с.
5. Рогожникова Р.П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. - М.: Астрель; АСТ, 2003. – 416 с.
6. Сергеева Г.Н. Лексикализованные предложно-падежные словоформы как одна из структурных разновидностей эквивалентов слова // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 2. - Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2000. - С. 60-69.
7. Словарь синонимов русского языка: В 2-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. - М.: Астрель; АСТ, 2001, Т. 2. - 856 с.
8. Структурно-грамматические свойства русских фразеологизмов. - Челябинск. Изд-во ЧГПУ, 2002. - 263 с.
9. Чепасова А.М. Семантические и грамматические свойства именных фразеологизмов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - Л., 1985. - 28 с.
10. Чепасова А.М. Устойчивость и динамичность фразеологизмов // Челябинская фразеологическая школа: научно-теоретический очерк. - Челябинск: Изд-во Челяб. ун-та, 2002. - С. 219-229.

Устойчивые сочетания с этнонимами в говорах Прикамья

Сироткина Т.А.

Пермь

Этнонимы (названия народов) – важная составная часть культуры и языка любого региона.

Как справедливо отмечает пермский фразеолог И.А. Подюков, «народная речь способна консервировать архаичные явления, в ней сохранены этнонимические образования, свидетельствующие об

исторических событиях, о прошлых отношениях наций и народностей, сложившихся на базе противопоставления «свой-чужой»³.

Рассмотрим, как в пермской фразеологии представлена система этнонимов данного региона. Для анализа взят «Фразеологический словарь пермских говоров» К.Н. Прокошевой⁴, а также материалы экспедиций в д. Акчим из картотеки словарного кабинета Пермского государственного университета.

Очень продуктивен в пермской фразеологии этноним татары: 1) **татара (молотят) в голове** – головокружение, головная боль, тяжесть (*Сёдни я ничё не скажу, у меня татара молотят в голове*); 2) **татарам на хмель** – ни на что не годен (*Баушка, праздник нынче, дай выпить маленько, потом помогу тебе чем-нибудь. – Да кому ты нужен! Тебя только татарам на хмель*); 3) **татарин родился** – о моменте мгновенной тишины (*Татарин что ли родился? Почему тогда замолчали? Разговаривайте*).

Наряду с этнонимами в состав фразеологизмов входят отэтнонимные прилагательные: **татарская морда** – злой, сварливый (*Татарская морда – всё равно его грызётся, ругат*); **коромысло татарское** – высокий сутулый человек (*Спать ложуся, дак только и разгибаюсь, а днём дак как коромысло татарское – не согнуться, не разогнуться*).

Это же прилагательное становится основой для образования ортонима: **татарская ворона** – одна из разновидностей семейства вороньих (*У нас новая птица появилась – татарская ворона. Похожа на галку, хохолок большущой, под крыльями бело; на сороку находит, а поёт – как маленький ребёнок*).

Существует в пермских говорах фитоним с данным прилагательным: **татарские мыльца** – травянистое лекарственное растение (*Эта трава от тоски помогает. Вот ведь если не татарские мыльца, то уж не знаю, чё бы со мной было – ведь сколько я тосковала*); «*От тоски пили татарские мыльца, у воды растут, цветки красные, а листочки-те узкие, длинные*).

Становится основой для образования фразеологизма и отэтнонимное прилагательное ногайский: **(как) ногайская кобыла** – говорят о подвижной, резвой девочке или девушке (*Мать дочь ругат: ты ногайская, говорит, кобыла. Вон эки девки-те, как ногайские кобылы носятся*).

Русские – основное население Прикамья. Прилагательное русский также образует фразеологизмы. Например, **обуть в русские лапти** – обмануть, перехитрить (*Я говорю Наталье: обуёт она Татьяну в русские лапти*). В данном случае отмечены и хитрость, и лукавство, и простота русского человека.

Основное свойство цыган – кочевой образ жизни – отмечено в сочетании **как цыгане** – о людях, склонных к перемене места жительства (*Как цыгане: своего дома не имели. Сёдня здесь – завтра там*). И.А.

³ Подкоков И.А. Этнические стереотипы в народной фразеологии // Этническая культура и современная школа. – Кудымкар, 2003. – С. 84-90.

⁴ Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. – Пермь, 2002.

Подюков говорит о другом значении похожего фразеологизма: **как цыган** – о грязнуре⁵.

Входят этнонимы в названия игр: **играть зыряном** – старинная массовая игра (*Мы раньше ишиш зыряном играли, ноне уж так-ту не и не играют; о святках одного средят, долгущего, остальные над им галятся*).

Легенды о **чуди** – древнем населении – до сих пор бытуют в Прикамье. Этот народ называли в говорах чудами, чучками, чучмеками, чучкарями. **Как чучмеки, как чучкари** – говорят об отсталых, неграмотных людях (*Раньше чё, книжек не читали, радио не слышали, как чучмеки жили; Дикие, как чучкари, жили, не смели ничего кроме отца сделать, ничего не знали, не учились дак*)

Чучкая изба – изба, которую топили по-черному, «как чучки» (*Мы раньше, я маленька была, жили в чучкой избе – пол прямо на землю наслан, печка прямо в избу топилась*).

Таким образом, во фразеологизмах, содержащих этнонимический компонент, как и в целом в системе пермских этнонимов, отразились народные представления о народах, населявших и населяющих Прикамье, их особенностях, традициях, языке, культуре.

Наряду с нейтральными сочетаниями, имеющими терминологический характер (фитонимы, ортонимы, названия игр), присутствуют оценочные, выражающие как идеологию, нравственные устои людей (ср. **ни к русским ни к пермякам** – аналог выражения «ни рыба ни мясо» – о ни к чему не пригодном, не имеющем своеобразия⁶), так и оценку соседей, часто негативную, они «чужие», однако в целом толерантную (**чуваши – люди наши; хоть зюздяк, хоть вотяк – всё люди**⁷).

Исследование этнонимных фразеологизмов полезно не только в плане лингвокраеведения, но и в плане этнолингвистики, народной психологии и педагогики.

Семантические группы субкатегории субъектных единиц процессуальных фразеологизмов с компонентами – соматизмами

Скнарев Д.С.
Челябинск

В последние годы в лингвистике стало актуальным углубленное исследование семантики фразеологических единиц (далее ФЕ). Эта область фразеологии недостаточно изучена, вызывает споры и непрерывающийся интерес ученых.

Цель настоящей статьи – выявить семантические группы субкатегории субъектных процессуальных ФЕ с компонентами – соматизмами. Последние понимаются нами как органы, части тела человека и животных.

Материалом для данного исследования стала собранная картотека, состоящая из 350 единиц в 1689 употреблениях. Источниками послужили

⁵ Подюков И.А. Указ. соч. – С. 85.

⁶ Подюков И.А. Указ. соч. – С. 86.

⁷ Там же.

произведения русской художественной литературы, разговорная речь горожан и диалект жителей с. Петровское Увельского района Челябинской области.

Согласно классификации А.М. Чепасовой, в классе процессуальных ФЕ выделяется субкатегория **субъектных** фразеологизмов, обозначающих «деятельность лица, не направленную на предмет или на другое лицо» (1, 22).

«Действие как бы замыкается в субъекте, производящем его; процессуальный фразеологизм, как и глагол с таким значением, является средством выражения свойств субъекта» (1, 22-23).

Семный анализ показал, что названная субкатегория образует два семантических разряда, включающих в свою очередь несколько семантических групп. **Основа выделения** последних – групповые семы, т. е. во всех значениях у единиц данных групп присутствует общая сема.

Первый разряд включает в себя единицы со значением различной деятельности.

Внутри него выделяются **семантические группы**: а) *мыслительной деятельности* (*ворочать мозгами, вертится в голове у кого что, мотать/намотать <себе> на ус что, сидеть/засесть гвоздем в голове и др.*), б) *движения* (*бросаться/броситься со всех ног, подобрать подол в зубы (диал.), нестись сломя на голову, лететь/летать <как> на крыльях, сверкать/засверкать пятками и др.*), в) *поступка, поведения* (*вертеть хвостом, встать с ног на голову, грызть ногти, искать рога на лошадиной голове и др.*), г) *речевой деятельности* (*владеет языком, наварить язык (диал.), трещать языком, драть рот и др.*), д) *лености, безделия* (*держат палец в ухе, греть пузо (диал.), чесать/почесать пуп, ловить ртом ворон (диал.) и др.*).

Я так люблю ходить по магазинам, рассматривать красивые вещи и делать покупки глазами, представляя, например, как эта дорогушая картина будет смотреться над диванчиком в зале или как хрустальная ваза украсит столик в спальне. Мечты, все мечты! Из разг. речи жителей г. Челябинска, женщина, 45 лет. Записано 15 мая 2002 г.

Делать покупки глазами – фантазировать, мечтать приобрести что-либо, но не иметь реальной возможности осуществить покупку вследствие каких – либо причин.

Встретила я вчера под табуном Матрену и уж собралась было высказать все, что о ней думаю. А она подол в зубы подобрала и как вчесала! Я со своей больной ногой за ней не угналась. Из диалекта жителей с. Петровское Увельского района, Бабенкова А.А., 56 лет. Записано 19 июля 2002 г.

Подобрать подол в зубы – сбежать, поспешно скрыться; убежать стремглав, чтобы избежать нежелательной встречи, общения с кем – л.

Дополнительно к этому разряду мы выделили семантическую группу со значением *трудовой, профессиональной деятельности* (*держат*

баранку в руках, ходить с протянутой рукой, мозолить руки, заработать себе горб, быкам хвосты крутить (диал) и др.).

Я люблю свою работу, но целый день держат в руках баранку утомительно. Постоянно пот, запах бензина... Иногда хочется сменить профессию. Из разг. речи жителей г. Челябинска, мужчина, 38 лет. Записано 11 июня 2003 г.

Держать в руках баранку – работать водителем, шофером.

Нет, не пушу я его в десятый класс. Он не умеет и не станет учиться. Да, я уже и на работу его определила. Пойдет быкам хвосты крутить. Из разг. речи жителей с. Петровское Увельского района, Лаврова О.Н., 43 г. Записано 18 августа 2004 г.

Быкам хвосты крутить 2 – работать пастухом, пасти скот.

Второй разряд образуют субъектные единицы, обозначающие **состояние**. Внутри него выделяются следующие **группы**: ФЕ со значением **физического состояния** (*выбивать дробь зубами, ноги отсохли у кого, клевать/клюнуть носом, входить/войти в тело и др.*), единицы, обозначающие **психическое состояние** (*биться головой о стенку (стену), брать/взять глаза в зубы (диал.), волосы дыбом встают (встали), дрогнуло сердце у кого и др.*), **чувство – состояние** (*беречь свою шкуру, глаз радуется у кого, глаза разбегаются у кого, накопать/накисеть на сердце у кого, падать/упасть лицом в грязь, собирать/собрать волю в кулак и др.*), **перехода в другое состояние** (*кровь кинулась в лицо кому, сбить замок с сердца, растить/нарастить брюхо, крылья выросли у кого и др.*).

Мало–помалу уединение, тишина, домашняя жизнь и все сопряженные с нею материальные блага помогли Александру войти в тело. И.А. Гончаров. Обыкновенная история.

Входить/ войти в тело – поправляться, полнеть.

Он знал, что тут собрана вся интеллигенция Петербурга, и у него, как у ребенка в игрушечной лавке, разбегались глаза. Он все боялся пропустить умные разговоры, которые он может услышать. Л.Н.Толстой. Война и мир.

Глаза разбегаются/разбежались у кого – кто-л. не может сосредоточиться, остановиться на чем-л. одном от разнообразия впечатлений.

В данном семантическом разряде мы выделяем также группу ФЕ со значением **мимики и жеста** (*выбивать/выбить пальцами морзянку, переминаться с ноги на ногу, сжать зубы, желваки перекатываются (-лись) на лице у кого, наморщить лоб, потереть ладонь о ладонь, почесывать/почесать за ухом и др.*)

Молотов, оказывается, еще сохранял способность удивляться. Наморщил лоб и некоторое время всматривался в лицо Корнеева, словно что-то постигая. Гриньков. Расстрельщик.

Наморщить лоб - задуматься, размышлять.

- Не надо! Не говори ничего! Не надо!- она вдруг резко выгнула спину и каким-то отчаянным движением закрыла ладонями уши. Ф.Незнанский. Криминальные прогулки.

Закрывать ладонями уши – не хотеть абсолютно ничего слышать, не терпеть никаких возражений, и, чтобы сильнее выразить свои эмоции, произвести данный жест.

Проанализировав семантику субъектных процессуальных ФЕ с компонентами-соматизмами, мы можем сделать вывод о том, что рассматриваемые единицы семантически разнообразны. Внутри данной субкатегории выделяются разряды со значением **различной деятельности** и со значением **состояния**, формирующие частные группы, среди которых наиболее продуктивны группы со значением *поступка, поведения*, со значениями *речевой* и *мыслительной деятельности, физического и психологического состояния человека*.

По нашим данным, в образовании субъектных единиц участвует около 80 соматизмов. В нашей картотеке больше всего фразеологизмов с компонентами: **глаза** (60), **рука** (54), **голова** (53), **ухо** (40), **язык** (35), **нога** (27), **сердце** (26), **нос** (20). С помощью названных соматизмов человек активно воспринимает окружающий мир, познает сущность каких-либо явлений и процессов, чувствует (*сердце*), мыслит (*голова, мозги*), общается с другими людьми (*язык, рот*), слышит (*уши*), выполняет различные действия (*нога, рука*) и т.п.

Как правило, единицы с данными компонентами – соматизмами отличаются высокой эмоционально-экспрессивной окрашенностью, чаще всего негативной.

Литература

1. Чепасова А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов. - Челябинск: ЧГПИ, 1974.- 101 с.

Устойчивые словосочетания в тексте научно-практического комментария к Конституции РФ

Смирнова О.М.
Казань

Современное российское общество периода глубокого реформирования весьма противоречиво, неустойчиво. Конституция – его основной закон, обладающий высшей юридической силой (ч.2 ст. 4).

Потребности развивающегося правосознания конституционной практики, обусловленные необычайно интенсивным развитием в последнее десятилетие конституционного законодательства, вызвали необходимость разьяснения сущности и механизма конституционных правоотношений. Среди неофициального толкования особое место занимает научное (доктринальное) толкование. Оно не имеет юридической силы, но косвенным путем оказывает значительное влияние на правовую жизнь общества, так как дается специальными научно-исследовательскими учреждениями, отдельными учеными. Научно-практический комментарий – один из его видов. За длительный период действия советских конституций, в силу особенностей политической ситуации в СССР, юридического комментария к действующей Конституции для потребностей

правоприменительной практики не было. Первый появился только в 1982 году. Необходимость в комментариях сегодня диктуется новыми идеологическими условиями развития страны, во многом и нестабильностью, противоречивостью, хаотичностью, «пробельностью» современного российского законодательства. Он помогает сориентироваться не только в конституционно-правовых спорах, но и в вопросах применения отраслевого законодательства. Этим объясняется популярность комментария в среде профессиональных юристов. Среди других выделяется научно-практический комментарий к Конституции РФ, изданный в 2002 году под редакцией профессора В.В. Лазарева. Он подготовлен высококвалифицированными учеными, занимающими ответственные должности в федеральных органах государственной власти и принимающими непосредственное участие в консультировании правотворческой и правоприменительной практики (далее – Комментарий).

Конституционные нормы специфичны в том отношении, что, с одной стороны, некоторые из них рассчитаны на широкую реализацию гражданами в меру их собственного понимания конституционных положений, поэтому авторы Комментария стремятся сделать его понятным для людей, не имеющих юридического образования. С другой стороны, есть нормы, адресованные правоприменителям, и их реализация по определенным категориям дел требует специальной подготовки.

Все это создает специфику текста Комментария. Говоря о его фразеологии, следует отметить, что именно она является одним из важнейших лингвистических средств, обеспечивающих точность языка научно-практического комментария (равно, как и языка закона).

Она включает в себя *общеюридическую* фразеологию, свойственную многим нормативным текстам: нарушение правил, вступить в силу, переуступка права, довести до сведения, семейное положение, занять должность, приобщить к делу, органы власти, ограничение прав, в целях содействия, в соответствии с настоящим законом, отмена постановления, в соответствии с действующим законодательством, несут ответственность, если иное не предусмотрено, недействительность сделки, неустановленное лицо, недвижимое имущество, свобода совести, *и отраслевую – международного права*: всеобщее разоружение, международный контроль, неприкосновенность государственных границ, принципы невмешательства во внутренние дела других стран, укрепление мира и безопасности, вербальная нота, верительная грамота, дипломатическая неприкосновенность, консульская конвенция, поверенный в делах, прелиминарный договор, персона грата, статус кво, персона нон грата; **уголовно-процессуальное право**: неустановленное лицо, предварительное следствие, умышленное убийство, **лесное право**: протокол лесного аукциона, лесной билет; **межотраслевые** (используемые в разных областях права): особое мнение, выразить недоверие (судье, губернатору, президенту), множественность лиц, взимать пени.

По мнению некоторых ученых-юристов, специальные исследования лингвистов по фразеологии пока оставляют, к сожалению, вне пределов внимания юридические устойчивые словосочетания, а ведь существует острая необходимость создания «Словаря юридических фразеологизмов». С другой стороны, преимущество употребляемости юридического фразеологизма необходимо определить при помощи действующего федерального законодательства, где критерием применяемости юридической фразеологии станет действующий законодательный массив во главе с Конституцией РФ (Власенко Н.А.).

Процессуальные фразеологизмы, выражающие межличностные отношения

Соколова А.А.

Курган

1484 процессуальных фразеологизма субкатегории отношения (ПФСО) способны выразить четыре типа отношений: межличностные (отношения между лицами), лично-предметные (отношения лица к предмету), предметно-личные (отношения предмета к лицу) и межпредметные (отношения между предметами). Продуктивность фразеологизмов различных типов отношений приведена в таблице.

№ п/п	Тип отношений ПФСО	Пример	Кол-во	%
1.	Межличностный	морочить голову кому-л.	1376	75
2.	Лично-предметный	прятать в долгий ящик что-л.	209	11
3.	Предметно-личный	вязать руки кому-л.	160	9
4.	Межпредметный	лечь в основу чего-л.	92	5
		Всего:	1837	100

Мы учитывали возможность одной фразеологической единицы иметь несколько значений. По нашим данным, многозначными являются около четверти ПФСО. Разные фразеосемантические варианты могут характеризовать разные типы отношений. Внутри каждого типа отношений представляется необходимым выделение подтипов, структурно-семантических групп и подгрупп.

Среди процессуальных фразеологизмов исследуемой субкатегории межличностные отношения (субъект-лицо – объект-лицо) выражают большинство единиц, например, **вставлять палки в колеса** кому-л., **идти/ пойти навстречу** кому-л., **подложить свинью** кому-л., **перейти дорогу** кому-л., **морочить/ заморочить голову** кому-л. и др., и могут быть дифференцированы на подтипы и структурно-семантические группы.

Мы выделяем 12 подтипов отношений, которые способны выразить исследуемые фразеологизмы: 1) доминантные отношения (50,3%), 2) отношения содействия (14,2%), 3) вербальные отношения (8,8%), 4) отношения между полами (7,8%), 5) изменяющие психическое состояние

объекта (6,2%), 6) отношения касательства (5,4%), 7) профессиональные отношения (2,6%), 8) посреднические отношения (1,8%), 9) товарно-денежные отношения (1,1%), 10) отношения обладания (0,7%), 11) отношения сравнения (0,6%), 12) отношения части к целому (0,5%).

Процессуальные фразеологизмы чаще всего выражают доминантные отношения между людьми, то есть отношения, при которых один из членов отношения доминирует, а другой подавляется. Этот подтип может быть дифференцирован на несколько структурно-семантических групп.

Наибольшее количество единиц выражают отношения подчинения, например, **брать/ взять в ежовые рукавицы** кого-л., **держат в узде** кого-л., **лизать сапоги** кому-л. и под.:

Я наказывал куму о беглых мужиках, исправнику кланялся, **пал в ноги** ему и слепо умолял... *И. Гончаров. Обломов.*

Другая группа фразеологизмов объединена понятием «бить кого-л.», например, **нагреть бока** кому-л., **дать в морду** кому-л. и др.:

Бывало, девку в Мордве лучше не заводил: и девке попадет, и тебе **ребра пересчитают**. *В. Шукшин. Наказ.*

Субъект может притеснять объект, например, **брать/ взять за горло** кого-л., **морить голодом** кого-л., **перекрыть кислород** кому-л. и др.:

Как я прогону и **лишу его куска хлеба**, если знаю, что он семейный, голодный? *А.П. Чехов. ПСС, т. 1, с. 127.*

Члены отношения могут обманывать друг друга (**водить за нос** кого-л., **втирать очки** кому-л.), субъект и объект могут соперничать (**мериться/ помериться силой** с кем-л., **дышать в спину** кому-л.).

Возможно выделение и других групп фразеологизмов, выражающих доминантные отношения между лицами.

Второй семантический подтип составляют фразеологизмы, обозначающие отношения содействия. Фразеологизмы данного подтипа выражают такое взаимодействие между лицами, в результате которого члены отношения обогащаются, помогают друг другу. Отношения людей продуктивны для продолжения. В рамках этого семантического подтипа также возможно разделение фразеологического материала на группы.

Фразеологизмы, содержащие сему «помогать, спасать», образуют самый большой синонимический ряд в подтипе единиц, обозначающих отношения содействия, например, **оказывать/ оказать помощь** кому-л., **подставлять/ подставить плечо** кому-л., **проявлять/ проявить заботу** о ком-л., **принимать/ принять участие** в кому-л., **идти/ пойти на выручку** кому-л. и др.:

В заключение всего генерал заметил, что супруга его **принимает** в князе **участие** точно как будто в родном своем сыне, и что Аглаю она что-то ужасно стала ласкать... *Ф. Достоевский. Идиот.* Я всегда пытался и пытаюсь **делать** людям **добро** и не только пером, но всем, что и где мне доступно. *В. Астафьев. Зрячий посох.*

Структурно-семантическая группа фразеологизмов, объединенных общим понятием «дружить с кем-л.», представлена такими единицами, как

быть на короткой ноге с кем-л., водить дружбу с кем-л., иметь расположение к кому-л., отдать симпатии кому-л. и др.

Ряд фразеологизмов имеет общее значение «встречать дружелюбно», например, **встречать/ встретить хлебом-солью** кого-л., **принимать/ принять в объятия** кого-л., **встречать/ встретить с распростертыми объятиями** кого-л. и др.

Другие группы фразеологизмов, выражающих отношения содействия, немногочисленны.

Следующий по частотности семантический подтип межличностного типа объединяет процессуальные фразеологизмы, которые выражают вербальные отношения. Субъект может ругать кого-л. (**бросать/ бросить упрек** кому-л., **делать/ сделать замечание** кому-л., **крыть последними словами** кого-л.), хвалить кого-л. (**воздавать/ воздать хвалу** кому-л., **вспоминать/ вспомнить добрым словом** кого-л., **объявить благодарность** кому-л.), члены отношения могут спорить друг с другом (**вести спор с кем-л., вступать/ вступить в полемику с кем-л., входить/ войти в пререкания с кем-л.**) и разговаривать друг с другом (**вести беседу с кем-л., вступать/ вступить в диалог с кем-л., иметь разговор с кем-л.**).

Внутри первого типа отношений, межличностного, ряд фразеологизмов выражает отношения между полами. Фразеологизмы, выражающие отношения между мужчиной и женщиной, можно дифференцировать как брачные (**выходить замуж за кого-л., идти под венец с кем-л., вступать в брак с кем-л.**) и внебрачные (**заводить/ завести роман с кем-л., объясняться/ объясниться в любви** кому-л., **подбивать клинья к кому-л.**). При этом фразеологизмы, выражающие внебрачные отношения, преобладают над единицами, обозначающими брачные связи, в два раза.

Четвертый подтип фразеологизмов межличностного типа обозначает отношения, изменяющие психическое состояние объекта. Воздействие, оказываемое одним членом отношения на другой, может носить положительную (**вызывать/ вызвать восторг** у кого-л., **доставлять/ доставить радость** кому-л., **поднимать/ поднять настроение** кому-л.), отрицательную (**вводить/ ввести в конфуз** кого-л., **вгонять/ вогнуть в краску** кого-л., **внушать/ внушить отвращение** кому-л.) и нейтральную окраску (**вызывать/ вызвать чувство** кого-л., **вызывать/ вызвать ощущение** у кого-л., **вызывать/ вызвать впечатление** у кого-л.).

Третья группа фразеологизмов характеризуется тем, что оценку воздействия можно определить только из контекста с помощью определяющих слов:

Видите ли, я "представлял наименьшую угрозу **вызвать** у нее **чувство любви**". *Работница, № 4, 2000.* Айсэк еще долго будет **вызывать** у людей лишь **чувство** жалости. *Работница, № 5, 2000.*

Процессуальные фразеологизмы могут выражать различного рода отношения касательства, то есть отношения в их самом общем виде. Сему отношения в такие единицы привносят синонимичные именные компоненты *связь, контакт, отношения*: **вступать/ вступить в отношения с кем-л.,**

входить/ войти в связь с кем-л., **иметь контакт** с кем-л., **состоять в отношениях** с кем-л. и др. Отношения, связи и контакты между членами отношений конкретизируются в контексте:

Их суть - запретить **вступать** с похитителями людей **в отношения купли-продажи**. *АиФ, № 50, 1999*. Студенты Стэнфорда относятся к Челси настороженно и **в близкие отношения не вступают**. *Коммерсант, № 33, 2000*.

Другие семантические подтипы фразеологизмов, выражающих межличностные отношения, представлены небольшим количеством и составляют менее 5% от общего числа единиц. Процессуальные фразеологизмы исследуемой субкатегории могут выражать такие отношения, как:

- профессиональные (**брать/ взять в работу** кого-л., **вести дело** с кем-л., **заключать/ заключить договор** с кем-л. и др.);

- посреднические (**вводить/ ввести** кого-л. **в круг** кого-л., **передавать/ передать поклон** кому-л. от кого-л., **сталкивать/ столкнуть лбами** кого-л. с кем-л. и др.);

- товарно-денежные (**брать/ взять займы** у кого-л., **входить/ войти в долю** с кем-л., **вводить/ ввести в расход** кого-л. и др.);

- обладания (**вцепиться клещами** в кого-л., **вцепиться мертвой хваткой** в кого-л., **иметь под рукой** кого-л. и др.);

- сравнения (**иметь общее** с кем-л., **иметь общие черты** с кем-л., **иметь сходство** с кем-л. и др.);

- части к целому (**входить/ войти в круг** кого-л., **входить/ войти в состав** кого-л., **пополнять/ пополнить ряды** кого-л. и др.).

Таким образом, процессуальные фразеологизмы субкатегории отношения выражают богатую палитру отношений между людьми. Чаще всего исследуемые фразеологизмы призваны обозначать доминантные отношения, когда субъект-лицо и объект-лицо определяют свое положение относительно друг друга, статус превосходства или подчинения.

Счастье в наивно-языковой картине мира

Тильман Ю.Д.

Москва

Фразеологизмы как свернутые культурные тексты представляют собой важную составляющую «языка» культурных концептов (термин Н.Д. Арутюновой). Извлекаемое из концептуальной комбинаторики «языковое знание» позволяет реконструировать представления обыденного сознания, систему закрепленных в культуре и языке стереотипов.

В современной лингвистике активно развивается направление, связанное с языковой концептуализацией мира, с описанием констант русской культуры, среди которых уже исследовались такие, как *душа, тоска, судьба, вера, любовь, вечность, совесть, грех, грусть, воля* и др. Наша задача – выявить содержание и ценностную структуру представлений о счастье,

закрепленных в русской наивно-языковой картине мира и отражающих своеобразие национального миропонимания.

«Текст счастья» формируется на основе двух значений: одно связано с характеристикой внутреннего мира («состояние абсолютной удовлетворенности жизнью, чувство наивысшего удовольствия, радости»), другое – ориентировано на внешний мир, его оценку субъектом («успех, удача // счастливый случай, счастливое стечение обстоятельств») [1]. Материалом для анализа послужили развивающие эти идеи фразеологизмы и лексемы с похожей семантической структурой. К фразеологизмам отнесены семантически разнородные типы сочетаний, в том числе пословицы и поговорки, включение которых во фразеологический состав расценивается неоднозначно, но которые, на наш взгляд, помогут эксплицировать ключевые смыслы, их комбинаторику, культурные коннотации.

Счастье связано с характеристикой эмоциональной сферы человека, поэтому некоторые фразеологические единицы допускают в составе лексические варианты с такими компонентами, как *радость, блаженство*. Вместительным счастьем, как и других чувств и эмоций, является душа, понимаемая как особое пространство. Душевное пространство вертикально ориентировано. Счастье находится как бы на вершине: *на седьмом небе от счастья / радости, наверху блаженства*. В художественной литературе используются готовые языковые формы, развиваются возможности, заложенные в устойчивых сочетаниях: «*И опять свет померк в его глазах. Он почувствовал себя сброшенным с высоты счастья, спокойствия, достоинства в бездну отчаяния, злобы, унижения*». Л.Н. Толстой. *Анна Каренина*.

Необыкновенное эмоциональное состояние только тогда можно быть оценено как счастье, если оно занимает весь «объем», пронизывает всего человека: *полное / большое / огромное / великое счастье*. Вероятно, в понимании счастья проявилась такая национальная черта, как тяготение к крайностям. Ср.: **среднее счастье, *достаточное счастья, *счастье в меру, *маленькое счастье*. Только выход за пределы может принести удовлетворенность жизнью, в обратном случае ситуация оценивается как ущербная, исключая радость бытия: *для полного счастья чего-то не хватает*. Можно предположить, что это связано с еще одной особенностью русского менталитета - экзистенциальной неудовлетворенностью.

Чувство счастья отражается на внешности человека, запечатлевается. Это выражение счастья «прочитывается» как текст: *счастье написано на чьем-либо лице, (не) видно счастье на чьем-либо лице*.

Считается, что ощущение счастья преобразует человека. Это сказывается и на внешности, и на поведении. Человек проявляет себя неадекватно: он может *петь от счастья, ошалеть от счастья*. Вероятно, ощущение внутренней высоты заставляет и в жизни выбирать такие формы активности, которые демонстрирует не просто отклонение от нормы, но показывают «приподнятое» настроение: *летать / прыгать / скакать от счастья; счастливый скачет, несчастный плачет*. Ср. с другими

сочетаниями, в составе которых есть лексемы со значением «перемещение в пространстве»: * *ходить / бегать / мчаться / нестись от счастья*. Внешнее проявление этого чувства связано также с изменением мимики, взгляда: *счастье светится в чьих-либо глазах, счастливый взгляд, счастливая улыбка, счастливо лицо / выражение лица*.

Как правило, характеристика эмоциональных состояний коррелирует с оппозицией «свет – тьма»: *видеть все в черном цвете; черные мысли / думы, мрачные мысли, мрачное настроение / предчувствие, темная злоба и др.* Преображение человека, находящегося в необыкновенном расположении духа, связано с просветлением, появлением внутреннего света: *светиться / сиять от счастья, счастье светится в чьих-либо глазах, лучиться счастьем*. Таким образом, «свет» является важной составляющей константы «счастье»: *ничем не омраченное счастье*.

Состояние удовлетворенности жизнью лучше заметно со стороны, и это, по-видимому, обуславливает тот факт, что обычно подобного рода чувство отмечается у третьих лиц, осознается по отношению не к «я», а к «другому». В настоящем времени отмечается именно чужое счастье. Возможно, это связано с суеверными представлениями (можно *счастье спугнуть*), а также с тем, что в русской культуре не принято демонстрировать свое счастье. Неэтично *кричать о своем счастье*, но не стыдно *рассказать / поведать о несчастьи*.

Свое счастье практически никогда не мыслится как ситуация «здесь и сейчас», о нем обычно говорят по прошествии времени: *счастье было / ушло / уплыло / закатилось*. Либо счастье отнесено к будущему, причем счастье находится на небольшом расстоянии от субъекта: *счастье недалеко / близко / рядом*. Но время преодоления этого пространства оказывается значительным, потому и *долгожданное счастье*. Это укоренное в сознании народа представление (счастье народа, счастье человеческое не за горами, но дорога к счастью долгая), сформировалось под влиянием российской истории, а может быть, и предопределило ее особенности.

Содержание понятия «счастье» выявляется при сопоставлении с другими свойствами личности: здоровье, любовь, интеллект, внешняя привлекательность, высокое социальное положение, достаток. *Даст Бог здоровья, даст и счастья; Счастье дороже богатства; Счастье дороже ума, богатства и пр.; Не родись ни умен, ни красив, а родись счастлив; Не родись ни хорош, ни пригож, родись счастлив; Не в деньгах счастье*. Важен сам отбор фундаментальных ценностей, а также иерархическая структура их зависимостей и получаемая в этой структуре аксиологическая характеристика: «здоровье – счастье – ум – богатство, красота». Очевидно, что исследуемая константа занимает ведущую позицию. Интересной представляется корреляция «счастье – ум». Счастье не просто выше ума, оно как бы обратно пропорционально умственным способностям: *Счастье велико, да ума мало; Глупому счастье, умному Бог дает; Сегодня счастье, завтра счастье - помилуй Бог, а ум-то где?; Дураку везде счастье*. В народных сказках наиболее удачливыми оказывались те, кого не считали

умными, в том числе и потому, что они не прилагали усилий для достижения счастья. Чтобы *счастье пришло / нашло*, иметь здравый ум необязательно: *Дураку счастье в рот лезет / само в руки плывет*. Но, чтобы удержать удачу, извлечь выгоду из счастливого стечения обстоятельств, мыслительные способности необходимы: *Мудрецу и счастье к лицу; Счастье без ума, что дырявая сума*.

В структуре концепта «счастье» нашел отражение дуалистический принцип противопоставления благоприятного и неблагоприятного в наивно-языковой картине мира; в рассматриваемом фрагменте он реализуется в оппозиции «счастье – несчастье». Первый компонент оказывается значимым в сопоставлении с противоположным эмоциональным состоянием – страданием, горем, несчастьем. *Бояться несчастья - и счастья не будет / не видать; Счастье с несчастьем, как ведро с ненастьем, живут переменчиво; Не быть бы счастьем, да несчастье помогло; Кто горя не видал, тот и счастья не знавал*.

В содержании концепта «счастье» имплицитно присутствует характеристика жизни в целом. Чувство глубокого довольства отмечает очень небольшой этап земного пути: *счастье недолгое, мимолетное; мгновенья, минуты счастья*. Таким образом, главную роль в жизни играют несчастье, горе, страдание, о чем свидетельствует и мифология, где эта идея, представленная такими персонифицированными образами, как Недоля, Лихо, Горе, Горе-Злосчастье, Беда, Нужда, разработана в большей степени, чем антонимичная. В паре «счастье-несчастье» выявляется асимметрия, которая отражает своеобразие национального мировосприятия – повышенное внимание к печальным сторонам жизни и готовность к худшему, к страданию. Невозможность удержать счастье определяет и философское отношение к чередованию негативных и позитивных сторон жизни. *Счастьем не верь, а беды не пугайся; Счастье с несчастьем на одних санях ездят, двор об двор живут; Где горе, там и радость*. Осознание этих закономерностей порождает в русской душе соединение антонимичных начал: с одной стороны, смирение, с другой – дерзость, «наклонность дразнить счастье, играть в удачу ... великорусский авось» (Ключевский).

Таким образом, распознавание «в культурной памяти фразеологизмов, хранимых в ней культурно маркированных смыслов» [2], связанных с базовым концептом «счастья» помогает реконструировать этот фрагмент мировидения, показать особенности русского менталитета. К сожалению, представить весь материал в рамках одной статьи не представляется возможным.

Литература

1. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. - М.: «Русский язык», 2000.
2. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. - М., 1999.

Особенности окказиональных преобразований именных фразеологизмов

Третьякова И.Ю.
Кострома

Изучение фразеологических единиц (ФЕ) в функциональном аспекте на протяжении последних лет является одним из актуальных направлений фразеологии. Однако, несмотря на многочисленные исследования фразеологизмов в речи, особенно в художественных произведениях и в публицистике различных авторов, недостаточно внимания уделяется изучению окказиональных преобразований фразеологизмов в речи, описанию характера трансформационных процессов, выявлению потенциальных преобразовательных возможностей языковых ФЕ.

Способности ФЕ к трансформации определяются различными особенностями языковых единиц: их образным характером, спецификой внутренней формы, расчленённостью грамматической структуры; немаловажную роль при этом играет структурно-грамматическая модель ФЕ. Фразеологизмы различных структурных типов проявляют разные потенциальные возможности к окказиональному преобразованию. Иллюстрацией этому могут служить именные ФЕ структурно-грамматической модели прилагательное + существительное, выражающие характеристику свойств, качеств человека. Такие фразеологизмы в речи подвергаются различным синтаксическим трансформациям, например расширению и сужению компонентного состава, замене и контаминации компонентов. Одним из наиболее частотных приёмов окказионального преобразования ФЕ является приём расширения компонентного состава, в частности, включения в состав фразеологизма именного компонента.

Расширение компонентного состава ФЕ происходит по сценарию типичных изменений усложнений словосочетания путём включения в состав ФЕ 1) слова, содержащего степень признака; 2) слова-синонима; 3) слова-конкретизатора. На преобразовательные процессы оказывает влияние метафорический (метонимический) характер идиом. Трансформация может быть направлена на актуализацию двойного плана содержания ФЕ: переносного и буквального. В результате анализа текстов с функционирующими фразеологизмами выявлены четыре модели трансформов с различными словами-компонентами (С-К):

1 модель: слово-компонент, выражающее степень признака, актуализирующее метафорическое значение ФЕ;

2 модель: слово-компонент - синоним прилагательному, актуализирующее метафорическое значение ФЕ;

3 модель: слово-компонент, конкретизирующее значение ФЕ по признаку принадлежности;

4 модель: слово-компонент, актуализирующее прямое значение словосочетания (двойная актуализация).

Подобное расширение компонентного состава ФЕ существенно не нарушает дистрибутивных связей компонентов фразеологизма, в результате

подобных трансформаций образуются окказиональные варианты ФЕ. Следует добавить, что группа слов-компонентов не ограничивается лишь представленными здесь видами, список моделей может быть увеличен; однако в данной работе рассматриваются наиболее типичные модели. Рассмотрим особенности окказиональных трансформаций ФЕ двух типов.

1. ФЕ типа **большое сердце, ясная голова, подлая душа** и под. Именной компонент выражается существительным, называющим части тела человека; особенностью этих существительных является их символическое значение. Сердце не только как главный орган человека, запускающий всю систему жизнеобеспечения, но и орган, генерирующий чувства (ср. сердце плачет, на сердце тяжело). Душа символизирует вместилище чувств, эмоций человека (ср. душа поёт, печалится). Голова, в свою очередь, представляется вместилищем ума. ФЕ **большое сердце** (кто-либо отзывчив, добр, способен к сильным чувствам, переживаниям, чуткий, страстный).

1 модель. С-К со значением степени качества: очень, по-настоящему. У отца было по-настоящему большое сердце, способное отзываться на беды и несчастья всех, каждого члена нашей семьи.

2 модель. С-К синонимом. Чувствовались в нём тонкий ум, острая память и большое, хорошее сердце. См. также **большое, сильное сердце** актуализация семы сильные чувства; **большое, тонкое сердце** актуализация семы чуткое; **большое, доброе сердце** актуализация семы доброе. Вторая модель является наиболее активной; компонент-распространитель актуализирует отдельные семы значения ФЕ.

3 и 4 модель. С-К конкретизатор и С-К буквализатор. **Большое человеческое сердце, большое собачье сердце** и под. Компонент-существительное образован вследствие метонимического переноса и воспринимается буквально при конкретизации относительным прилагательным. Модель неактивна. ФЕ **чёрная душа** (о человеке коварном, способном на низкие, предосудительные дела, поступки, чувства). Активный атрибутивный компонент *чёрная* является цветовым символом: чёрный цвет зла. Семантические особенности ФЕ налагают некоторые запреты на трансформацию фразеологизма.

1 модель. С-К степень признака: совершенно, абсолютно, совсем и т.п. Модель неактивна: очевидно, компонент *чёрная* уже содержит максимальную степень выраженности признака.

2 модель. С-К синоним атрибутивному компоненту: чёрный, тёмный, злой, низкий, мерзкий, гадкий, подлый и под. Ненавижу его. Душа у него чёрная, поганая. Сколько гадостей сделал, сколько горя принёс родным. Ненавижу! (разг.) Модель неактивна: очевидно, расширению компонентного состава препятствует символический характер компонента чёрный и смысловая самодостаточность. Компоненты-синонимы выражают прямую оценку всей личности.

3 модель. С-К конкретизатор. Модель неактивна. Слово, конкретизирующее ФЕ применительно ситуации, выражается именем существительным: *чёрная душа старухи*. Это слово не является С-К.

4 модель. С-К буквализатор. В его чёрной, беспросветной душе не было ни одного светлого пятна. Никогда никого он не жалел, не испытывал ни сочувствия, ни сострадания. Глухо было в душе, темно.

II. ФЕ типа стреляный воробей, мокрая курица, травленный волк составляют группу фразеологизмов образных, с прозрачной внутренней формой, изоморфизмом значения; подобные ФЕ имеют достаточно активный преобразовательный потенциал. Стержневой компонент-существительное относится к группе зоонимов: при использовании единиц подобного типа проводятся аналогии мира людей с биологическим (животным) миром, свойства животных переносятся на свойства, характер, поведение человека. Атрибутивный компонент дополняет характеристику человека, внося дополнительные смысловые оттенки, усугубляющие черты, свойства, названные компонентом-зоонимом (мокрая курица), либо, наоборот, контрастные этим свойствам (стреляный воробей) ФЕ стреляный воробей (человек, много переживший в жизни, с большим жизненным опытом, которого трудно обмануть)

1 модель. С-К степень признака: весьма, совершенно, настоящий и под. Ты откуда будешь-то? - спросил его сосед, весьма потёртый, весьма и весьма, видно, стреляный воробей. Расширение компонентного состава подобными словами может быть затруднено в том случае, если атрибутивный компонент фразеологизма выражен относительным прилагательным (типа тыловая крыса). Модель недостаточно активна: очевидно, фразеологические компоненты уже выражают вполне насыщенный признак, яркое свойство.

2 модель. С-К синоним. Всем пишушим, особенно начинающим (мы, старые стреляные воробьи, более осторожны) необходимо помнить о мнимом вдохновении. Модель активна. Компоненты-распространители эксплицируют элементы значения ФЕ, вносят смысловые оттенки.

3 модель. С-К конкретизатор. Ей без малого тридцать лет, и она стреляный московский воробушек, и знает что почём. Модель достаточно частотна, так как слово-распространитель конкретизирует фразеологизм относительно контекстной ситуации. Не обладают способностью к подобной трансформации языковые ФЕ, содержащие в своём составе компонент относительное прилагательное; несмотря на то, что это прилагательное приобретает свойства качественного, описывая качества характера, поведения человека, относительно-притяжательный признак тоже проявляется (см. тыловая крыса, архивная крыса).

4 модель. С-К актуализатор. Модель неактивна, так как буквализация значения сопряжена с буквальным образным видением человека в облике животного, что, за исключением особых ситуаций, абсурдно. Расширение компонентного состава ФЕ является достаточно частотным приёмом трансформации языковых ФЕ, функционирующих в текстах различных стилей. Внедрение в компонентный состав ФЕ дополнительных элементов - процесс естественный и оправданный творческими задачами авторов произведений, стремлением носителей языка точнее выразить свои мысли.

Возможность использования подобного приёма преобразования ФЕ обусловлена самой системой языка, разрешающей усложнять двухкомпонентные сочетания слов. Препятствием процессу расширения компонентного состава ФЕ служат семантические особенности ФЕ, ограничение дистрибуции. Особенности преобразовательного процесса ФЕ требуют дальнейшего изучения.

Литература

1. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи.- М.: Русские словари. 1997.
2. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2-х т./ Сост. А.И. Фёдоров. - М.: Цитадель, 1997.

Структурная организация как важнейший элемент формы процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния

Туркина Б.В.

Курган

Исследуемые фразеологизмы разнообразны по своей структурной организации. Структурная организация фразеологизмов изучалась в разных направлениях, разных школах.

В школе В.Л. Архангельского, сложившейся одной из первых во фразеологии, выделялось два типа «фразем»: единицы-минимум и единицы-максимум. Первые имеют структуру словосочетаний, вторые – структуру предложений.

По убеждению В.Л. Архангельского, между разными уровнями языка в структуре фразеологизма существуют закономерные соотношения и взаимодействия. Он считал, что «фразеологическое значение неотделимо от морфолого-синтаксического построения фразеологических единиц [Архангельский 1972: 185], что последнее вместе с грамматическим значением входит в содержательную структуру фразеологизма» [Архангельский 1972: 184].

А.М. Чепасова, говоря о структурной организации фразеологизмов, первым выделяла «синтаксический тип объединения всех знаменательных частей речи со всеми служебными. Этот синтаксический тип моделей называется сочетаниями слов» [Чепасова 1998: 32].

“Второй тип – модели словосочетаний. Он характеризуется тем, что входящие в него модели фразеологизмов построены в соответствии с правилами согласования, управления или примыкания” [Чепасова 1998: 34].

“Третий тип модели – простые предложения. В отличие от первых двух типов третий характеризуется тем, что по внешнему виду его единицы всегда представляют собой грамматическую основу, которую составляют объединение двух главных членов – подлежащего и сказуемого или наличие только одного состава, чаще всего сказуемого” [Чепасова 1998: 36].

В настоящем исследовании анализируется структурная организация процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния.

Исходным материалом для построения процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния могут быть структуры подчинительных словосочетаний, предложений и сочетаний слов:

- подчинительные словосочетания разных моделей (*набраться терпения, щелкать зубами, держать язык за зубами, отбивать зубами барабанную дробь* и др.);
- предложения разных моделей (*душа болит, ум выскочил, волосы встали дыбом, бросило в жар, взбрело в голову, выпало на долю, дух захватило* и др.);
- сочетания незначительного и значительного слова (*не надыхнешься, не каплет, не горит, не развернешься* и др.);

Материалы нашей картотеки позволили выделить три структурные разновидности процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния, представление о количественных соотношениях и пропорциях которых дает следующая таблица:

Исходные синтаксические единицы	Примеры	Кол-во употр.	% употр.
подчинительные словосочетания	закусить удила, заоченеть от холода, забыть обо всем, поставить на себе крест и др.	1262	73,4
предложения	дух замирает, душа не принимает, отлегло на душе, камень с души свалился и др.	449	26
сочетания незначительного и значительного слова	не горит, не развернешься, не просматривается и др.	11	0,6
	Всего:	1722	100

Как видим, основная масса процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния имеет структуру подчинительного словосочетания.

Словосочетанием В.В. Виноградов считает такое соединение слов, которое «организуется около одного значительного слова, являющегося его стержнем; это обнаруживается как в формальной, так и в смысловой стороне словосочетания. Конструктивные свойства словосочетания чаще всего определяются морфологическим строем его господствующего, стержневого слова» [Виноградов 1972: 11].

Основные положения учения В.В. Виноградова сводятся к следующему: словосочетание, как и слово, выполняет номинативную функцию и лишено предикативности и интонации сообщения, свойственных предложению; только в составе предложения и через предложение оно входит в систему коммуникативных средств языка; словосочетание формируется из значительных слов на основе подчинительных связей, оно состоит из стержневого и зависимого слов, обладает системой форм и выражает определенные синтаксические отношения, может быть простым или сложным. Виноградов ограничивает понятие словосочетания только

теми сочетаниями слов, которые возникают в результате распространения одного слова другим [Виноградов 1972].

Фразеологизмы исследуемой субкатегории могут иметь в качестве исходной синтаксической единицы как простое словосочетание, так и сложное: *гонять лодыря, брать/взять за душу, выбивать зубами дробь, вариться в собственном соку, дрожать всем телом, вырвать из сердца занозу* и др.

Менее продуктивными являются процессуальные фразеологизмы субкатегории состояния, восходящие к другой синтаксической единице языка – простому предложению (26%).

Предложением В.В. Виноградов считает «грамматически оформленную по законам данного языка целостную единицу речи, являющуюся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли» [Виноградов 1952: 65].

Предложение как языковая единица обладает признаками – предикативность, модальность, синтаксическая законченность. Академик А.А. Шахматов писал в «Синтаксисе русского языка», что «условием для перехода отдельного слова и словосочетания в предложение является законченность мысли и законченность соответствующего словесного выражения; законченность мысли предполагает наличие в таком слове и словосочетании сочетавшихся предикативно субъекта и предиката, а законченность словесного выражения требует особой интонации» [Шахматов 1941].

Фразеологические единицы, имеющие структуру простого предложения, не обладают признаками предложения.

Анализ процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния позволил выделить фразеологизмы, имеющие структуру этимологического двусоставного нераспространенного предложения либо двусоставного распространенного предложения (76%), например: *голова кружится, совесть заговорила, мурашки бегают, зло взяло, бьет озноб, мысли ворочаются; мороз продрал по коже, ум за разум зашел, шары на лоб вылезли, сердце лезет горлом* и др.

Часть фразеологических единиц имеет структуру этимологического односоставного безличного предложения (24%), например: *мелькнуло в уме, кружит голову, захватило дух, маковой росинки во рту не было* и др.

В процессе исследования мы столкнулись с проблемой разграничения процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния, соотносимых по структуре с подчинительным словосочетанием или односоставным безличным предложением. В нашей картотеке это фразеологизмы типа *всплыть из памяти – всплыло из памяти, прийти в голову – пришло в голову, ударить в голову – ударило в голову, лезть в голову – лезло в голову* и др.

Очень редко производящим фразеологизм является синтаксическое образование «незнаменательный компонент + глагол». Сами по себе такие фразеологизмы неустойчивы, занимают промежуточное положение. Без **не** – это лексическая единица, с **не** – фразеологическая.

Процессуальные фразеологизмы субкатегории состояния, сформировавшиеся на базе сочетания слов, представлены в нашей картотеке отдельными единицами (0,7%).

Это фразеологизмы, восходящие к сочетанию незнаменательного и знаменательного слова «не + глагол»: *не разбежишься, не заржавеет, не разгонишься* и др.

В основе фразеологизмов обязательность компонента «не» в структуре. Исходным материалом для формы таких фразеологизмов является не синтаксическое образование, а лексические потенции глагола, которые развиваются только с «не». У лексического компонента по существу связанное фразеологическое значение с компонентом «не».

Фразеологизмы такого типа в словарях не выделены. Исследованием фразеологических единиц такой структуры занимается А.В. Свиридова [Свиридова 2001: 97].

Литература

1. Архангельский В.Л. О задачах, объектах и разделах русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. – Тула, 1972. – С. 180-196.
2. Грамматика русского языка. Т. 1, 2 / Ред. коллегия В.В. Виноградов, Е.С. Истрина, С.Г. Бархударов. – М.: Изд. АН СССР, 1952. – 1450 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
4. Свиридова А.В. Ведущая роль коннотативного фактора в формировании фразеологических единиц (на материале фразеологизмов с компонентом НЕ) // Фразеология в аспекте науки, культуры, образования. – Челябинск: ЧГПУ, 2001. – С. 54-57.
5. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – М., 1941. – 96 с.
6. Чепасова А.М. Мир русской фразеологии. – Челябинск: ЧГПУ, 1998. – 216 с.

Внутренняя и внешняя предикативность фразеологических связей

Усачева Н.Б.

Курган

Фразеологические связки, образовавшиеся в результате грамматикализации процессуальных фразеологических единиц, частично сохранили в преобразованном виде структурные, семантические, грамматические и функциональные характеристики, присущие источнику [Об этом подробнее: см. 1]. Все фразеологизмы, согласно типологии, предложенной А.М. Чепасовой, могут быть построены по четырем синтаксическим типам моделей: а/ сочетания слов, б/ словосочетания, в/ простые предложения, г/ сложные предложения (2: 32-38).

Связочные и процессуальные фразеологизмы имеют большое количество сходных формально-структурных свойств. В большинстве случаев

те и другие построены по модели словосочетания, значительно реже – по модели предложения. Предметом исследования данной статьи являются особенности функционирования фразеологических связей, построенных по модели предложения.

В предложенческих структурах мы наблюдаем сочетание генетической, структурно-семантической предикативности (связь координация, зависимость формы бывшего сказуемого от формы бывшего подлежащего) и функциональной, живой предикативности, организующей модальность предложения, в котором употреблена фразеологическая связка. Структурная, внешняя, и функциональная, внутренняя, предикативность различны по своей природе.

Внешняя предикативность заключена в самой структуре фразеологических связей, например, *возникает необходимость, возникла потребность, дернул черт, дернула нелегкая, появилось намерение, не улыбалась мысль, явилось желание, пришла мысль, настала пора, загорелось желание, мучила необходимость, настал час, настала пора, находило желание* и др. Компоненты фразеологизма связаны равноправными отношениями, координируются в числе и роде, эти грамматические категории во внутрифразеологическом употреблении являются неизменяемыми, застывшими. Именной компонент входит в синтаксическую структуру фразеологической связки, построенной по модели предложения, с фиксированными категориями. В абсолютном большинстве случаев наблюдается форма единственного числа:

Старый мастер дед Иван встал и пошел к Барби с линейкой, поскольку **настало время** вырезать педали для музыкального инструмента - точно по ее ноге. *Л. Петрушевская. Маленькая волшебница.* Что за **идея пришла** Баратынскому писать столь негодными стихами, каковы напечатаны в Северной Пчеле из его послания к Богдановичу. *А. Пушкин. Переписка 1827 г.* Ни в детстве, ни в отрочестве, ни потом в более зрелом возрасте я не замечал за собой порока лжи; напротив, я скорее был слишком правдив и откровенен; но в эту первую эпоху юности на меня часто **находило** странное **желание**, без всякой видимой причины, лгать самым отчаянным образом. *Л. Толстой. Юность.*

Значительно реже именной компонент, в дофразеологическом употреблении изменяющийся по числам, имеет форму множественного числа:

Руки горят писать, но вы не думайте, дорогой Иван Ильич, что я восторгаюсь своей работой. *Письмо В.И. Вернадского И.И. Петрункевичу.* Потом **были** и серьезные **попытки** проникнуть в литературу. *Л. Андреев. Автобиография.*

Преобладание формы единственного числа связано с тем, что в свободном употреблении большая часть именных компонентов являются абстрактными существительными *singularia tantum*, не имеющими формы множественного числа: охота, честь, счастье, упорство, необходимость, смелость и т.п.

Случаи морфологического варьирования одной фразеологической единицы, по данным нашей картотеки, редки:

ед. ч. именного компонента	мн.ч. именного компонента
Проникновением это не назовешь, скорее это <u>была</u> первая <u>попытка</u> <u>показать</u> себя. <i>Птюч, 2001.</i>	Потом <u>были</u> и серьезные <u>попытки</u> <u>проникнуть</u> в литературу. <i>Л. Андреев. Автобиография.</i>
Взгляните на его карту, - он, как сеткой, покрыт каналами. Видимо, там <u>есть</u> <u>возможность</u> установить огромной мощности радиостанции. <i>А. Толстой. Аэлита.</i>	У Марины <u>есть</u> <u>все возможности</u> продемонстрировать свое превосходство, и она не собирается вечером играть в благородство. <i>В. Скоков. Невеселая история.</i>

Даже в том случае, когда именной компонент в свободном употреблении может изменяться по числам, во фразеологической связке наличествует только форма единственного числа, при попытке изменения числа именного компонента фразеологическое значение либо разрушается, либо фразеологизм начинает функционировать как номинативный:

Возникло решение - *возникли решения

Явилось желание - *явились желания

Встретилась необходимость - *встретились необходимости

Вспыхивало желание - *вспыхивали желания

Выпала возможность - *выпали возможности

Выпала судьба - *выпали судьбы

Родилось желание - *родились желания и т.п.

Генетическая структура предложения в таких фразеологических связках обуславливает наличие предикативных отношений между компонентами фразеологизма и таких обязательных признаков предложения, как синтаксическое наклонение, время и лицо. Исследуя фразеологические единицы модели простого двусоставного предложения, Г.С. Иваненко пишет: «Предикативные составляющие: объективная модальность, синтаксическое время и синтаксическое лицо – замкнуты в рамках этой модели и не определяют грамматических свойств предложения, включающего фразеологизм» (3: 7). С таким утверждением трудно согласиться, поскольку предикативность – неотъемлемый, сущностный признак любого предложения, в том числе того, в котором употреблен фразеологизм, построенный по модели предложения. Другие способы выражения предикативных категорий в предложении могут отсутствовать:

Закрываю так потому, что много раз **случалось** со мною неудержимое **желание** *поцеловать* ее в головку или в румяную щечку. *Ф. Достоевский. Крокодил.* Жилых зданий на горизонте немного, поэтому, наверное, **возникло** у городских старожил **предложение** восстановить старинную каменскую традицию – палить из пушки по праздникам.

Московский комсомолец. - №1. – 2001. **Возникла необходимость** объяснить читателю ситуацию. *А. Симонов. Галина Сергеевна: «Миф Улановой» и миф Улановой.*

Корректнее, как нам представляется, говорить о внутренней и внешней предикативности, неразрывно, диалектически между собой связанных. Предикативность внешняя – мертвая, она является одним из источников создания модальных сем, в преобразованном виде входит в семантическую структуру фразеологической связки, которая организует и оформляет предикативность внутреннюю, характеризующую ту предикативную единицу, в состав которой входит связка.

Предикативные категории связочного фразеологизма позволяют определить модально-временную отнесенность всего предложения, в котором функционирует фразеологизм. Чаще всего это реальная модальность, отнесенная к плану прошлого, например:

Когда-то у ней **была слабость поверить**, что взгляд ее необыкновенно эффектен; это убеждение осталось в ней неизгладимо. *Ф. Достоевский. Идиот*. И вот проказница призналась, во-первых, что у нее **было намерение приклеить** к платью княжны визитную карточку; потом засадить Фальстафа к ней под кровать; потом сломать ее очки, унести все ее книги и принести вместо них от мамы французских романов; потом достать хлопушек и разбросать по полу; потом спрятать ей в карман колоду карт и т. д. и т. д. *Ф. Достоевский Неточка Незванова*. «Он всегда шутит, графиня, - отвечал ей Сильвио;- однажды дал мне шутя пощечину, шутя прострелил мне вот эту фуражечку, шутя дал сейчас по мне промах; теперь и мне **пришла охота пошутить...**» *А. Пушкин. Выстрел*.

Реже реализуется в речи реальная модальность в настоящем времени, в основном, с вневременным значением:

Взгляните на его карту, - он, как сеткой, покрыт каналами. Видимо, там **есть возможность** установить огромной мощности радиостанции. *А. Толстой. Аэлита*. Естественно, у многих **возникает желание** больше заплатить, чтобы в этой очереди не стоять. *Российская газета, 2000. - №12*. У меня **есть все основания** думать, что я и один справлюсь со своим делом. *И.Ильф. Е. Петров. Двенадцать стульев*. Мы живем во времена, когда только у крайнего скептика **есть шанс** оказаться мудрецом или пророком. *В.Войнович. Монументальная пропаганда*. Иногда **возникает желание бросить** какую-то деятельность, которая кажется недостаточной или велась из ложной мотивации. *М. Дмитрук. Где искать здоровье? // Знание, 1991. - №4*.

Очень низка коммуникативная потребность в формах будущего времени, такие употребления единичны:

- Эта история интересна, но длинна. Надеюсь, в пути **будет время** рассказать ее и послушать самой о великой битве. *И. Ефремов. Таис Афинская*. Если небо будет ясным, нам **предоставится** редкая **возможность** полюбоваться сгорающими в атмосфере метеоритами. *МК 14-21 сентября 2000 г.*

В тех случаях, когда в предложении наличествует предикативная связка, предложение является безличным, субъект действия выражен косвенным падежом существительного или местоимения. Он может отсутствовать в контексте, но легко восстанавливается:

После перерыва свободных мест в зале стало больше, и они сели в последнем ряду, где **появилась возможность** поговорить. *В. Распутин. Встреча.* Почувствовали себя за ужином близкими, говорили без конца, удивились, когда **настал час** расставаться... *И. Тургенев. Темные аллеи.*

Представляют интерес случаи, когда генетическая структура словосочетания превращается в предложенческую посредством присоединения к глагольному компоненту постфикса –ся: *предоставлять возможность – предоставляется возможность, предпринимать попытки – предпринимаются попытки, давать право – дается право, иметь шанс – имеется шанс* и др. В.А. Лебединская, исследуя процессуальные фразеологизмы, предлагает «квалифицировать образованные параллельные формы как фразообразовательные и считать образование пары с глагольным компонентом с –ся моментом создания отдельного нового фразеологизма» [4: 60]

Генетический, существовавший в дофразеологическом употреблении объект становится грамматическим субъектом, структура словосочетания превращается в предложенческую, где в позиции подлежащего находится именной компонент фразеологической единицы. Функциональные отличия таких пар фразеологизмов представлены в таблице:

Глагольный компонент с -СЯ (структура предложения)	Глагольный компонент без –СЯ (структура словосочетания)
История учит, что стабильным является режим, при котором, с одной стороны, людям из низов <u>предоставляется возможность</u> пройти наверх, а с другой – люди из низов тем или иным способом исключаются из процесса принятия решений. <i>Новый мир, 1994. - №6.</i>	По опыту своей прошлой жизни я знал, что ищущему судьба всегда <u>предоставляет возможность</u> остаться. <i>Э. Лимонов. Это я – Эдичка.</i>
Только у некоторых людей <u>имеется возможность</u> получать информацию из подсознания в виде образов. <i>А. Васютин. Экстрасенс.</i>	Сверх того, в эти дни он <u>имеет возможность</u> наесться досыта, ибо носят слухи, что Марья Ивановна, как отличная хозяйка, держит обыкновению и его, и всю семью впроголодь. <i>М. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки.</i>
Приятно было увидеть умное, грубо отесанное лицо старика Морозова с копной тусклых волос и яркими ледяными глазами; и наконец, у меня <u>имелась причина</u>	Галл <u>имел причины</u> бояться этого слишком внимательного спутника. <i>Д. Мережковский. Смерть богов.</i>

внимательно приземистому Базилевскому... на Арлекинов!	присматриваться и мрачному В. Набоков. Смотри на Арлекинов!	
---	--	--

Такая корреляция невозможна в тех случаях, когда глагольный компонент в дофразеологическом функционировании не употреблялся без -СЯ, это глаголы *появиться, загореться, улыбаться* и под.:

У участников популярной шведской группы «Vasium» появился шанс получить гонорар за свои песни. *Московский комсомолец. - №39. - 2000.* Тогда у вас появится возможность зайти в парилку разок – другой и без ребенка. *О. Теплякова, П. Теплякова. Ребенок в бане // Будь здоров, 2001. – №4.* И до того вдруг загорелось в нем самое нетерпеливое и упрямое желание поговорить с нею и разузнать, что с полдороги он круто повернул к дому Морозовой, в котором квартировала Грушенька. *Ф. Достоевский Братья Карамазовы.* Хорошо, хорошо, - фальшиво-ласково говорил Берлиоз и, подмигнув расстроенному поэту, которому вовсе не улыбалась мысль караулить сумасшедшего немца, устремился к тому выходу с патриарших, что находится на углу бронной и ермолаевского переулка. *М. Булгаков. Мастер и Маргарита.*

Таким образом, можно говорить о двух способах формальной организации фразеологических связей, построенных по модели предложения и в самом своем компонентном составе содержащих внешнюю предикативность, на базе которой формируется предикативность внутренняя, оформляющая модальные характеристики предложения.

Литература

1. Усачева Н.Б. Отношения между процессуальными и связочными фразеологизмами. // Фразеологические чтения памяти профессора Валентины Андреевны Лебединской / Отв. ред. Н.Б. Усачева.- Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2004.- С. 211-216
2. Чепасова А.М. Фразеология русского языка / Книга для юношества.- Челябинск, 1993.- 216 с.
3. Иваненко Г.С. Структурно-семантические и функциональные свойства фразеологизмов модели простого двусоставного предложения. Автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Волгоград, 1996. – 25 с.
4. Лебединская В.А. Процессуальные фразеологизмы современного русского языка.- Челябинск, 1987. – 80 с.

Фразеологизм как семантико-когнитивное средство объективации эмоций

Устинова Н.Н.

Краснодар

Язык – семантико-вербальная сокровищница культуры нации, способ ее концептуализации и хранения, вместилище русской духовности,

пространство актуализации национального менталитета, а фразеологизмы (ФЕ) являются особыми языковыми знаками, содержание которых в процессе семиозиса уподобляется микротексту (В.Н. Телия), обладающему эмоциогенностью, образностью и аксиологической значимостью.

В настоящее время ФЕ интерпретируются в основном как специфические экспрессивные и прагматические актуализаторы **языковой личности**, которая является центральным объектом и субъектом языка и главным субъектом создания языковой картины мира. Языковая личность квалифицируется с помощью фразеологических маркеров, которые в широком смысле могут быть названы **антропоквалификативными** ФЕ, или **«фразеоантропонимами»** (термин Л.Ю. Буяновой, 2002 г.). Фразеоантропонимы (понимаемые как ФЕ, характеризующие исключительно личность, как фразеономинация человека) входят в самый актуальный, доминантный для обыденной картины мира концепт «Человек» и формируют его, что в принципе свидетельствует об антропоцентричности языковой модели мира в целом. Фразеоантропонимы как специфическая семантико–когнитивная включают в свой состав ФЕ разных типов и семантико–грамматических разрядов, однако их «ядерный» категориальный центр формируют, прежде всего, субстантивные и адъективные ФЕ, объединенные общим названием **лица** или его качественной характеристикой (либо состоянием): **святая простота, не лыком шит, семи пядей во лбу, не из трусливого десятка, тепличное растение, добрый как ангел, душа на распашку** и т.п. В этой связи актуально положение о том, что именно русские фразеологические единицы обладают высоким эмоционально–экспрессивным потенциалом и выступают важнейшим семантико – когнитивным средством языковой концептуализации эмоций.

Как отмечает Л.Ю. Буянова, «Система лингвистических актуализаторов и экспликаторов феномена эмотивности представлена такими средствами, как эмотивы, экспрессивы, эвфемизмы, дисфемизмы, элементы эзопова языка, эмпатизация речи, эмфаза (просодика), система ласкательных и уничижительно-пренебрежительных аффиксов, аффективы, эллипсис, повторы, конверсия, инверсия, полифункциональные единицы с эмоциональным значением, единицы с эмоциональным компонентом значений, эмоциокоммуникативы и др. Все эмоционально-экспрессивные средства обладают способностью выражения психологического состояния «эго» отправителя речи, внутреннего мира личности» (1999:55).

Важнейшим составным компонентом эмоционального регистра языка в широком смысле можно считать русский фразеологизм. Так, с помощью метафорических ФЕ осуществляется передача аксиологической информации о характере взаимоотношений между людьми. Например, ФЕ **вставлять палки в колеса** с коммуникативным замыслом «намеренно мешать кому-либо в каком-либо деле» (X ведет себя так, как если бы вставлял палки в колеса Y) отражает стереотипную ситуацию, фиксирующую нарушение правил человеческого общежития и морально-этических норм. Образная основа ФЕ стимулирует появление эмосем порицания и осуждения. Во ФЕ

гладить против шерсти, вбивать клин и т.п. – отбор образов предопределяется исходным номинативным замыслом, актуализирующим прагматическую информацию. Иллокутивный эффект данных ФЕ обуславливается внутренней формой, вызывающей эмосемы неодобрения, порицания.

Эти и многие другие примеры функционирования русских фразеологизмов отражают их статус как специфических знаков – репрезентантов эмоций.

Литература

1. Буянова Л.Ю. Языковая личность как текст: жизнь языка и язык жизни // Языковая личность: экспликация, восприятие и воздействие языка и речи. Гл.3. - Краснодар: КубГУ, 1999. - С.47-73.

Устойчивые обороты как средство выражения авторской позиции в очерке К. Бальмонта «Без русла»

Фокина М.А.
Кострома

Авторские обороты, созданные русскими писателями XIX-XX в.в. по продуктивной модели *без + существительное в родительном падеже*, характеризуют какую-либо личностную или социальную ущербность, актуализируют сему 'отсутствие чего-либо'. Сравним: *без божества, без вдохновенья* (Пушкин), *без руля и без ветрил* (Лермонтов), *без гнезда* (Тургенев), *без дороги* (Вересаев), *без русла* (Бальмонт), *без черемухи* (Пантелеймон Романов) и др. Часто писатели выносят такие метафоры в название произведения, что придает им символическое звучание, т.к. они приобретают глубокий концептуальный смысл, имплицитно отражая идею произведения. Так создаются сквозные образы, объединяющие ряд текстов разных авторов в общее межтекстовое культурное пространство.

Название очерка Константина Бальмонта «Без русла» (1923) семантически близко лермонтовскому крылатому выражению *без руля и без ветрил* (разг. экспрес. 'без ясного направления; без определенной цели в жизни'). Поэт, эмигрировавший после революции за границу, размышляет о том, что в новых условиях не нашел применения своим силам, не смог до конца реализовать свой творческий потенциал ни в социалистической России, ни в буржуазной Европе:

«<...> И вот, чем дальше иду я по дорогам чужбины, тем слабее моя связь с моей родиной, и тем чаще я спрашиваю себя с горечью: не лучше ли быть мне в тюрьме – там, чем на свободе здесь? И действительно ли я здесь - на свободе?»

Русла нет. А река *без русла* разве свободна? Она плещется и разливает свои воды, где и не нужно. Даже реке необходимо русло. А *изгнанническая жизнь* даже и не река в разливе: много беднее, гораздо менее в ней красоты и содержания.

К чему же мне прильнуть? Я поэт и человек. *Нет* мне места, как человеку и поэту. Сколько бы литературных достоинств ни было в моем

творчестве, оно не нужно, если я не в близости с той или иной политической группой, а возможности печататься находятся в руках тех или иных политических групп <...>

Мне с политическими партиями *делать нечего*... Я человек и поэт, и потому на ваших праздниках и в сплетениях ваших немногих, но существующих возможностей и удобств – мне *нет места*. Иногда что-то из моих слов и настроений случайно подойдет для того или иного печатного органа.

<...> Говорить только часть – или не говорить вовсе, это для меня означает, равно, пытку и душевное унижение... А когда говоришь лишь часть, невольно искажаешь правду, невольно рисуешь искаженное изображение, невольно и преступно лжешь. Это не всегда, конечно, но так бывает. И *в жизни без русла* бывает слишком-слишком часто» [1, с.255-257].

В приведенном контексте повторяющийся метафорический оборот *без русла* характеризует бесприютную эмигрантскую жизнь отверженного поэта, лишенную истинной творческой свободы, четких ориентиров и перспективы, общественной востребованности таланта. К числу смысловых коррелятов данного ключевого выражения относятся фразеологизмы, усиливающие разобщенность поэта с чуждым окружением: «мне с политическими партиями *делать нечего*» (*делать нечего* кому с кем ‘нет ничего общего с кем-либо’); «*нет мне места*, как человеку и поэту» (*нет места* экспрес. кому ‘кто-либо не должен быть, жить среди кого-либо; о человеке, отвергаемом другими’); «на ваших праздниках и в сплетениях ваших... возможностей и удобств – мне *нет места*».

Автор создает развернутую метафору, используя традиционный символический образ русской литературы XIX-XX в.в. *жизнь-река*. Фразеологическая конфигурация пронизана переплетающимися текстовыми колюрами, смысловыми центрами которых являются ключевые понятия *русло – река – жизнь*, раскрывающие концептуальный смысл названия-символа «*Без русла*»: *русла нет – река без русла – реке необходимо русло* (ср. с узуальным фразеологизмом *войти в русло* ‘прийти в привычное состояние; принять обычное течение’) – *в разливе – в жизни без русла*.

Авторское выражение *изгнанническая жизнь* приобретает глубокое философское обобщение, участвует в создании сквозного мотива, стоит в одном ряду метафорических оборотов, созданных по аналогичной модели, образующих интертекстуальную фразеологическую серию. Сравним: *деревянная жизнь* (Гончаров), *свиная жизнь* (Л.Толстой), *аршинная жизнь* (Засодимский), *бесплатная жизнь* (Ремизов), *воротничковая жизнь* (Тэффи), *трамвайная жизнь* (С.Черный) и др. В финальной части оборот *в жизни без русла* является контаминацией авторских фразеологизмов *изгнанническая жизнь* и *без русла*, смысловое взаимодействие которых усиливает драматизм размышлений писателя, формирует текстовую модальность, передает принципиально непримиримую позицию автора.

Таким образом, фразеологизмы в очерке К.Бальмонта «Без русла», являясь смысловыми доминантами текста, способствуют развертыванию

содержательно-концептуальной информации, выражают авторскую точку зрения путем создания текстовых семантических связей и фразеологических повторов. Символические обороты писателя становятся названиями индивидуально-авторских концептов, которые соотносятся с базовыми метафорами русской культуры, отражают традиционные черты и новаторство творчества поэта, характеризуют специфику его языковой личности.

Литература

1. Бальмонт К.Д. Стозвучные песни: Сочинения (избранные стихи и проза) – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1990.
2. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2т. / Сост. А.И.Федоров. – М.: Цитадель, 1997.

Особенности речевой реализации клишированных синтаксических идиом

Хохлина М.Л.

Астрахань

Для обозначения фиксированных языковых реакций на стандартные ситуации социального общения в лингвистической науке используются такие термины, как «устойчивая формула», «языковой стереотип», «языковое клише», «прагматическое клише» и т.п. Само понятие *клишированности* тесно связано с устойчивостью, регулярной повторяемостью, воспроизводимостью и, безусловно, имеет место на уровне синтаксической идиоматики.

Если принимать во внимание, что степень клишированности языковой единицы определяется нивелированием лексического значения ее составляющих и предсказуемостью, стереотипностью употребления в стандартных ситуациях, то, без сомнения, среди многообразия единиц, относимых к области синтаксической идиоматики, клишированными являются прежде всего формулы речевого этикета.

Суть клишированных синтаксических идиом заключается в той прагматической функции, которую они играют в ситуации общения. Употребление этикетных формул связано с проявлением уровня вежливости говорящего. Языковая вежливость понимается как выражение уважения по отношению к собеседнику и как средство для презентации самого говорящего как хорошо воспитанного, вежливого члена данного общества. «Категория вежливости определяется национальной культурой, характером ситуации (приватная, социальная, профессиональная, официальная) и социальными параметрами (статуса и дистанцией между партнерами по общению)» [Райт-мар 1997:19].

Так, в ситуации расставания немаловажную роль играют формулы прощания (модель До + имя сущ. в Р.п.): *До завтра, До встречи, До пятницы* и т.п. Наоборот, ни одна встреча (случайная, долгожданная, запланированная) не может обойтись без разного рода осведомлений (модель Как + имя сущ. или местоим. в И.п.): *Как ты? Как дела? Как мама?* и т.п. В

ситуации дружеского застолья уместными станут тосты-пожелания (модель За + имя сущ. или местоим. в Р.п.): *За вас! За детей! За друзей!* и т.п.

Для выражения определенных эмоций, независимо от того, что послужило источником их проявления, в арсенале каждого носителя русского языка имеется ряд речевых штампов. В идиомах, о которых пойдет речь далее, особая структура (синтаксически нечленимая) сочетается со своеобразным использованием лексико-грамматических средств и восклицательной интонацией (*Еще чего! Как же! Вот оно что!* и т.п.). В концепции П.А. Леканта (1986) такие единицы получили название полных фразеологизмов, законченных предложений-фразеологизмов, которые входят в разряд нечленимых, а в отдельных случаях (например, *Вот тебе на!*) примыкают к междометным. На наш взгляд, они представляют собой отдельную группу клишированных синтаксических идиом.

Данные единицы сформировались надындивидуальным сознанием предшествующих поколений, выработались в процессе общественной речевой практики. В значениях подобных конструкций как бы в обобщенной форме отображаются *типовые коммуникативно-прагматические ситуации*, с которыми люди имеют дело в своей практической жизни и деятельности.

Учитывая сложность и многосторонность процесса межличностного общения, можно, тем не менее, описать определенные типы вербальных отношений, в которые вступают говорящие. Предложим абстрактные схемы нескольких ситуаций и проследим за выбором говорящим идиомы в соответствии со своими коммуникативными потребностями. Так, при невозможности дать скорый и однозначный ответ на поставленный вопрос в качестве речевой единицы, с одной стороны, поддерживающей вербальный контакт, а с другой, выступающей в роли «заполнителя», дающего время на размышление, коммуниканты нередко используют синтаксическую идиому Как тебе (вам) сказать... Например: «– А чего?.. Заболел, што ли? – Как тебе сказать...» (М.В. Шукшин. Беседы при ясной луне); «Съездил не зря, потому что понял цель жизни. Основную. Какая цель та? Как тебе сказать... Не каждый, пожалуй, поймет» (В. Белов. Бухтины вологодские).

Согласие, данное не сразу, а после длительных размышлений или уговоров, передается при помощи идиомы Так уж и быть. Например: «– Ну, так как же, Николай Еремеич? – начал опять купец. – Надо дельце-то покончить... Так уж и быть, Николай Еремеич, так уж и быть, – продолжал он, – две сереньких и беленькую вашей милости, а там шесть с полтиной» (И.С. Тургенев. Контора); «– Об одном только прошу я вас, – прибавил он [Лаврецкий], – думайте обо мне, что хотите, называйте меня даже эгоистом – так и быть! но не называйте меня светским человеком; эта кличка мне нестерпима» (И.С. Тургенев. Дворянское гнездо).

Можно выделить целый ряд клишированных идиом, *антонимичных* названной и употребляющихся, соответственно, в ситуации, когда необходимо вступить в противоречие, оспорить высказанное мнение, прекословить. Таковыми являются следующие: *Как бы не так! Ничего себе! Еще чего! Что же!* и др. Несмотря на общность выражаемого

перечисленными синтаксическими идиомами ФЗ несогласия, в их смысловой структуре несложно отметить некоторые различия. Ср.: «– Они вот детей могут изувечить, ваши быки! – сказала Аполлиария Николаевна. – Еще чего! – о б и д е л с я старик. – А я-то где? Детей я уберегу» (А.П. Платонов. Еще мама) и «– Но майор сказал, что у вас сейчас нет срочной работы. – У нас нет срочной работы? – едва ли не г н е в н о воскликнул он. – Ничего себе! У нас нет срочной работы» (А.И. Солженицын. В круге первом). В представленном контексте смысловая структура идиомы Еще чего! обогащается семой *обида*, в то время как идиома Ничего себе! несет иную смысловую нагрузку – передает *возмущение, гнев*.

Особо следует сказать о функционировании синтаксической идиомы *Как же!*, которая может служить как для подтверждения мысли собеседника в ходе коммуникации, так и для ее опровержения. Ср.: «– На Сухом броне слезаете? – захлебываясь, переспрашивал он [Вася]. – Ну как же! Наш разезд! Наша станция!» (Б. Пастернак. Доктор Живаго) и «– Может, помилуют? – сказал первый солдат, которому стало жалко Янсона. – Как же! Таких миловать...» (Л.Н. Андреев. Рассказ о семи повешенных).

В коммуникативно-прагматической ситуации, требующей от одного из коммуникативных партнеров выражения удивления от случайно сделанного, неожиданно увиденного или услышанного, могут быть использованы такие клишированные идиомы, как *Вот тебе (те) раз!* *Вот так да!* *Вон как!* *Вот тебе на!* *Вот оно что!* *(Ну) надо же!* и др. Примеры: «И в самом деле, сзади кто-то засмеялся. Оглянулся: ни баитану, ни чумаков, ничего; назади, впереди, по сторонам – гладкое поле. – Э! ссс...Вот тебе на!» (Н.В. Гоголь. Иван Федорович Шпонька и его тетушка); «– Ну, а на юг, например? В санаторий... – В санаториях – нездорово. – Вот те раз! – Вы бывали? – Бывал, мне нравится» (М.В. Шукшин. Приезжий); «Петька Сибирцев сел на скамеечку, потрогал голову. – Ну надо же! – все изумлялась Марья. – А если б я стрельнула?» (М.В. Шукшин. Беседы при ясной луне).

Зачастую подобные синтаксические идиомы с точки зрения прагматического воздействия выступают в качестве фальшивой оценки (термин М.В. Никитина), т.е. притворного выражения фальшивых положительных оценок, маскирующих истинную цель [1997:643]. Например: «– У меня есть хороший сценарий, нужна твоя голова. – Вот так да, Джон! – воскликнул Крымов с п р е у в е л и ч е н н ы м и з у м л е н и е м» (Ю.В. Бондарев. Игра) и «– Я хотела бы... сыграть Наташу Ростову, – тихо проговорила она [Маша]. – Современную Наташу... – Вот как! – н е и с к р е н н е в о с х и т и л с я Журавлев. – Похвально, похвально!» (Ю.В. Бондарев. «С точки зрения тысячелетий...») В данном случае мы имеем дело с определенным рода двойной имплицитностью, на первом уровне которой у выделенных фразеологических единиц скрыто фразеологическое значение удивления (восхищения, изумления) (но и оно оказывается фальшивым), на втором уровне содержится подлинная субъективная оценка, выявляющая иронию адресанта.

Под определение клишированных синтаксических идиом подходят выделенные в Русской грамматике-80 лексически неизменяемые фразеологизмы. К ним относятся следующие единицы: *Что такое?* – непосредственная реакция на что-л., *Что так?* – недоуменный вопрос о причине, *Как (же это) так?* – реакция на что-л. как на неожиданное удивление. Последнее из перечисленных значений имеет, на наш взгляд, также идиома *Что вы говорите?* Например: «– *И вот, одной из частей этой многотысячной народной армии командует товарищ Лесных, Ливка, Ливерий Аверкиевич, сын Аверкия Ивановича Микулицына. – Что вы говорите?* – *То, что слышите*» (Б. Пастернак. Доктор Живаго). К этой же группе можно отнести синтаксическую идиому *Кто вас (тебя) знает*, передающую сомнение в истинности предмета речи со стороны одного из коммуникативных партнеров. Например: «– *Никогда не сворачиваю с полдороги, никогда не бросаю начатого. Если вы ко мне, пойдете. – А то к кому же? – Кто вас знает*» (там же).

Все названные речевые единицы объединяет то, что в процессе межличностного взаимодействия они выступают как реакции на какой-либо вербальный/невербальный стимул, иными словами, являются *реактивными диалогическими репликами*.

Мы считаем, что применительно к синтаксическим идиомам понятие клишированности имеет относительный характер. Можно говорить о семантической и синтаксической клишированности рассматриваемых речевых единиц (закрепленное ФЗ, устойчивое построение), но их смысловая структура лишена какой-либо стандартности и типичности в силу своей субъективной основы, связанной с индивидуальным сознанием говорящего.

Литература

1. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. - М.: Высшая школа, 1986. - 175 с.
2. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. – СПб.: Научный центр проблем диалога, 1997. - 760 с.
3. Райтмар Р. Функциональный и культурно-сопоставительный аспекты прагматических клише// Вопросы языкознания. 1997. №1. - С. 15-21.
4. Русская грамматика. II том. (под ред. Н.Ю. Шведовой и др.). - М.: Наука, 1980. - 709 с.

Динамичность фразеологических единиц как одно из условий возникновения проблемы границ и объема фразеологизмов

Чепуренко А.А.

Челябинск

Проблема границ и объема фразеологизмов – одна из фундаментальных проблем современной фразеологии. От ее решения зависит, в свою очередь, решение целого ряда вопросов семантического и грамматического характера, таких, как тип семантики и индивидуальное значение фразеологизма, а также особенности его морфологических и синтаксических свойств. Особенно остро эта проблема стоит во

фразеографии, в практике составления различных фразеологических справочников. Так, А.М. Бабкин, представляя свой проект фразеологического словаря, писал: «Весьма важно при толковании значения фразеологической единицы выявить истинный лексический состав ее, не перегружая определение толкованием тех слов, которые в состав самого фразеологизма не входят, хотя и принадлежат к его ближайшему лексическому окружению» (1, с.39-40).

Расширение объема фразеологизма происходит, как правило, за счет тех слов ближайшего лексического окружения, которые наиболее часто употребляются с фразеологизмом в речи. Условием определения истинного компонентного состава фразеологической единицы в этом случае является изучение ее сочетаемости на большом фактическом материале. Сложнее выявить границы фразеологизма с узкой или единичной сочетаемостью. В этом случае определить, является ли слово компонентом фразеологической единицы или принадлежит к ее окружению, помогает анализ семантики фразеологизма. При этом, на наш взгляд, нужно иметь в виду, что «обязательным, постоянным компонентом является тот, который образует значение данной единицы, без которого единица разрушается...» (9, с.45).

Например, в словаре В.П. Фелицыной и В.М. Мокиенко рассматривается фразеологизм *денег куры не клюют* (у кого) со значением 'очень много денег у кого-либо' (7, с.78). Сама формула толкования свидетельствует о том, что лексема *денег* не входит в состав фразеологической единицы *куры не клюют*, так как никоим образом не участвует в образовании целостного фразеологического значения 'очень много'. Однако если сопоставить толкования значения этого фразеологизма в словарях различного времени составления, можно обнаружить изменения, которые претерпевает фразеологическая единица *куры не клюют* в своем развитии. Так, в словаре М.И. Михельсона, который составлялся на рубеже XIX-XX веков, единица *куры не клюют* определяется как 'очень много ч е г о - н и б у д ь (разрядка наша. – А.Ч.)' (5, т.1, с.494), а не только *денег*. Во фразеологическом словаре под редакцией А.И. Молоткова 1967 года издания словоформа *денег* рассматривается в качестве обязательного словесного окружения фразеологизма *куры не клюют* - 'очень много, в избытке' (8, с.218). Наконец, в словаре В.П. Фелицыной и В.М. Мокиенко, вышедшем в 1990 году, фразеологическая единица *денег куры не клюют* (у кого), наряду с приведенным выше толкованием, имеет следующий комментарий: «говорится о богатом человеке, который никогда не испытывает недостатка в деньгах» (7, с.78). По нашим наблюдениям, действительно, в некоторых условиях употребления анализируемый фразеологизм в сочетании со словом *денег* может актуализировать сему признака 'богат (-а, -ы)'. Можно предположить, что в результате динамического развития словоформа *денег* закрепится в составе фразеологической единицы и на базе количественного фразеологизма образует новый, призначный, фразеологизм. Однако говорить об этом пока еще рано, так как фразеологизму как языковой единице в большой степени

свойственна устойчивость, а накопление динамических изменений представляет собой очень длительный процесс.

Приведенный выше факт свидетельствует о том, что проблема границ и объема фразеологизма тесно связана с проблемой фразообразования. В русской фразеологии встречаются единицы, которые имеют тенденцию к экспликации (развертыванию, расширению) своего состава за счет слов ближайшего лексического окружения или к имплицации (свертыванию, уменьшению) своего объема, в результате чего может образоваться новая единица с новым фразеологическим значением. Приведем некоторые примеры.

Во фразеологических словарях В.П. Жукова (2, с.13), Н.М. Шанского (10, с.20), в словаре фразеологических синонимов (3, с.34) и в 17-томном словаре русского языка (6, т.1, стлб.466) приводится фразеологическая единица **биться как рыба об лед** со значением 'бедствовать; бесплодно, безрезультатно добиваться улучшения'. С другой стороны, в кандидатской диссертации Л.Д. Игнатъевой убедительно доказывается, что глагол *биться* не входит в состав фразеологизма **как рыба об лед** со значением 'интенсивно, очень' (4, с.83-84), а имеет отдельное значение 'стараться, трудиться, прилагать усилия' (6, т.1, стлб.467). Затруднения в определении границ этого фразеологизма вызваны, по нашему мнению, тенденцией названной единицы к динамическому развитию. В определенных условиях употребления глагол действительно не входит в состав фразеологической единицы **как рыба об лед**, которая наряду с семой интенсивности обнаруживает сему безрезультатности действия, обозначенного глаголом *биться*:

Верь мне, что я теперь не на розах. Бьюсь (то есть 'стараюсь, прилагаю усилия') как рыба об лед ('интенсивно, но безрезультатно'), с чужими хлопотами и свои забываю (К.Н.Батюшков, Письмо Н.И.Гнедичу, 28 октября 1816).

В других же условиях употребления анализируемая единица обнаруживает настолько тесную семантическую связь с глаголом *биться*, что в результате образуется эксплицированный фразеологизм со значением процесса:

- *Терпел и сносил многое, узнал нищету, бился как рыба об лед* ('бедствовал') (И.С.Тургенев, Дворянское гнездо).

В русской фразеологии наблюдается также (хотя и гораздо реже) процесс имплицации фразеологизмов, который может привести к образованию новой фразеологической единицы и послужить причиной затруднения при выявлении границ фразеологизма. Например, фразеологическая единица **читать/прочитать между строк** (что) с процессуальным значением 'угадывать/угадать (что-либо), догадываться/догадаться (о чем-либо)', утрачивая связь с глаголом *читать/прочитать* и употребляясь с другими процессуальными единицами (глаголами и фразеологизмами), обнаруживает тенденцию к превращению во фразеологизм со значением обстоятельства действия:

Раиса Павловна держала себя, как все женщины высшей школы, торжествуя свою победу между строк ('тайно, скрытно') и заставляя улыбаться побежденных (Д.Н.Мамин-Сибиряк, Горное гнездо).

Однако, согласно нашему материалу, возможны случаи, когда анализируемая единица сохраняет процессуальность, включая в свой состав не только глагол *читать/прочитать*, но и некоторые другие. Например:

Тот же зловещий и неопределенный отзыв Поля неоднократно находила между строк ('угадывала') в рецензиях на отцовские книги... (Л. Леонов, Русский лес).

Подобные авторские варианты фразеологических единиц также затрудняют процесс выявления истинного состава фразеологизмов.

Динамичность фразеологических единиц является, таким образом, одним из условий возникновения проблемы границ и объема фразеологизма. Однако необходимо подчеркнуть, что названная проблема как следствие динамичности фразеологизмов касается не массового материала (так как одним из основных свойств фразеологизма все же остается устойчивость компонентного состава), а лишь некоторых фразообразовательных групп фразеологических единиц.

Литература

1. Бабкин А.М. Лексикографическая разработка русской фразеологии. – М.-Л.: Наука, 1964. – 76 с.
2. Жуков В.П. Школьный фразеологический словарь русского языка: Пособие для учащихся. – М.: Просвещение, 1980. – 447 с.
3. Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляр В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка. – М.: Рус. яз., 1987. – 448 с.
4. Игнатьева Л.Д. Структурные и семантические свойства фразеологических единиц с фразообразующим компонентом «как» в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 1975. – 214 с.
5. Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. – М.: Терра, 1994.
6. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М.-Л., 1950-1965.
7. Фелицына В.П., Мокиенко В.М. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь. – М.: Рус. яз., 1990. – 220 с.
8. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Сов. энциклопедия, 1967. – 543 с.
9. Челябинская фразеологическая школа: Научно-исторический очерк. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2002. – 304 с.
10. Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Школьный фразеологический словарь русского языка: Значение и происхождение словосочетаний. – М.: Дрофа; Рус. яз., 1997. – 368 с.

**«Семейное положение» как аспект концепта «Женщина»
(на материале фразеологизмов английского и русского языков)**

Чибышева О.А.

Омск

В современной лингвистике активно разрабатывается проблема постижения культуры, особенностей национального миропонимания путем анализа языка [2; 7; 10; 13]. Основной единицей ментальности, «сгустком культуры в сознании человека» [9] считается концепт [3; 4; 5; 6]. Несмотря на разные подходы к его интерпретации, большинство исследователей признает возможность хотя бы частичной объективации концепта с помощью языковых средств, в том числе и фразеологизмов.

В данной работе речь пойдет о концепте «женщина», который присутствует в сознании носителей любого языка и имеет универсальный характер. Вместе с тем, каждая лингвокультурная общность вносит свои специфические черты в интерпретацию окружающей действительности, что не может не отразиться на содержании концепта, являющегося «основной формой категоризации и главным средством концептуализации» действительности [11, 16].

Рассмотрим один из аспектов концепта «женщина» - **«Семейное положение»**. Материалом для исследования послужили 15 английских и 11 русских предметных фразеологизмов, называющих женщину.

В основе выделения этого аспекта лежат понятия замужней и незамужней женщины. Рассматриваемый аспект концепта «женщина» состоит из нескольких сегментов:

1. **Невеста:** Miss Right разг. будущая жена, суженая, избранница; the not impossible she возможная, будущая избранница; живой товар (во втором значении) Устар. В обряде сватовства: невеста; суженая-ряженая, нар.-поэт. невеста.

2. **Жена:** old girl разг. ласк. (в первом значении) „старуха“, „старушка“ (независимо от возраста; часто о матери или жене); милая моя, дорогая (в обращении); the old lady (в первом значении) жена, супруга (тж. one's good lady); one's old Dutch (или woman) разг. жена, „старуха“; a golf widow женщина, муж которой чрезмерно увлекается гольфом; a grass widow соломенная вдова; bachelor's wife редк. жена, существующая лишь в воображении, „мечта холостяка“; a left-handed wife морганатическая супруга; the better half «лучшая половина», жена; the lady of the house уст. владелица или жена владельца дома; the little woman разг. оскорбительное обращение к чьей-либо жене; дражайшая половина устар. шутл. супруга, жена; лучшая половина жена; подруга жизни высок. жена, супруга; спутница жизни жена; бесплодная смоковница (в первом значении) книж. ирон. бездетная женщина; соломенная вдова женщина, не живущая с мужем.

3. **Вдова:** a golf widow женщина, муж которой чрезмерно увлекается гольфом; a grass widow соломенная вдова; соломенная вдова женщина, не живущая с мужем.

4. **Незамужняя женщина:** an unappropriated blessing *шутл.* „невостречованное сокровище“, *незамужняя женщина, старая дева; a bachelor girl* одинокая девушка, *живущая самостоятельно, „холостячка“; an old maid* разг. *незамужняя женщина, которая вряд ли когда-нибудь выйдет замуж (особенно о женщине средних лет, которая беспокоится и раздражается по пустякам); христова невеста* устар. (во втором значении) *немолодая женщина, не бывшая замужем; вековечная невеста* уст. *немолодая женщина, не бывшая замужем; старая дева (девка) немолодая женщина, не вышедшая замуж.*

По мнению В.И.Карасика, «важнейшим объективным показателем актуальности той или иной сферы действительности для конкретного сообщества является понятие номинативной плотности, т.е. детализация обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого» [4,132]. Наибольшей номинативной плотностью отличается концептуальный сегмент «**жена**» (10 английских и 6 русских ФЕ). Следующим по количеству объективирующих его фразеологизмов является сегмент «**незамужняя женщина**» (3 английских и 3 русских ФЕ). Значительно меньшей номинативной плотностью характеризуются концептуальные сегменты «**невеста**» (2 английских и 2 русских ФЕ) и «**вдова**» (2 английских и 1 русская ФЕ).

Различия в количестве фразеологизмов, объективирующих сегменты концептуального аспекта «семейное положение» позволяют говорить о важности понятий жены и одинокой, незамужней женщины для носителей обоих языков. Именно эти сегменты являются центральными в определении рассматриваемого аспекта. Как *подругой жизни*, так и *старой девой* становятся на достаточно продолжительное время, что позволяет окружающим приобрести богатый опыт общения с такими женщинами, который затем находит свое отражение в языке.

По-иному обстоит дело с невестами и вдовами. Невестой девушка может быть лишь в течение небольшого отрезка времени: с момента сватовства до бракосочетания, либо с момента достижения брачного возраста до того времени, когда она становится *старой девой* (если она так и не вышла замуж). Возраст, по достижении которого девушка считается *вековечной невестой*, обусловлен культурно-историческими факторами. В настоящее время замужество в зрелом возрасте – нередкое явление, особенно в европейских странах, где женщины предпочитают вначале сделать карьеру, и лишь потом создать семью.

Концептуальный сегмент «**вдова**» отличается наименьшей номинативной плотностью. ФЕ *a golf widow, a grass widow, соломенная вдова* расположены, вероятно, на периферии этого сегмента, поскольку называют не вдов в прямом смысле слова. Вдова – это женщина, муж которой умер, и которая больше не выходила замуж. Слово, становясь компонентом ФЕ, претерпевает определенные семантические преобразования [8;12]. Так, лексемы *вдова* и *widow* актуализировали семы «одиночество», «отсутствие

мужа». Семы «смерть мужа», «безбрачие после смерти мужа» были утрачены. В связи с этим, рассматриваемые фразеологизмы занимают промежуточное положение между концептуальными сегментами «жена» и «вдова», репрезентируют их периферийную область. Предметные фразеологизмы, называющие женщину и объективирующие центральную часть концептуального сегмента «вдова» в нашей картотеке обнаружены не были, что позволяет говорить о его лакунарности в обоих языках. Возможно, данный сегмент репрезентирован ФЕ других категорий или единицами других уровней языка.

Рассмотрим подробнее концептуальный сегмент «жена», наиболее детально представленный фразеологизмами изучаемой нами группы.

Называя жену, супругу, фразеологизмы объективируют различные концептуальные признаки, которые по-разному характеризуют женщину с точки зрения носителей английской и русской лингвокультур.

Особенностью внутренней формы ряда английских ФЕ, обозначающих жену, является ассоциация ее со старой женщиной (*old girl, the old lady, one's old Dutch (или woman)*). При этом данные фразеологизмы могут употребляться по отношению к женщинам разного возраста. Компонент *old* в таком случае актуализирует семы «опыт», «надежность». Тем не менее, отрицательная коннотация, имплицуемая лексемой *old*, может придавать всей ФЕ негативный, обидный для женщины оттенок. Для русских ФЕ, репрезентирующих сегмент «жена», концептуальный признак «старость» не характерен.

Следующей особенностью восприятия носителями английского языка женщины и жены в частности является ассоциация «женщина – представительница высшего сословия». Об этом свидетельствуют компоненты *lady* и *Dutch* (от *duchess* – герцогиня [1]) во фразеологизмах *the old lady, one's old Dutch, the lady of the house*. Артемова А.В. также отмечает ориентированность английских ФЕ на высшее сословие [1, 124], чего не наблюдается на материале русских предметных ФЕ, репрезентирующих рассматриваемый концептуальный сегмент.

Исследуемые английские фразеологизмы с помощью денотативных сем в своем значении репрезентируют такие концептуальные признаки как «воображаемая жена холостяка» (*bachelor's wife* – у этой ФЕ нет реально существующего референта, это порождение фантазии холостого мужчины), «морганатическая супруга» (*a left-handed wife* – женщина нецарского, некоролевского происхождения, вступившая в брак с членом царской, королевской и т.п. семьи и не имеющая прав престолонаследования или других привилегий [НСЛЯ]). Подобные браки заключались и в среде аристократов. Жених, «вступая в морганатический брак, подавал невесте левую руку вместо правой» [АРФС,490], что и отражено во внутренней форме ФЕ). В жизненном опыте носителей русского языка наверняка присутствуют описанные данными ФЕ факты действительности, однако они не были зафиксированы предметными фразеологизмами, называющими женщину.

Что касается русских фразеологизмов, объективирующих концептуальный сегмент «жена», в них представлен взгляд на супругу как на *подругу жизни, спутницу жизни*. Здесь подчеркивается надежность, верность жены, способность понять, поддержать мужа. Компонент *жизнь* в составе ФЕ *подруга жизни, спутница жизни* подчеркивает долговременный характер супружеских уз, способность жены сохранять все перечисленные выше качества на протяжении всей жизни.

В русском традиционном восприятии супружеской пары муж и жена трактуются как части единого целого: «Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть» [Мар. 10,7-8]. Эта культурная установка отражена в ФЕ *дражайшая половина, лучшая половина*. Последняя является эквивалентом английской ФЕ *the better half*. Данные фразеологизмы, скорее всего, выражают мужскую точку зрения на жен. Коннотативные семы иронии, шутливости, присутствующие в семантической структуре рассматриваемых фразеологизмов, свидетельствуют о том, что жена далеко не всегда «дражайшая» и «лучшая» половина супружеской пары.

ФЕ *бесплодная смоковница* фиксирует сложившееся в обществе представление об обязательности для женщины иметь детей. Поскольку рождение детей вне брака строго осуждалось членами социума, референтами данной ФЕ могли быть только законные жены. Этот фразеологизм содержит отрицательные коннотативные семы иронии, осуждения, поскольку в традиционной русской культуре отсутствие детей считалось карой Божьей за содеянные грехи. Данный фразеологизм расположен на периферии концептуальных сегментов «жена» и «мать». Концептуальный признак «бесплодие», объективированный ФЕ *бесплодная смоковница*, рассматриваемыми предметными фразеологизмами английского языка не представлен.

Итак, подводя итог вышесказанному, можно отметить, что предметные фразеологизмы английского и русского языков, называющие женщину, репрезентируют практически все сегменты концептуального аспекта «*семейное положение женщины*». Различная степень разработанности этих сегментов обусловлена их значимостью в жизни общества.

Концептуальный сегмент «жена» отличается наибольшей номинативной плотностью, что особенно ярко прослеживается на материале английского языка. Фразеологизмы обоих языков объективируют как схожие концептуальные признаки (напр., «лучшая половина»), так и специфические (напр., «воображаемая жена холостяка»). Необходимо отметить, что для носителей английского языка при номинации жены важны ее внешние характеристики: внешний облик (ассоциация «жена – старая женщина»), социальный статус («жена – представительница высшего сословия»), различные типы «спутниц жизни» (напр., морганатическая супруга, воображаемая жена холостяка). Русские ФЕ ориентированы, в основном, на качественные, внутренние характеристики жены (преданность, верность, поддержка в течение всей жизни). Негативная коннотация, свойственная

многим из рассмотренных ФЕ, позволяет говорить об амбивалентности образа жены в представлении носителей обоих языков.

Литература

1. Longman Dictionary of English Idioms. – Bath: Pitman Press, 1980.
2. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. ©Macmillan Publishers Limited, 2002. Software © Textware A/S. Copenhagen, 2002.
3. Артемова А.В. Эмотивно-оценочная объективация концепта «женщина» в семантике фразеологических единиц (на материале английской и русской фразеологии): Дис. ...к. ф. н. – Пятигорск, 2000.
4. АРФС – Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – М.: «Русский язык», 1984.
5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. - М.: Русские словари, 1997.
6. Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия АН. Серия литературы и языка, 2001 – №6 - С. 47-58.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.
8. Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб.: ЮНА, 2002.
9. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. Антология. М.: Изд-во «Academia», 1997 - С. 280-287.
10. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. - М.: «Академия», 2001.
11. НСЛЯ – Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. - [URL://http://slovari.gramota.ru/portal_sl.html#efr](http://slovari.gramota.ru/portal_sl.html#efr).
12. Ратушная Е.Р. Семантическая структура фразеологизмов в процессе ее формирования и функционирования. – Курган, 2000.
13. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2001.
14. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М.: «Языки русской культуры», 1996.
15. Токарев Г.В. К вопросу о содержании термина “концепт” в лингвокультурологии // Фразеологическая картина мира. – Тула, 2002. – Ч.1.
16. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М., 2001.
17. Чепасова А.М. Семантические и грамматические свойства именных фразеологизмов: Дис. ...д-ра филол. наук. – Челябинск, 1984.
18. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002.

Фразеология или синтаксис?

Чумак Л.Н.

Минск

Процессы фразеологизации лексических сочетаний обусловлены тем фактором, что они отражают национальное своеобразие соединения понятий.

Традиционно они являются предметом изучения лексикологии и фразеологии.

Сопоставительный подход во фразеологии, по мнению В.М. Мокиенко, во многом зависит от определения статуса фразеологических единиц: "широкая трактовка превращает этот аспект фразеологии в сопоставительный синтаксис" [Мокиенко В.М. Методы сопоставительного исследования русской и немецкой фразеологии // VIII Конгресс МАПРЯЛ. Русский язык и литература в современном диалоге культур: Тез. докл – Регенсбург, Германия, 1994, с.34]. Ограничивая рамки фразеологии, автор примыкает к сторонникам узкого (идиоматического) понимания фразеологической единицы, что характеризует современную тенденцию во фразеологии. Если сторонники широкого понимания границ фразеологии (В.В. Виноградов, Н.М. Шанский, В.Л. Архангельский, Р.Н. Попов, М.М. Копыленко, В.П. Жуков, Ю.А. Гвоздарев) включают в ее корпус, наряду с собственно фразеологическими единицами, и пословично-поговорочный материал, крылатые слова и афоризмы, фольклорные выражения, речевые штампы, составные термины и профессионализмы, жаргонные и арготические клише, то сторонники фразеологии в узком смысле (Л.А. Булаховский, А.А. Реформатский, А.И. Молотков, А.А. Смирницкий, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия и др.) относят к ней лишь идиомы, т.е. устойчивые по форме, воспроизводимые, экспрессивные сочетания слов, обладающие целостным переносным значением. Следовательно, граница между фразеологией и синтаксисом выражена нечетко.

Защита культурного фона языковой единицы в процессе развития литературного языка, его кодификации, осуществляется через процессы фразеологизации. Под фразеологизацией мы понимаем не только потерю исходных грамматических и семантических отношений между компонентами, сочетания / выражения, но и жесткое закрепление формы, модели, состава или новой семантики.

Взгляд на идиоматику как на закодированный длительным употреблением текст, восходящий к известной работе А.А. Потебни (Из лекций по теории словесности: Басня. Пословица. Поговорка. Харьков, 1884), имеет давнюю паремиологическую традицию и не утрачивает своей актуальности и сейчас. Современные фразеологи разрабатывают проблему взаимосвязи текста и устойчивого словосочетания в ракурсе оппозиции диахрония — синхрония. Если с диахронической точки зрения текст может рассматриваться как источник последующей "конденсации" во фразеологическую единицу, то с точки зрения синхронии — это "вопрос о границах фразеологии" [Мокиенко В.М., с.169].

По нашему мнению, полуфразеологизированные словосочетания и фразеологические выражения, или языковые афоризмы: пословицы, поговорки, крылатые слова, призывы, девизы, лозунги и другие крылатые фразы, общественно-научные формулировки и под. - вовлекаются в сферу исследования сопоставительно-культурологического синтаксиса. Аргументируем это положение на примере ключевых выражений эпохи.

Ключевые выражения эпохи, как и ключевые слова текущего момента (Т.В.Шмелева), выдвигаются в центр общественного сознания, поскольку наиболее точно отражают социально-типичные связи и отношения между предметами и явлениями определенного периода, своеобразие его национально-культурной идеологии. Их характерными признаками являются частотность употребления, с точки зрения фразеологии – семантическая емкость, постоянство лексического состава, устойчивость, воспроизводимость. По своей структуре, по характеру связей слов, составляющих данные выражения, по их общему значению, по коммуникативной функции они выступают как свободные словосочетания – фрагменты высказывания – или как самостоятельные высказывания – актуализированные предложения. С точки зрения синтаксиса – это фиксация конкретных событий, фактов, определенных отношений и связей между участниками социальных событий.

В разграничении номинативной семантики фразеологизмов от номинативной семантики свободных словосочетаний и языковых афоризмов обратимся к заключительному определению, предложенному Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым в книге “Язык и культура” [1990, с.65]: “...если первые называют отдельные предметы или явления, то вторые – отношения между предметами или явлениями, т.е. комплексные ситуации, так что афоризмы обычно являются эквивалентами целых рассказов”. Следовательно, семантика фразеологизмов, в отличие от анализируемых единиц, идиоматична.

Фразеологизация в языке представляет не только исторические, но и живые коммуникативные процессы, и поэтому особо актуальна и интересна связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа: *На каждом витке истории наш лексикон пополняется новыми словами и понятиями. В сталинские времена получили распространение “враги народа” и “шпионы империализма”, в годы хрущевской “оттепели – “культ личности” и “посмертная реабилитация”. Горбачевская эпоха подарила “перестройку” и “гласность”, а создатели СНГ – малопонятный народу “суверенитет” и “парад суверенитетов” (газ.).*

Иллюстративный материал был подобран из русско- и белорусскоязычных газетно-публицистических текстов современного периода, где ключевые выражения уходящей тоталитарной эпохи употребляются в новом социокультурном контексте с новыми, зачастую противоположными оттенками значения, с негативной коннотацией, с ироничной модальностью, вследствие чего они взяты в кавычки. Такой ретроспективный взгляд на наше духовное прошлое на примере языковых выражений позволяет проследить существенную смену ориентиров языковой личности, динамику языка и культуры.

Языковая метафорическая модель восприятия политической реальности – метафора оттепели, застоя, перестройки, войны и т.п. (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов) – может выступать в качестве доминанты

отдельных лингвокультурологических микрополей, входящих в ЛКП “советская культура” и определять их семантическое наполнение.

Ядро микрополя “хрущевская оттепель” составляли следующие словосочетания-клише: *культ личности, остров свободы, дети фестиваля, “бульдозерная” выставка, “спальный” район, квадратно-гнездовой способ* и др. и лозунг *Догнать и перегнать Америку!*

В ядро лингвокультурологического микрополя “период застоя” входили следующие словосочетания-клише: *знак качества, телефонное право, компетентные органы, ограниченный контингент советских войск, показательные мероприятия, чувство глубокого удовлетворения и законной гордости, выездная характеристика, продовольственная программа, рыбный день, неуставные взаимоотношения* и др. - и высказывания-лозунги: *Даешь БАМ! Слава труду!* и под.

Перестроечная эпоха характеризовалась следующим набором словосочетаний-клише в качестве ядра лингвокультурологического микрополя “перестройка”: *прораб перестройки, курс на перестройку и обновление, ускорение общественного развития, новое мышление, общество тотального дефицита, стоять за дефицитом, очередь за мылом/водкой* и т.п., *Жилье – 2000, визитная карточка покупателя, выездная торговля, горячая точка, лица кавказской национальности, деревянный рубль, рублевая зона, “загрязненные” районы, “прозрачные” границы, беловежские соглашения, потребительская корзина, “колбасная” электричка* и др. - и высказываний-лозунгов: *Даешь ускорение! Процесс пошел.*

Посттоталитарный, современный период развития общества нашел отражение в следующих выражениях: *парад суверенитетов, ближнее зарубежье, дальнее / иностранное зарубежье, невидимая / теневая экономика, совковый бизнес, “челночный” бизнес, коммерческий туризм, новые люди /русские /белорусы, планово-рыночная экономика, рыночный социализм, силовые ведомства /структуры, обвальная / номенклатурная приватизация /”прихватизация”, уличный доллар, валютные иностранцы / мальчики, “телефонный” коммунизм, телефон доверия, правовой/валютный коридор.*

По образному выражению философов, язык есть время культуры. Как языковые свидетельства социальной истории предстают теперь перед нами проанализированные лингвокультуремы. Под этими полуфразеологизированными словосочетаниями и выражениями стоят вполне определенные модели восприятия действительности, а мир языка предстает как “вторая действительность” (Л. Вайсгербер).

К проблеме создания частного словаря фразеологизмов с компонентом «бог»

Шведова Н.В.
Курган

Одним из актуальных направлений в современной фразеологии является создание частного словаря фразеологизмов, объединенных общим компонентом.

Фразеологические единицы с компонентом «бог», отражающие менталитет русского народа, широко представлены и частотны в современном русском языке. Место, отводимое исследуемым фразеологизмам в толковых и фразеологических словарях, невелико; не выявлен полностью их количественный состав, а толкование непоследовательно и часто неполно. В настоящее время ведется работа над созданием частного словаря фразеологизмов с компонентом «бог», в котором они будут отражены во всем многообразии и подробно описаны.

Цель настоящего словаря – дать наиболее полную характеристику фразеологизмов с компонентом «бог». Для этого потребовалось решить следующие задачи: выявить фразеологизмы с компонентом «бог» в современном русском языке; разработать семантическое толкование каждого фразеологизма, выявив многозначность, омонимичность и первичные фразеобразовательные возможности; дать семантико-грамматическую характеристику каждого фразеологизма, указывая его категориальное и субкатегориальное значение; показать особенности употребления фразеологизмов с компонентом «бог» в речи достаточным количеством иллюстративных цитат.

В Словарь включены фразеологизмы с компонентом «бог» современного русского языка (219 фразеологических статей), которые располагаются по алфавиту буквенных знаков всех компонентов фразеологизма, начиная с первого. При алфавитном принципе расположения фразеологизмов не учитываются факультативные компоненты единицы.

Во вводной главе Словаря дается лексикографическая трактовка слова «бог», поскольку имя существительное «бог», входя в компонентный состав фразеологизмов, играет важную роль в формировании значения фразеологической единицы, актуализируя отдельные семы своего лексического значения. Анализируя же словарные статьи, мы пришли к выводу, что в словарях нет единообразия, полноты и последовательности лексикографического описания слова «бог». Почти во всех словарях советского периода шел процесс дехристианизации религиозных слов: уход в пассив той части лексического состава русского языка, которая составляла его идеологическое ядро и оказывала большое влияние на формирование религиозного сознания человека.

Во вводной главе также рассматривается механизм создания фразеологических единиц с компонентом «бог»; более подробно описываются наиболее представленные в количественном отношении фразеологизмы с предметным, местоименным, процессуальным и модальным

категориальным значением; фразеологические единицы остальных классов (призначные, качественно-обстоятельственные, грамматические) немногочисленны.

подача словарной статьи состоит из следующих компонентов:

1. В заголовке статьи фразеологизмы даются в различной форме – в зависимости от отнесенности их к тому или иному семантико-грамматическому классу.

Предметные фразеологизмы даются в заголовке в форме единственного числа: **лесной бог, олимпийский бог, закон бога**. Если у таких фразеологических единиц возможна форма множественного числа, то она может быть показана в цитатах.

Призначные фразеологизмы даются по-разному:

1) в той единственной форме, в которой они употребляются, например: **как бог, от бога, нет бога, без бога**.

2) при наличии у них категорий рода, числа и падежа они даются в форме мужского рода, единственного числа, именительного падежа, например: **богом забытый, богом рожденный, богом убитый, богом обиженный**.

Местоименные фразеологизмы даются по-разному – в зависимости от групповой семантики, указывающей:

1) на неопределенные обстоятельства в той единственной форме, в которой они употребляются, например: **бог знает [весть] зачем, бог знает [весть] где, не бог знает [весть] куда;**

2) на неопределенные предметы (**бог знает [весть] кто, не бог знает [весть] что**) и неопределенное количество (**не бог знает [весть] сколько, бог знает [весть] сколько**) в форме именительного падежа;

3) на неопределенные признаки в форме мужского рода, единственного числа, именительного падежа, например: **бог знает [весть] какой, не бог знает [весть] какой**.

Процессуальные фразеологизмы даются в заголовке в форме несовершенного вида, если они в этом виде употребляются. За формой несовершенного вида дается форма совершенного вида, например: **бог хранит/сохранит кого, восхвалять/восхвалить бога**.

Если процессуальный фразеологизм употребляется только в одном из видов, то он приводится в заголовке в этом виде, например: **не знать бога, искать бога, служить богу**.

Качественно-обстоятельственные фразеологизмы даются в заголовке в той единственной форме, в которой они употребляются, например: **без бога, как (будто) бог, как у бога за пазухой (дверями, рамкой), на бога, на сто богов**.

Фразеологизмы-связки даются в заголовке в форме прошедшего времени: **бог дал, бог дал талант, бог надоумил, бог положил на душу, бог привел, бог велел, бог сохранил**.

Модальные фразеологизмы так же, как и качественно-обстоятельственные, даются в заголовке в той единственной форме, в

которой они зафиксированы, например: **бог (мне) свидетель, слава богу, не гневи бога, не дай бог (никому).**

Заголовочный фразеологизм выделяется жирным шрифтом.

2. В круглых скобках дают факультативные компоненты фразеологизма: **(сам) бог велел, (господь) бог прибрал, бог (мне) свидетель.**

3. В квадратных скобках даются варианты компонентов фразеологизмов: **(да) благослови (меня, нас, тебя, вас, его, ее, их) бог [боже], (один) бог знает [ведает], бог простит [прости (тебе, вам, ему, ей, им) бог], бог (тебе, вам, ему, ей, им) на [в] помочь [помощь] [бог помочь (помощь)].**

4. Возможное лексическое окружение фразеологизма дается в заголовке словарной статьи в ломаных скобках: **(Сам) Бог послал.** Устар. Прост. *Проц.; семант. недостат.* 1. *Сост.* Кому, кого <сына, дочь, детей, ребенка>. Посчастливилось иметь детей, родить ребенка.

5. Типичная грамматическая сочетаемость процессуального фразеологизма (включена в виде падежного вопроса после заголовочного фразеологизма: **бог не оставил/оставит кого, бог сжалился над кем, бог устроил что.** Падежный вопрос набран обычным шрифтом.

6. Семантико-грамматическое описание фразеологизма идет после заголовка, набирается курсивом и включает категориальную и субкатегориальную принадлежность фразеологической единицы: **Призывать бога в свидетели.** *Проц.; деят.* **Бог знает [весть] как.** *Мест.; неопред.* **Бог не выдаст.** *Мод., эмоц.*

7. Толкование значения. Каждое значение нумеруется, если фразеологизм многозначный. Все значения и отдельные фразеологизмы вместе с заголовочным словом и семантико-грамматическим описанием заключены в рамку. Рамка отделяет иллюстративную часть статьи.

8. Историко-временная и стилистическая характеристика дается после фразеологической единицы обычным шрифтом: **(Сам) Бог велел.** Устар. Разг. **Бог обидел.** Устар. Прост.

9. Иллюстративная часть состоит из цитат, показывающих возможности грамматической и лексической сочетаемости фразеологизма, употребление его в различных вариантах и разных грамматических формах, если они возможны.

Иллюстрации подтверждают правильность выделенных значений и обнаруживают тенденцию возникновения новых оттенков значений.

Таким образом, семантико-грамматические, вариационные характеристики, наличие факультативных компонентов, выявление многозначности и омонимии, историко-временная и стилистическая маркированность, синтаксическая, лексико-семантическая сочетаемость – важнейшие составляющие фразеографического толкования, которые будут полезны не только для преподавателей вузов, учителей, студентов и учащихся, но и для широкого круга читателей, интересующихся русским языком и русской культурой.

**Стилистические приемы создания людической функции
фразеологизмов (по произведениям А. Аверченко,
Н. Тэффи и С. Черного)**

Щербакова А.В.
Кострома

В последнее время в отечественной лингвистике активно исследуется феномен языковой игры (ЯИ). Однако многоплановость и сложность самого явления объясняет затруднительность непротиворечивого и исчерпывающего его определения. Интересным и неразработанным остается и вопрос о соотношении ЯИ и стилистического приема. Некоторые исследователи (Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова, А.П. Сковородников) отмечают, что «понятия ЯИ и стилистический прием пересекаются в том случае, если стилистический прием используется в людической (игровой) функции – функции создания нестандартного остроумного высказывания» [3, с. 802]. Однако подробного исследования взаимосвязи стилистического приема и языковой игры на фразеологическом уровне не предпринималось. Для теории ЯИ является важным изучение реализации людической функции стилистических приемов в текстах комического содержания. Особый интерес представляют произведения авторов «Сатирикона» (1908–1918). Сотрудники журнала А.Т. Аверченко, Н. Тэффи и С. Черный – известные писатели, в творчестве которых юмористические жанры занимают одно из главных мест. В создании ЯИ они используют различные стилистические приемы: сравнение, антифразис, гипербола, антитеза, оксюморон, олицетворение, эвфемизм, синекдоха и другие, а также стилистические конвергенции.

Рассмотрим фразеологическую конфигурацию в путевых заметках Аверченко «Экспедиция в Западную Европу сатириконцев» (1913). Один из героев – Сандерс – характеризует временные материальные затруднения русских туристов в Париже: «Вот что, господа! Мифасов берег деньги на случай питания масляными красками и кожей чемоданов. Я заглянул дальше; **на самый крайний, на крайнейший случай**, – слышите? – когда среди нас начнет свирепствовать цинга и тиф – я припрятал **кровные 30 франков**» [1, с. 354].

Сандерс, обрисовывая бедственное положение, в которое попали «сатириконцы» (они не могли получить в банке деньги в связи с праздниками), употребляет фразеонабор **на самый крайний, на крайнейший случай** (уз. фразеологизм **на крайний случай** ‘в предвидении крайней необходимости, допуская возможность крайней необходимости’ [4, с. 435]; **кровные 30 франков** (уз. **свои кровные** ‘деньги, заработанные своим трудом’ [2, с. 307]). Гипербола создается путем расширения компонентного состава фразеологической единицы (ФЕ) **на крайний случай**: контактное расположение составной и простой форм превосходной степени компонента-прилагательного **крайний** (**на самый крайний, на крайнейший**) усиливает семантику устойчивого оборота. А также писатель использует эмфатическое ударение, способствующее смысловому выделению трансформированного компонента (**край-нейший**). В процессе индивидуально-авторского

преобразования ФЕ *свои кровные* происходит смысловое противопоставление компонентов *свои 30 франков*, содержащее подтекстовую информацию: намек на то, что 30 франков – это валюта, не свои родные деньги, т.е. не рубли. Устойчивые обороты в составе фразеонабора (*на самый крайний, на край-нейший случай; кровные 30 франков*) образуют причинно-следственные смысловые связи. Здесь ЯИ создается за счет использования гиперболы и оксюморонного сочетания слов (ср. у С. Черного *пожилая трепетная лань*).

Таким образом, использование стилистических приемов языковой игры является выразительным средством создания речевой характеристики персонажа, усиливает психологизм повествования, подчеркивает комическую тональность текста, формирует авторскую модальность.

Литература

1. Аверченко А. Экспедиция в Западную Европу сатириконцев...// Аверченко А.Т. Хлопотливая нация: Юмористические произведения. – М.: Политиздат, 1991. - С. 249-349.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999.
3. Сковородников А.П. Языковая игра // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковординова. Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. - С. 796–803.
4. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1986.

Фразеология как один из источников управления деятельности человека (на материале г. Омска)

Юнаковская А.А.
Омск

Взаимоотношения горожан на бытовом уровне регулируются определенными правилами: это деятельностно-поведенческая система взглядов, в основе которой лежит отношение человека к явлению, которое определяется как «ценность». Можно предложить схему важных для городского человека понятий, а также их негативное проявление.

БАЗОВЫЕ МОРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ

Позитивные

Негативные

I. Витальные ценности (природные):

ЖИЗНЬ

СМЕРТЬ / РАННЯЯ СМЕРТЬ

ДОЛГОЛЕТИЕ и ЗДОРОВЬЕ

Это зло, которому помогают

(это высшие личностные блага)

БОЛЕЗНИ

« Я » - мир

ТРУДОЛЮБИЕ (высшая ценность)

ЛЕНЬ

↓
ДОСТАТОК

↓
БЕДНОСТЬ

ПРАВДИВОСТЬ
КРОТОСТЬ
СМИРЕНИЕ
ВЕСЕЛЬЕ / РАДОСТЬ
II. Социальные ценности:
Семейно-родовые ценности:
ДОМ
СЕМЬЯ («большая» и «малая»)
«Я» в мире своих людей
РАЗМЕРЕННОСТЬ
ЗДРАВОМЫСЛИЕ
ВЕРНОСТЬ
УМЕНИЯ

ЛОЖЬ
ГОРДЫНЯ
СТРОПТИВОСТЬ
ПЕЧАЛЬ / ГОРЕ

НЕ-ДОМ
ОДИНОЧЕСТВО

РАСПУСТВО
ЛЕГКОМЫСЛИЕ
НЕВЕРНОСТЬ (плохого мужа)
НИКЧЕМНОСТЬ (жены) ----

«Я» и «Мы»: «Я» в мире чужих людей:

ПРИЗНАНИЕ
МИЛОСЕРДИЕ
СОСТРАДАНИЕ

ОТВЕРЖЕННОСТЬ
БЕЗРАЗЛИЧИЕ
НАСИЛИЕ

III. Общественные ценности :

«Я в обществе»

ТЕРПЕНИЕ
СДЕРЖАННОСТЬ

НЕТЕРПЕНИЕ
НЕСДЕРЖАННОСТЬ

СКРОМНОСТЬ

РАСПУЩЕННОСТЬ

«Я в государстве»

МОЛЧАЛИВОСТЬ
ПОСЛУШАНИЕ
ПОКОРНОСТЬ

БОЛТЛИВОСТЬ
НЕПОСЛУШАНИЕ
НЕПОКОРНОСТЬ

Первый уровень можно определять как «эгоцентрический»: индивида волнуют явлениями, касающиеся его биологического функционирования. *Жизнь* – это высшее личностное благо, которое зависит от *здоровья* и *долголетия*. Высшей ценностью для человека можно считать *труд*, т.к. он обеспечивает саму жизнь, здоровье и долголетие. При этом *богатство* не является целью (не воспринимается безусловным добром). *Радость* и *веселье* улучшают биологические процессы. Данные ценности обеспечивают функционирование внутренней системы (мира) индивида.

Второй уровень можно называть «индивидуально-личностным»: человек выделяет личностные (социальные) отношения, его интересы обращены к *дому*, *семье*, *родне* («своим»), *соседям* и т.п. Их наличие способствует долголетию. Данные ценности регулируют взаимодействие человека с окружающими его людьми.

Третий уровень является **социально-личностным** (общественным). «Удобным» для общества является человек «тихий», который должен быть всегда *терпелив*, *сдержан*, *скромен*, владеть эмоциями. Данные ценности могут обеспечить сохранение индивида в социуме.

Анализ языкового материала обиходно-бытовой речи г. Омска показал, город фильтрует, анализирует наиболее важные для человека понятия, а затем их номинирует. Формируется т.н. «аксиоматический пласт языка» (т-н В.Г. Борботько): высказывания, предписывающие то или иное поведение в определенной ситуации. Высказывания поведенческого характера, включающие паремию, фразеологические единицы, лексемы, используются, прежде всего, для определения поведения «другого», т.к. это позволяет увидеть себя («собственное я»), отталкиваясь от «не-я».

Рассмотрение ФЕ в данном аспекте позволяет уточнить характер их функционирования в современных условиях, т.к. ФЕ хранят в свернутом виде информацию, являющуюся «сгустком» опыта существования человека в обществе.

Для характеристики человека и его действий можно выделить комплиментарные ФЕ (их мало) и антикомплиментарные ФЕ (их большинство): а) «физические показатели» (**БОЧКА ТОЛСТАЯ**. Толстый человек (чаще всего женщина), **ВЕШАЛКА ВЕШАЛКОЙ**. Худой человек, **ДОХЛЯК ДОХЛЯКОМ**, **ЕЛЕ-ЕЛЕ ДУША В ТЕЛЕ**. Больной, старый человек, (иметь) **ОРДЕН СУТУЛОВА**. Быть сутулым и т.п.), б) «плохо выговаривать слова» (**ЖУВАТЬ СЕНО**, **ЛЯПАТЬ ЯЗЫКОМ ПЕЛЬМЕНИ** и т.п.), в) «внешний облик» (**АНЧУТ ПОСЛЕДНИЙ**. Неряшливый, грязный человек, **ИЗЖЕВАННЫЙ КАК ИЗ ЖОПЫ**. Сильно измятый, **ЛАХУДРА ЛАХУДРОЙ**, **СТЮРА ПИРОГОВА**. Неопрятная женщина и т.п.), г) «плохо соотносить» (**БАШКА (КОТЕЛОК, ЧЕРДАК) НЕ ВАРИТ**, **ВАНЬКА ДОМА**, **МИТЬКИ НЕТ**, **С ГОЛОВОЙ НЕ ДРУЖИТЬ**, **ТЯМЫ НЕ ХВАТАЕТ** и т.п.), «человек, который плохо соотносит» (**ДУРАК РОЖДЕСТВЕНСКИЙ**, **ДУРИЛКА КАРТОННАЯ**, **ЖАБА КОНТУЖЕННАЯ**, **ТОВАРНЯК ПУСТОЙ**, **ТОРМОЗ ПОЛНЫЙ**, **ФЕВРАЛЬ В ГОЛОВЕ** и т.п.), д) «черты характера» (**АЛКОГОЛИЗМА ПОЛНАЯ**, **ПЬЯНЬ ПОГАНАЯ**. Сильно пьющий человек, **ВАРНАК ВАРНАКОМ**. Злобный человек, **ВО РТУ РАЗУЕТСЯ И ОБУЕТСЯ**. Хитрый человек, **ЖАДНЮГА ПОСЛЕДНИЮ**, **УТРОБА НЕНАСЫТНАЯ**. Очень жадный человек).

В «социально осуждаемых действиях» представлены ряды: «говорить вздор» (**ГВОЗДИ ЖАРИТЬ**, **ЗУБЫ ТОЧИТЬ**, **ЛАПШУ НА УШИ ВЕШАТЬ**, **ЛИТЬ (ОТЛИВАТЬ) ПУЛИ**, **МОЗГИ ПУДРИТЬ (ЛОДЫРЯ, ШАЛУШКИ) ГОНЯТЬ**, **НЕСТИ ЧУШЬ** и т.п.), «бездельничать» (**БАЛДУ (ВОЛЫНДУ, ЛОДЫРЯ, ШАЛУШКИ) ГОНЯТЬ**, **ВАЛЯТЬ ДУРАКА**, **ВОЗИТЬ ДЫМ**, **САЧКА ДАВИТЬ** и т.п.), «вести себя, отступая от принятых норм» (**БЕЛЕНУ ОБЪЕСТЬСЯ**, **КРЫШУ (КЕПКУ, КОСЫНКУ) ПОТЕРЯТЬ**, **С ГЛУЗДУ СЪЕХАТЬ**, **С КАТУШЕК СОРВАТЬСЯ**, **С УМА СБРЕНДИТЬ (СПЯТИТЬ)** и т.п.), «капризничать» (**ЗАКИДОНЫ ВЫКИДЫВАТЬ**, **ФОРДЫБАКИ РАЗВОДИТЬ** и т.п.), «сердиться без особых оснований» (**ЛЕЗТЬ В БУТЫЛКУ**), «обманывать» (**ЕЗДИТЬ ПО УШАМ**, **ЗАЛИВАТЬ ВОДУ**, **ЛЕПИТЬ ГОРБАТОГО**, **НАВОДИТЬ СЛЕПЫХ НА БРЕВНА** и т.п.), «проявлять чрезвычайный

интерес к противоположному полу» (**ТРЕПАТЬ ПОДОЛ, ТРЕПАТЬ ХВОСТ, (БЫТЬ)** (для женщин) и т.п., **ГОНЯТЬСЯ ЗА КАЖДОЙ ЮБКЕЙ, ПО БАБАМ ЛАЗИТЬ (ТАСКАТЬСЯ, ХОДИТЬ)**), «пить спиртное» ((**БЫТЬ**) **ВЫПИВШИ (ВЫПИМШИ (БЫТЬ), ЗАЛОЖИТЬ ЗА ГАЛСТУК, ЗАШИБИТЬ МУХУ, КАК ЗЮЗЯ, ЗЮЗЯ ЗЮЗЕЙ, ЛЫКА НЕ ВЯЗАТЬ, (БЫТЬ) НА БРОВЯХ, НАДРАТЬСЯ В ДРАБАДАН, НАЛИЗАТЬСЯ В СОСИСКУ, ШАРЫ (ГЛАЗА) ЗАЛИТЬ** и т.п.), «употребить много пищи» (**ЖОР НАПАЛ, НАБИТЬ ТУРСУК, УТРОБА НЕНАСЫТНАЯ** и т.п.), «находиться в зависимом положении от женщины» (**ДЕРЖАТЬСЯ ЗА (БАБЬЮ) ЮБКУ**), «выгодно устроить какое-либо дело, уладить» (**ОБТЯПАТЬ ТИХОЙ САПОЙ, (делать что-л.) ПО БЛАТУ** и т.п.), «соблюдать собственные интересы» (**ГРЕСТИ ПОД СЕБЯ, ЗАГРАБАСТАТЬ ВСЕ, УРВАТЬ КУСОК** и т.п.), «досаждать кому - либо своим присутствием» (**ВЪЕДАТЬСЯ В ПЕЧЕНКУ, МОЗОЛИТЬ ГЛАЗА, НАБИТЬ ГАЛДУ, ПЛЕШЬ ПРОЕДАТЬ** и т.п.), «устроить скандал» (**ОТКРЫТЬ ВАРЕЖКУ, ПОДНЯТЬ (УСТРОИТЬ) БУЧУ**).

Анализ фонда ФЕ позволил выявить и «неявную» антитезу (только одну часть антонимической оппозиции). Так, наблюдается преобладание единиц для обозначения ситуации смерти (**ДАТЬ ДУБА, КЕДЫ В УГОЛ ПОСТАВИТЬ, ЛАСТЫ СКЛЕИТЬ, НАДУТЬ ЛАПУ, ОТБРОСИТЬ КОПЫТА, ОТДАТЬ КОНЦЫ, ОТПРАВИТЬСЯ В МИР ИНОЙ, ПРОТЯНУТЬ НОГИ (ЛАПТИ), СЫГРАТЬ В ЯЩИК** и т.п.), при слабом обозначении ситуации рождения, аналогичная картина в оппозиции «быть трезвым» - «быть пьяным», «быть умным» - «быть глупым», «быть добрым» - «быть злым» «быть лучшим» - «быть худшим», «быть здоровым» - «быть больным» и т.п.

Итак, система ценностей является результатом деятельности сознания и имеет выражение в речи. Фонд городских ФЕ - своеобразное «хранилище» моральных категорий в особой образной форме. При характеристике важным является, из какой зоны («своей» или «чужой») наблюдается «другой». ФЕ, став устойчивым и общеизвестным знаком, оказывается в ряду единиц, регулирующих поведение горожанина.

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти учителя	
Абдрахманова И.Э., Казань. Функционирование фразеологических единиц в телевизионной речи	
Аверина М.А., Озёрск. К проблеме создания словаря фразеологизмов-союзов, связывающих семантически и грамматически относительно независимые конструкции	
Аверина М.А., Озёрск, Захарова Л.А., Челябинск. Предлог под ² с винительным падежом как компонент фразеологического предлога и фразеологического союза	
Анохина С.В., Курган. Фразеологизмы-тителования человека в произведениях И.А.Бунина	
Белозёрова Ф.М., Курган. Русско – немецко – английские параллели во фразеосемантическом поле «Характер человека»	
Бессонова Ю.А., Орел. ФЕ со значением недоброго пожелания в говоре д. Труфаново Орловского р-на Орловской области как отражение фрагмента языковой картины мира	
Блинова Е.В., Кострома. Образование и функционирование отфразеологических символов в художественном тексте (на материале повести В. Токаревой “Старая собака”)	
Бобылева Т.В., Курган. Выражение модальности возможности в повестях А.И. Куприна «Олеся» и «Гранатовый браслет»	
Бочина Т.Г., Казань. Антитеза и оксюморон в русской паремике	
Бубнов А.В., Курск. «Дух худ» или палиндромные устойчивые словесные комплексы и их особенности	
Бурмистрович Ю.Я., Абакан. Разговор о фразеологизмах может быть каким угодно, но только не противоречивым	
Бушакова М.Н., Краснодар. Особенности функционирования фразеологических единиц с компонентом “грех”:	

лингвокультурологический аспект	
Бушев А.Б., Тверь. Фразеологизмы как актуализации при чтении текста	
Бушев А.Б., Тверь. Этноспецифичность фразеологии и переводческий прием адаптации	
Виноградова Е.А., Кострома. Особенности структуры фразеологических конфигураций в лирико-философских миниатюрах «Уединенного» и «Опавших листьев»	
Волостных А.В., Тамбов. Роль фразеологизмов в современной рекламе	
Волостных И.А., Тамбов. Фразеологические единицы как национально-культурные маркеры	
Георгиева С.И., Пловдив, Болгария. О связи структурной организации фразеологизмов с их семантикой	
Гончарова Н.В., Курган. Внешняя форма предметных фразеологических единиц со значением лица в поэзии О. Мандельштама	
Григораш А.М., Украина, Киев. Крылатые выражения в современной публицистике: функция характеристики эпохи и личности (на материале книги В.И. Новикова «Высоцкий»)	
Гринева А.Г., Санкт-Петербург. Отражение национальной культуры во фразеологизмах с квантитативным компонентом	
Долгополов О.В., Магнитогорск. Закономерности обновления фондов крылатых единиц русского и немецкого языков в XX – начале XXI вв.	
Жукова А.Г., Мандрикова Г.М., Новосибирск. Фразеологическая агнонимия: зона "коммуникативного риска"	
Залозная Т.Е., Челябинск. Синонимические отношения лексических и фразеологических предлогов с пространственным значением	
Зливко С.Д., Казань. Функционирование фразеологических единиц в лингвистических научных текстах	

Кабыш В.И., Курган. Процессуальные фразеологизмы с компонентами брать/взять субкатегории состояния	
Кайгородова И.Н., Астрахань. Способы образования предикативных фразеологических единиц	
Каменев К.В., Магнитогорск. Русские и английские крылатые единицы, восходящие к синтетическим жанрам искусства	
Катермина В.В., Кубань. Символический аспект значения английских фразеологических единиц с цветовым компонентом	
Кацюба Л.Б., Челябинск. Безличные формы и безличные глаголы в пословицах	
Коршкова Е.А., Курган. Фразеологизмы с компонентом «час» в поэзии В. Ходасевича	
Косякова Ю.Г., Омск. Семантическая структура ФЕ сферы эмоциональных состояний.	
Котлярова Г.Д., Челябинск. Антонимические отношения процессуальных фразеологизмов психического состояния в военных рассказах В.М.Гаршина	
Кудрина Н.В., Курган. Фразеосемантическое поле смерти в поэзии Анны Ахматовой	
Куныгина О.В., Челябинск. К проблеме системности лексических и фразеологических частиц	
Лаухина С.С., Омск. Фразеологические единицы терминологического происхождения во фразеологических словарях	
Лебединская М.И., Курган. Структурные модели компаративных фразеологизмов в поэзии К.Бальмонта	
Литвиненко Ю.Ю., Омск. Место фразеологических единиц в структуре лексико-семантического поля «возраст»	
Мазаева А.Ю., Пятигорск. Внутренняя форма фразеологических единиц как мотивирующее основание коннотации	

Медведева Н.А. Фразеологизмы с темпоральной семантикой в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»	
Мезенцева В.Ю., Кубань. Фразеологические единицы в пространстве публицистического текста.	
Мелерович А.М., Кострома. Об особенностях функционирования ФЕ в поэзии и возможностях его фразеографической репрезентации	
Мишина Л.Н., Магнитогорск. Устойчивые словесные комплексы старославянского языка как объект описания в «Старославянском словаре (по рукописям X-XI веков)»	
Навроцкий А.А., Челябинск. Функционирование процессуальных фразеологизмов в романах Ф.М. Достоевского: стилистический аспект	
Орехова М.В., Орел. Фразеологические единицы в рассказе Б.К.Зайцева «Авдотья-смерть»	
Павлова А.Э., Кострома. Особенности создания комического посредством фразеологии в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»	
Першикова А.В., Курган. К этимологии фразеологизмов русского языка, объединенных архисемой «обувь»	
Петриченко М.А., Кривой Рог, Украина. К вопросу о специфике фразеологии научного стиля	
Петрова Г.И., Прага, Чехия. Русско-болгарские фразеологические параллели	
Попкова М.В., Омск. Функционирование узуальных фразеологизмов в жанре литературного портрета (на материале мемуаров Г. Иванова «Петербургские зимы»)	
Радченко Е. В., Челябинск. Лакунарность образования причастных и деепричастных форм процессуальных фразеологизмов	
Ратушная Е.Р., Курган. Номинация человека по родственным отношениям как фрагмент языковой картины мира	

Сергеева Г.Н., Владивосток. Семантика полифункционального слова не без основания (-й)	
Сироткина Т.А., Пермь. Устойчивые сочетаний с этнонимами в говорах Прикамья	
Скнарев Д.С., Челябинск. Семантические группы субкатегории субъектных единиц процессуальных фразеологизмов с компонентами – соматизмами	
Смирнова О. М., Казань. Устойчивые словосочетания в тексте научно-практического комментария к Конституции РФ	
Соколова А.А., Курган. Процессуальные фразеологизмы, выражающие межличностные отношения	
Тильман Ю.Д., Москва. Счастье в наивно-языковой картине мира	
Третьякова И.Ю., Кострома. Особенности окказиональных преобразований именных фразеологизмов	
Туркина Б.В., Курган. Структурная организация как важнейший элемент формы процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния	
Усачева Н.Б., Курган. Внутренняя и внешняя предикативность фразеологических связок	
Устинова Н.Н., Краснодар. Фразеологизм как семантико – когнитивное средство объективации эмоций.	
Фокина М.А., Кострома. Устойчивые обороты как средство выражения авторской позиции в очерке К. Бальмонта «без русла»	
Хохлина М.Л., Астрахань. Особенности речевой реализации клишированных синтаксических идиом	
Чепуренко А.А., Челябинск. Динамичность фразеологических единиц как одно из условий возникновения проблемы границ и объема фразеологизмов	
Чибышева О.А., Омск. «Семейное положение» как аспект концепта	

«Женщина» (на материале фразеологизмов английского и русского языков)	
Чумак Л.Н., Минск. Фразеология или синтаксис?	
Шведова Н.В., Курган. Словарь фразеологизмов с компонентом «бог»	
Щербакова А.В., Кострома. Стилистические приемы создания юридической функции фразеологизмов (по произведениям А. Аверченко, Н. Тэффи и С. Черного)	
Юнаковская А.А., Омск. Фразеология как один из источников управления деятельности человека (на материале г. Омска)	

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ
ПАМЯТИ**

Профессора

Валентины Андреевны ЛЕБЕДИНСКОЙ

Выпуск 2

Сборник научных статей

Лицензия ЛР № 020376 от 17.06.97

Подписано в печать
Формат 60*84 1/16
Заказ

Усл.-печ. л. 15
Тираж 150

Бумага тип № 1
Уч.-изд. л. 15

Издательство Курганского государственного университета
640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25
Курганский государственный университет,
ризограф.